

СЕРГЕЙ
SKOLORUSSOV

ПРОМЕТЕЙ
ВОЗВРАЩЕНИЕ

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

16+

Сергей Skolorussov

Прометей. Возвращение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67128519

SelfPub; 2022

Аннотация

Новый ледниковый период наступит. Хотим мы этого или нет – он обязательно наступит. Таков закон. Закон развития и гибели любых звёздных систем. Вопрос лишь в том: сможет ли человечество приспособиться? Сможет ли выжить? Сможет! Но лишь в том случае, если люди перестанут попусту тратить силы и энергию на борьбу друг с другом.

Содержание

Глава сорок девятая	8
17 апреля 2063 года	8
Глава пятидесятая	24
17 апреля	24
Глава пятьдесят первая	26
18 апреля	26
Глава пятьдесят вторая	30
18 апреля	30
Глава пятьдесят третья	32
18 апреля	32
Глава пятьдесят четвёртая	36
18 апреля	36
Глава пятьдесят пятая	42
18 апреля	42
Глава пятьдесят шестая	51
18 апреля	51
Глава пятьдесят седьмая	60
18 апреля	60
Глава пятьдесят восьмая	64
19 апреля	64
Глава пятьдесят девятая	72
19 апреля	72
Глава шестидесятая	76

19 апреля	76
Глава шестьдесят первая	85
19 апреля	85
Глава шестьдесят вторая	94
19 апреля	94
Глава шестьдесят третья	98
20 апреля	98
Глава шестьдесят четвёртая	104
20 апреля	104
Глава шестьдесят пятая	116
20 апреля	116
Глава шестьдесят шестая	123
20 апреля	123
Глава шестьдесят седьмая	127
21 апреля	127
Глава шестьдесят восьмая	135
21 апреля	135
Глава шестьдесят девятая	144
21 апреля	144
Глава семидесятая	154
21 апреля	154
Глава семьдесят первая	156
22 апреля	156
Глава семьдесят вторая	159
23 апреля	159
Глава семьдесят третья	164

23 апреля	164
Глава семьдесят четвёртая	170
24 апреля	170
Глава семьдесят пятая	174
25 апреля	174
Глава семьдесят шестая	180
25 апреля	180
Глава семьдесят седьмая	182
25 апреля	182
Глава семьдесят восьмая	190
25 апреля	190
Глава семьдесят девятая	194
25 апреля	194
Глава восьмидесятая	196
25 апреля	196
Глава восемьдесят первая	201
25 апреля	201
Глава восемьдесят вторая	209
26 апреля	209
Глава восемьдесят третья	215
26 апреля	215
Глава восемьдесят четвёртая	219
26 апреля	219
Глава восемьдесят пятая	222
26 апреля	222
Глава восемьдесят шестая	232

26 апреля	232
Глава восемьдесят седьмая	236
27 апреля	236
Глава восемьдесят восьмая	240
27 апреля	240
Глава восемьдесят девятая	245
27 апреля	245
Глава девяностая	253
27 апреля	253
Глава девяносто первая	267
27 апреля	267
Глава девяносто вторая	275
27 апреля	275
Глава девяносто третья	278
27 апреля	278
Глава девяносто четвёртая	285
27 апреля	285
Глава девяносто пятая	293
29 апреля	293
Глава девяносто шестая	304
5 мая	304
Глава последняя	318
22 сентября 2063 года	318

Сергей Skolorussov

Прометей. Возвращение

«Весь год солнце светило тускло, и плоды незрелыми падали с деревьев. Римляне восприняли это как кару богов за совершённое преступление. Тело Цезаря, согласно римским обычаям, с большими почестями сожгли на костре и соорудили на этом месте храм в его честь».

История Рима. 44 год до н.э.

Глава сорок девятая

17 апреля 2063 года

Хутор Смородинский

С надеждой на встречу с любимой

Ярослав взлетал всё выше и выше. Холодная земля осталась далеко внизу. Теперь он прорывался через промозглую влагу облаков. Вода насквозь промочила одежду и дрожью проникала в каждую клеточку организма. Парень машинально притянул к окоченевшему телу руку, в которой держал пылающий факел. Но огонь почти не грел – влага, шипя, заливала его. Чтобы взбодрить пламя пришлось свободной рукой срочно организовать поддув. Огонь стал потихоньку оживать. Ничего-ничего, ещё чуть-чуть, взберусь повыше и факел можно будет закрепить. Закрепить в центре небесного купола. Пусть он светит и греет грешную Землю. Люди так ждут твоего тепла. Подъем факела продолжался. Облака начали таять, а небо голубеть. Ещё немного и всё получится. Вот так, вот так! Ура! Факел начал пылать с новой силой! Но в тот момент, когда Яр практически взмыл над облаками, откуда-то, неизвестно откуда, появился вертолёт. Он зычно рыкнул в ухо и едва не зацепил голову. Ты со-

всем сдурел? Смотри, куда летишь! Зря грозил. Бесплезно. Вертолёт улетел, но ветер, пытающийся его догнать, невероятным порывом вырвал из руки факел. Самого Ярослава этот порыв затянул в жуткую воздушную воронку, наполняющую смерч. Потухший факел, словно раненный селезень, безмолвно падал камнем вниз. Всё стало бесполезным, бесперспективным, безнадежным. Холод сковал тело, губы и мысли. Это конец, всё погибло...

...Ярослав вздрогнул и открыл глаза. Стёр ладонью пот со лба. Чёрт, опять снятся кошмары. Вторую ночь снится один и тот же дурацкий сон. Снится по кругу, как киносеанс в американском кинотеатре. Не поймёшь, где начало, а где конец. Взлёт – падение, взлёт – падение. К чёрту! Шелихов вскочил с постели. Я уже здоров, я уже здоров, я уже здоров! Давно пора отсюда выбираться. Маша меня не поймёт, Бузмаков меня не поймёт, никто меня не поймёт. Я и сам себя не пойму. Не пойму, почему я, здоровый мужик, валюсь здесь на чужой постели. Валяюсь и ничего не делаю. Не делаю в тот момент, когда дел невпроворот. Надо, надо, надо! Надо срочно внедрять наше изобретение. А иначе весь труд, все риски, связанные с работой в замёрзшей Москве, коту под хвост.

Мара, где ты? В голове снова закрутилась старая пластинка воспоминаний. Тот же кошмар, только не во сне, а наяву. Хотя поначалу он показался нереальным ночным кош-

маром...

...Я умер? Вероятно. Не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. А главное – холодно. Невыносимо холодно. Даже голова думать не может – так замёрзла. Очевидно все так умирают – мозг работает до тех пор, пока тело совсем не остынет. Прискорбно. Как же я умер? Не помню. Не знаю. Лучше бы мозг сразу отключился – невыносимо осознавать, что ты уже умер. О-па! А пальцы на руке ещё шевелятся. О! Чуть размял, и даже сильнее зашевелились. И чувствуют, чувствуют! Вот моя почти замороженная нога, хотя ногой прикосновение пальцев не ощущаю. Вот какая-то стенка ледяная. Гроб? А вот что-то похожее на цилиндрический сосудик размером с флакон духов. Что это? Ба! Слава богу, я соображаю! Может, ещё не умер? Это шприц-тюбик с энергетической капсулой. Лекарство для тех, кто замёрз и почти не дышит. Вообще-то его колют прямо в лёгкое. Это самый эффективный способ заставить дышать того, кто уже стучится замёрзшей костяшкой в арктический рай. Но можно и в вену. И даже в мышцу. Например, в бедро... Дьявол, я вспомнил всё. Вернее, последнее, что я помню: пью чай и ложусь в этот «гроб-прицеп», сделанный моими собственными руками из автомобильного бокс-багажника. И всё – дальше темнота. Больше ничего не помню. Откуда здесь эта капсула? Да, у нас оставался последний шприц-тюбик. Но он был не в прицепе. Видимо, Мара сунула мне его в последний момент.

Молодец! Или дура? Хм, он мог и ей понадобиться. Чёрт! Где я? Что со мной? Где Мара? Собственно, что ты ноешь? Вкальвай капсулу и беги её искать! Воткнуть шприц-тюбик в бедро не составило труда. Сразу задышал. Задышал! Задышал!!! По телу пошёл озноб, сопровождаемый теплом и приливом сил. Помогает! Значит, не трупак! Руки машинально ощупали всё, что можно ощупать. Жив, жив! Жив курилка! По крайней мере, руки чувствуют тело, а тело чувствует руки. Но почему так холодно? Отчего так темно? Руки прошлись по краям ящика, в котором он лежал. Гроб? Шелихов, ты дурак? Повторно пугаешься от одной и той же мысли. Ты же уже вспомнил, что это багажник. Бр-р-р, голова ещё не начала работать в полную силу. Руки продолжали машинально шарить по пространству ящика. Стоп! А это что? Хм, что-что?! Это голофон. Ни с того ни с сего парню стало смешно. То ли это была рефлекторная реакция на возвращение к жизни. То ли химический эффект, вызванный воздействием некоторых опиат-составляющих энергетического чудо-средства. Шелихов хихикнул. Хи! В гроб положили мой голофон? Так хоронили скифских царей и фараонов. В могилу клали всё, что может пригодиться в загробной жизни. Но зачем мне голофон в загробной жизни? Кому там звонить? Звонить там некому, совсем некому. И интернета в могиле нет. Хи-и... О! А вот музыку в гробу послушать можно. Джинн, ты меня слышишь? Из аппарата тут же выплыл полупрозрачный образ духа, готового исполнить любое же-

лание хозяина. «Слушаюсь и повинуюсь», – громогласно с предельно серьёзным выражением лица заявил джин. «Поставь-ка что-нибудь весёлое, чтобы мои похороны не были столь мрачными», – просьба не из самых невыполнимых. После дежурного «будет исполнено, хозяин», вместо джинна нарисовался мужик в чалме и в халате с красочной дойрой в руке. Он ловко застучал в этот древний восточный бубен, выбивая чёткий ритм. Поддавшись музыкальным тактам, за музыкантом тут же выплыли три красавицы в шёлковых шароварах. Они ловко вписались движениями своих оголённых животиков в задорный ритм дойры. Шелихову такого рода клип не понравился: «Э-э-э, джинн, ты чего? Это не моё. Да и не пустят меня в мусульманский рай. Можешь, что-нибудь другое?» Джинн ослабил и громко поскрёб жёсткую кожу на щеке: «Чего же ты хочешь, хозяин?» Но Шелихову уже расхотелось слушать музыку. Лежать и слушать любимые мелодии? Сейчас? Здесь? От музыки теплее не станет. Она не решит, как выбраться. Не поможет найти Мару. «Всё, отстань. У нас с тобой разные вкусы. Лучше включи самый яркий свет», – Ярослав ещё не пришёл в себя до конца, по-прежнему сомневаясь, что он находится в реальном мире. Но яркий свет голофона окончательно вернул ему память и способность действовать. Так, так, так! Шелихов поднял ногу и попытался поставить её за предел бокса. Не получилось. Нога не нащупала твердь. Хорошо не вскочил резво! Ярослав при помощи фонарика скрупулёзно осветил все

окрестности. Оказалось, что он лежит в автомобильном боксе в небольшой ледяной нише на краю бездонной пропасти. Парень совсем не понимал, как он здесь очутился. Плевать «как»! Надо выбираться. Выбираться и спасти Мару. Её нет рядом – значит, произошло что-то ужасное. Свет голофона не смог достичь дна пропасти. Но в боксе лежала крепкая верёвка и химические свечи. Шелихов бросил одну свечу, затем вторую. Да, точно, там что-то есть. А если там аэросани с Марой? Это страшное предположение подвигло его к активным действиям. Хотя здесь одними активными действиями не обойтись. Можно и шею сломать, и девушку не спасти. Чтобы спуститься вниз, надо сначала придумать, за что закрепить верёвку. Но зацепить её было не за что. Ни ледорубов, ни кошек, ни страховочных крючьев или дюбелей в комплекте с верёвкой не наблюдалось. Верёвка не имела никакого отношения к альпинистскому снаряжению. Это просто верёвка. Хоть и крепкая. Прихвачена она была на всякий случай. Но Ярославу и в страшном сне не могло присниться, что во время перехода на аэросанях, ему придётся спускаться в пропасть или подниматься по горному склону. Да, задача...

В конце концов в голову всё же пришла единственно правильная, как ему показалось, мысль. Надо сначала взобраться на поверхность ледника, а затем поднять ту часть бокс-багажника, в которой он лежал. Верхняя крышка, видимо, улетела вниз вместе с аэросанями. Надо попробовать уста-

новить двухметровый бокс мостиком над этой узкой расщелиной. А уже затем, привязав верёвку к этому мостику, спуститься вниз. Но как взобраться без снаряжения? Ярослав высунул голову из своей ниши и заглянул наверх. Там призывно манил прекрасный солнечный день с голубым прозрачным небом. М-да, до поверхности недалеко – метров пятнадцать. Но ведь не допрыгнешь! И не взлетишь. Что же делать!?! Внезапно в голову пришла блестящая идея. Зонтик! Здесь должен быть зонтик! Вот он! В последний день удачных опытов в малой лаборатории он изготовил зонт. Точно такой же, как тот, что был у Бузмакова. Нет, он не готовился к дождливой погоде в Сочи. Вовсе нет. Но ему очень нравилась идея использовать новый материал для изготовления этого столь нужного аксессуара. Очень удобный получился зонт. Очень. И очень практичный. М-да, когда-нибудь кроме солнышек на небе из нашего прометеона будут изготавливать и зонтики. Миллионы зонтиков. Они будут востребованы в мире, где идёт не только снег, но и дождь. Мечты, мечты... Ладно, надо сначала выбраться отсюда. Страшно? А чего бояться? Материал крепкий. Очень крепкий. Купол зонта невозможно ни сломать, ни согнуть. Ручка тоже надёжная – выдержит. Знаю, сам делал. Раскрывался зонт при помощи кнопки, которая замыкала цепь между батареейкой и поверхностью этого необычного материала, названного Марой «прометеоном». Вот с помощью этого зонта я и выберусь на поверхность.

Он вытянул руку из ниши, подняв её как можно выше, и нажал кнопку на ручке. Зонт раскрылся, упёршись краями в стенки узкой расщелины. Шелихов с силой дёрнул зонт на себя. Тот не сдвинулся ни на дюйм. Чёрт возьми! А ведь он выдержит мой вес! Вполне выдержит. Документы и всякую мелочь Ярослав сложил в рюкзак. А «гроб-багажник» и три канистры с бензином привязал к концу верёвки. Второй конец закрепил на поясе. Так-с, надо выбирать. Слава богу, что он стилизовал зонт под старинный аксессуар с ручкой, загнутой на конце в крючок. Ухватившись за него, Шелихов легко подтянулся вверх. Голова уперлась в раскрытый купол. И что дальше? Да ничего, купол невозможно обогнуть. Со всем невозможно. Просто так залезть на купол не получится. Эта сверхзадача неисполнима. Я не акробат и не супермен. Надо признать этот опыт неудачной попыткой. Раздосадованный он вновь спустился в свою нишу. И что делать? Вот идиот! Надо было изготовить два зонта. С двумя я бы вылез. Раз, два, раз, два – и вскарабкался. А так... Очередной вариант выхода из создавшегося положения не заставил себя ждать. Вот что значит голова учёного-естествоиспытателя! Плюс энергетическая капсула. Новый вариант вряд ли можно было назвать научно обоснованным. Впрочем, «научный тык» – всё же «научный». Ярослав привязал конец верёвки к ручке зонта и стал кидать сложенный зонт вверх. Надежда была на то, что зонт долетит до поверхности, ударится кнопкой о лёд и раскроется. Бросать пришлось долго. Снача-

ла никак не удавалось докинуть зонтик до самого верха расщелины. Затем зонт наотрез отказывался раскрываться. Вариантов, что, долетев до заданной точки, он ударится именно кнопкой, было не так уж много. Но всё же это произошло. Зонт раскрылся и при натяжении верёвки полностью перекрыл расщелину. Отлично! Кряхтя от напряжения, Шелихов вскарабкался под купол зонта, ухватившись за загогулину рукоятки. Чёрт! Проблема не стала разрешимой. Вот она поверхность ледника – рядом. Но взобраться на неё мог разве что циркач. Купол зонта по-прежнему мешал. Не купол, а непреодолимое препятствие. Как ни старался молодой «естествоиспытатель», как ни пыхтел – выбраться из ущелья ему не удалось. Досада... В какой-то момент попытка вообще могла закончиться трагически. Позабыв об осторожности, он коснулся кнопки. Бац! Зонт закрылся. Зонт закрылся, и парень полетел вниз. Хорошо, что не потерял самообладание и не выпустил зонтик из рук. Повторное нажатие кнопки заклинило этот полёт в преисподнюю как раз напротив того самого места, где он оказался после изначального падения. Чёрт! Всё вернулось в первоначальную точку. Переведя дыхание и доведя сердцебиение до обычного состояния, Ярослав стал повторять попытки по забрасыванию зонта на поверхность. На этот раз удача сопутствовала ему гораздо быстрее. Уже в третьей попытке зонт ударился кнопкой и вновь раскрылся, перекрыв провал. Вот что значит опыт! На этот раз Шелихов изменил тактику. Вскарabкавшись под ку-

пол зонта, он подтянул следом пластиковый бокс. Забросить его на поверхность не составило особого труда. «Гроб» был гораздо шире ледяной расщелины. Он занял своё место рядом с зонтом, опёршись концами о края обрыва. На такой мостик Шелихов, хоть и с трудом, но всё же забрался быстро. Фу! Спасся. Теперь нужно спасать Мару. Влюблённый парень перевёл дыхание и отвязал зонт. Теперь он был ему не нужен. Опорой для спуска должен был служить пластиковый бокс. Но перед тем, как начать спуск, он всё же решил размяться. Не для того, чтобы согреться, ему было жарко после трудного восхождения, а для того, чтобы привести в тонус мышцы. Он стал ходить кругами, приседая, подпрыгивая и вертя руками, словно мельница. Стоп! Ярослав увидел следы. Да она же не провалилась! Так-так-так... Вот след аэросаней. Санки перескочили пропасть, а прицеп ударился об её противоположный берег и улетел вниз. Ага! Вот следы удара, а вот следы коленей и рук Мары. Она ползала по краю пропасти и пыталась обнаружить его, Ярослава. Понятно, я лежал без сознания в нише и ничего не видел, ничего не слышал. Голова вновь заняла: то ли вспомнила болезненное падение, то ли от создавшейся ситуации. Естественно, что она кричала и кидала на дно ущелья осветительные свечи. Обидно. Очень обидно. Сколько же я провалялся в беспамятстве? Ладно, смотрим внимательно на следы. Молодец! Она не стала ждать, когда окончательно превратится в сосульку, а двинулась в дальнейший путь. Вот след. Фу-

у-у... Теперь всё будет хорошо. Мара жива и здорова. Это самая отличная новость! Надо и самому сматываться отсюда. Сматываться пока светло и пока снова не стал замерзать. Подъем заставил изрядно попотеть. Теперь эта влага работает во вред.

Недолго думая, он соорудил примитивный парусник. С севера дул достаточно сильный ветерок. Почему бы не воспользоваться возможностью прокатиться за счёт возобновляемой природной энергии. Он закрепил при помощи верёвки зонт к «гробу» и бросил в него рюкзачок. Подумал и положил туда же канистры с бензином – не пропадать же добру? Кто знает, вдруг удастся развести костёр? Затем раскрыл купол зонта, разогнал пластиковый бокс и на ходу запрыгнул в него. Слава богу, его кораблик поплыл по снежному бескрайнему морю. Да, хорошо, что ветер дует в нужную сторону. С другой стороны, здесь начинается пологое снижение ледника, что также добавляет скорости. Ещё километров сто и сани скатятся вниз на матёрую землю. Время от времени, Ярослав соскакивал и бежал рядом. Так делают каюры, погонщики северных упряжек. Но они это делают, чтобы дать отдохнуть оленям или собакам. Шелихов бежал исключительно ради того, чтобы не замёрзнуть. Несколько раз приходилось вручную перетаскивать свой парусник, чтобы вернуться на колею, оставленную аэросанями. Ярослав не надеялся догнать девушку — всё же у неё мотор, а не парус. Ярослав хотел быть уверенным, что она добралась до конеч-

ного пункта без проблем. И правильно делал. В конце концов он добрался до того места, где у Мары кончился бензин. Так-так, дальше она пошла пешком. Вот теперь я вполне могу её догнать. Но надо спешить, слишком опасно для девушки гулять в одиночестве по ледяной пустыне. Установив причину остановки аэросаней, Ярослав залил полный бак, прицепил свой «гробик с парусом» и двинулся в погоню. Уже минут через пятнадцать «погоня» достигла того места, где Машины следы обрывались. Не могла же она исчезнуть или провалиться сквозь лёд?! Не могла – здесь нет провалов. Но она вполне могла улететь. Значит точно – вертолёт был. Он не приснился. Именно его звук вернул меня к жизни. Слава богу, она спасена. Она жива. Но, чёрт возьми, она думает, что я погиб. Надо торопиться. Надо разогнать её чёрные мысли, съедающие душу. Быстрее, Шелихов! Скорее, Шелихов! Вперёд, Шелихов! И парень устремился на юг. С надеждой на скорую встречу с любимой...

...Не доехал. Не добежал. Не дошёл. Встреча с любимой пока не состоялась. Пора мне и отсюда убираться. Ярослав встал, оделся и выглянул в окно. За окном было молоко. Опять метель. Чёрт! Дверь приоткрылась, в ней показалась мальчишечья голова:

– Мамка кушать зовёт.

На кухне шкворчали драники. В воздухе висел смрад. Аппетитный смрад. Молодая женщина сосредоточенно пере-

кладывала испечённые оладушки в большую тарелку:

– Господи, зима не кончается. Метель такая, что нос из дому не высунешь. Опять не приедет.

– Кто? – не понял Шелихов.

– Да есть тут у нас один бизнесмен, – она выделила слово «бизнесмен» уничижающей интонацией. – Снабжает нас. Дороговато, но куда деваться? Вон уже и мука на исходе и масло заканчивается.

Она горестно вздохнула и развернулась с блюдом к столу. Мальчуган лет десяти-двенадцати, девчонка-пятилетка с торчащими в разные стороны косичками, и гость – все держали наготове вилки и глотали при этом слюни.

Дети за обе щёки уплетали драники, в которых, судя по всему, помимо картошки присутствовала тыква и репа. Шелихов съел один драник и остановился. Ему не хотелось объедать женщину с детьми. Она и так много сделала, приютив его. Но аппетит бродил в желудке с ножом в руке. Удержаться почти невозможно. Женщина уловила его сомнения:

– Ешьте, ешьте! Не стесняйтесь. После такого путешествия надо восстанавливать силы. Если честно, я думала, вы заболете, настолько были вымучены.

Ярослав кивнул и стал уплетать оладушки, запивая их горячим чаем, заваренным на каких-то местных травах. Уловив новый её взгляд, похвалил:

– Вкусно. Очень вкусно.

Утолив голод, Ярослав откинулся на спинку стула, потя-

живая в удовольствие чаёк:

– Спасибо.

Хозяйка улыбнулась в ответ:

– На здоровье.

Шелихов поддержал диалог:

– Трудно одной?

Она скривила подобие улыбки. Но непроходящую грусть улыбка не прикрыла:

– Почему «одной»? Нас четырнадцать человек. Было больше, но в прошлом году совсем плохо стало. Урожай больно скудным уродился. Холод собачий. Не лето, а сплошные заморозки. Что ни ночь, то заморозок. Что ни ночь – заморозок. Многие не выдержали и уехали.

Она заученно вытерла рты своим непоседам, помогла девчонке спуститься со стула, а парня просто тронула за плечо. Это означало окончание завтрака. Девчонка пропищала:

– Спасибо, мамулечка.

– Пожалуйста, пожалуйста. Иди, родненькая, поиграй, – мать подтолкнула девочку к двери. – А ты, Паша, принеси угля. Курей я уже покормила. Проверь, хорошо ли дверь у них закрыта?

Пацан по-деловому мотнул головой и тут же смылся.

Ярослав решил продолжить разговор. Но вышло это немного неуклюже:

– А, так это вчера мы куриный бульон ели!? А я думаю: чего он такой вкусный?

На этот раз она улыбнулась не так грустно:

– «Куриный бульон», хм, скажете тоже. У меня всего семь кур, да петух. Куда их рубить? Несут два-три яйца в день – и то счастье. А бульон этот – Пашкина заслуга. Вороны уже прилетели. Вот он их и ловит.

В это время дверь открылась, и в кухню вошёл лёгкий на помине Павел. Услышав фразу матери, он тут же вставил свои пять копеек.

– Ага. Я завтра ещё крота поймаю.

– Крота? – удивился Шелихов. – Земля ещё мёрзлая. Откуда кроты?

– В теплицах уже отошла. Я вчера его нору видел. Отвал совсем свежий. Попытался водой отлить. Но он хитрый, удрал. Я раньше много их ловил. Электрошокером. Это, когда свет был. Теперь приходится голову ломать. Но ничего, я уже придумал, как его поймать.

– Как?

– Секрет.

– Ну, скажи, как?

– Кротов мало, а едоков много. Если всем рассказывать, с голоду сдохнешь.

«Партизан» схватил пустое ведро из-под угля и тут же скрылся за дверью. Настя, так звали его мать, продолжила рассказ о своём житье-бытье:

– Зимой ничего ещё. А летом много лихого народа бродит. На соседней улице две семьи вырезали. А всего в станице и

не сосчитать.

– А эвакуироваться на юг не задумывались?

– А что мне там делать?

– Вы здесь не выживете.

– А там выживу? Какая разница, гдедохнуть? Все мои родственники и знакомые эвакуировались. И где они?

– Где? – не понял Шелихов.

– Нигде. Нет их уже. Их уже не волнуют наши проблемы. Их уже ничего не волнует. Надеюсь, хоть похоронили, а не собакам скормили.

Она взяла в руки банку с завинчивающейся крышкой и попыталась открыть. Не получилось. Вздохнула:

– Господи, как трудно без мужика. Никто тебе даже крышку не открутит. На-ка, отверти!

Глава пятидесятая

17 апреля

Восточно-Европейский ледник Выживший

Ахтаров очнулся под завалом. Сверху его прикрывало тело лётчика и хорошая куча дроблёного льда. Лётчик оказался мёртвым. Из его виска торчал осколок.

Влад не предполагал, что ему придётся долгое время провести на морозе. Ветер усилился, становилось зябко. Он надеялся, что прилетит поддержка, посланная генералом после его звонка. Сейчас звонить уже не было возможности. В этих далёких от цивилизации местах сигнал можно поймать только на борту воздушного судна. Прождав целый час, Ахтаров понял: что-то пошло не так. Его сочинская куртка не была приспособлена к путешествию по ледяной пустыне. Зато к этому были приспособлены арктические костюмы американцев. Пришлось раздеть и разуть того самого негра – его размеры соответствовали размерам Влада. Сразу стало теплей. Но сколько идти до ближайшего жилья по ледяной пустыне? Может, сутки, может, двое. Не факт, что дойдёшь. Интересно, а экзоскелет, в который облачён ещё один погибший аме-

риконец, уцелел? Экзоскелет был мощным, с тяжёлой бронёй. Но работал. Влад отцепил броню, чтобы снизить нагрузку и таким образом сэкономить заряд батареи. Затем приладил датчики к мышцам ног, задал программу ускоренного движения и, жужжа гидравлическими приводами, громко затопал напрямик на юг. Кроме экипировки Ахтаров захватил штурмовой автомат, ракетницу, сухой паёк, несколько энергетических шприц-тюбиков и прибор ночного видения.

Глава пятьдесят первая

18 апреля

Сочи. Резиденция Бочаров ручей Инфляция по-русски

Расширенное заседание правительства президент начал глубокомысленной фразой:

– Жить всем осталось недолго, – он цыкнул и покачал головой, обведя всех страдальческим взглядом. – Надо каким-то образом приободрить народ, чтобы он хотя бы сейчас не думал о плохом.

Министр финансов Ларчиков с места возразил:

– А зачем нам это надо, если всё равно все скоро умрут? Да и финансов на это у нас не запланировано.

Президент не возмутился, не повысил голос, а спокойно объяснил:

– Многие в прошлом рассуждали так, как ты, Эдуард Владимирович. Но из-за своей жадности и скудоумия, либо легли под нож гильотины, либо были расстреляны в подвале.

После такого объяснения уже никто из присутствующих не возражал первому лицу. Президент продолжил:

– Жду ваших предложений. Наиля Идрисовна, что скаже-

те? – обратился он к министру труда и социальной политики.

Юсупова голосом слабой женщины чуть слышно пропела на одной ноте:

– Мы можем объявить какой-нибудь новый всенародный праздник.

– Какой?

– Я не знаю. Ну, например, «День счастливого человека».

– И что это даст?

– Люди любят праздники. Устроим на улице фейерверки. Поставим эстраду, пригласим популярных артистов...

– Нет! – президент решительно замахал рукой. – Праздников у нас предостаточно. К ним все привыкли. Они уже раздражают.

Неугомонный Ларчиков снова крикнул с места:

– Давайте тогда снизим инфляцию!

Президент пристально уставился на него:

– А какая у нас инфляция?

Министр финансов:

– 4,7%.

– Да? – удивился президент. – Это не много. Совсем не много.

Джужома подсказал:

– Так это официальная инфляция. А есть ещё реальная.

Министр финансов не стал ждать вопросов от президента:

– Реальная – семнадцать процентов. Это тоже не много.

Президент:

– Это плановая или фактическая?

Министр замялся:

– Ну, как вам сказать...

– Скажи хоть как-нибудь.

– Э-э-э...

– Это годовая?

Ларчиков ответил вопросом на вопрос:

– Ну а какая ещё?

Его опять подковырнул Джужома, вечный оппонент министра финансов на подобных совещаниях:

– Я бы сказал – квартальная. И то по очень оптимистичным оценкам.

– Хорошо, хорошо – хоть месячная, – решил прекратить ненужную пикировку президент. – И как мы её снизим?

Эдуард Владимирович легкомысленно пожал плечами:

– Нет проблем. Завтра опубликуем.

Самборская, советник президента, решила, что настала пора и ей принять участие в дискуссии:

– Если снижать инфляцию, давайте, снизим её до 4 процентов.

– И что это даст?

– Это успокоит народ. Все увидят, что мы работаем эффективно. Очень эффективно.

Президент медленно выпустил воздух через губы:

– Пу-пу-пу-пу-пу, м-да... У меня водитель не имеет высшего образования. Но даже он как-то сказал: «Если бы

узнать, в каких магазинах Росстат видит цены, на основе которых подсчитывает инфляцию, я бы только там и отоваривался». Поэтому не все вокруг нас дураки. Жду от вас альтернативных предложений.

Глава пятьдесят вторая

18 апреля

Резиденция президента США Палм-Бич, Майами Запуск операции Паганини

Президент уединилась с директором ЦРУ в саду. Уже пахло весной, распустились первые цветы. Леа доложила о положении дел с «Прометеем». Доклад не понравился Нэнси. Она недоумевала, пытаясь заодно выплеснуть накопившиеся эмоции:

– Ну почему? Почему опять русские? Откуда у них учёные? Нищая страна с бюджетом в сто раз меньше, чем у нас. Одна наша миссия на Марс стоила в два раза больше, чем весь их бюджет за три года. Что мы делали не так? Почему они ещё живы? Живы, и делают такое, что нам и не снилось. Почему «Прометей» изобрели они, а не мы? Скажи!

Джайзани всегда старалась выглядеть взвешенной и мудрой. Она выдержала паузу и ответила:

– Не знаю, чудо какое-то. Но скорее всего случайность, независимая от общего состояния их науки. Такое бывает.

– И что ты собираешься предпринять?

Опять пауза предшествовала ответу:

– Да, пока никак не удаётся завладеть «Прометеем». Есть пять вариантов развития событий. Первый: «Прометеем» завладеет исключительно США. Второй: США и Россия. Третий: только Россия. Есть ещё два варианта, которые имеют маловероятный исход: «Прометеем» завладеет Китай или им не завладеет никто. В последнем случае и документы, и разработчики будут утрачены безвозвратно. Да, на леднике нас постигла неудача – погибло элитное подразделение командос. Но ничего в конечном счёте не потеряно. Мы всё ещё опережаем конкурентов. Но не плохо было бы подстраховаться. Ситуация очень серьёзная. Мы не вправе дать такой мощный стратегический козырь России или Китаю. Поэтому я предлагаю запустить операцию «Паганини». В случае её успеха, в чём я не сомневаюсь, «Прометей» гарантированно будет наш. И в качестве бонуса, Россия, как значимая евразийская держава, прекратит своё существование.

Нэнси Льюс без раздумий кивнула:

– Окей.

Глава пятьдесят третья

18 апреля
Сочи. ОУСО ФСБ
Я гений!!!

Кирилл очень гордился своей мухой и постоянно занимался усовершенствованием её возможностей. Хитрый атташе по культуре во время разговора по телефону отворачивался к стене и включал музыку. Не беда. Кацэ быстро справился с этой проблемой, расшифровывая его разговоры при помощи программы распознавания речи по артикуляции губ. Губы атташе были видны в отражении портрета Джорджа Вашингтона, висевшего на стене. Другая проблема состояла в оперативности поступления сведений. Но и эту задачу Целовальников успешно решил.

Командор, заглянув в компьютерную студию, застал Кирилла за работой. Он был в полном погружении – ничего не вижу, ничего не слышу. Его покрасневший от усталости взгляд упёрся в экран – атташе с кем-то разговаривал по спецсвязи. На разных мониторах можно было увидеть затылок американца, его лицо и отдельно губы.

Калачов пристроился рядом:

– Новости есть?

Не отрывая глаз от экрана, Кацэ утвердительно кивнул и только после этого осознал, что у него в гостях начальство:

– О! Командор! – лицо Кирилла озарила лучезарная улыбка. – А я как раз тестирую прямой эфир.

– Как это?

– Та-а-ак! Раньше моя муха могла передавать записи только ночью, вылетев через воздуховод на свободу. А теперь я смотрю за атташе вживую. Никто не знает, каким образом я преодолеваю глушилки сигнала и барьеры безопасности. Никто. Но я это сделал!

Теперь всё, о чём говорит Фрэнки, оперативно преобразуется в текстовый файл, – он указал на монитор, где автоматически набирался текст разговора американца.

– Кто у нас «Фрэнки»?

– «Фрэнки» – это я такую кликуху атташе дал. Больно он на одного мультяшного героя похож.

Далее Кирилл рассказал шефу о своих достижениях в области расшифровки разговоров.

– И самое главное, командор, – подытожил он свой рассказ, – что это сделано вовремя. Буквально час назад наш Фрэнки болтал со своим боссом. Кстати, директор ЦРУ – женщина.

– Я знаю – это не новость. Они разговаривали прямо по голофону?

Вопрос по поводу «голофона» был задан неспроста. Ни-

кто в разведсообществе никогда не будет передавать серьёзную информацию посредством обычной связи. Поэтому сразу возникал вопрос доверия к полученной информации. Вдруг провокация? Но Кацэ не удивился вопросу Калачова. Видимо, он тоже думал на эту тему:

– Нет, он говорил по какому-то странному аппарату похожему на доисторический кнопочный телефон. Очевидно, у них в эту систему связи какая-то мощная шифровка заложена. Такая мощная, что они не боятся прослушки.

– И о чём шла речь?

– Распечатку я для вас приготовил, патрон. Хорошая новость в том, что они не завладели проектом, который вёз Шелихов. И самого Шелихова не нашли. Вернее, их операция по извлечению материалов из пропасти провалилась. Какой-то каламбур получается. Из пропасти провалилась... Хе! – Кацэ хихикнул.

– Хватит размазывать информацию. Говори чётко, что с Шелиховым?

– Короче, кто-то там их бомбанул. Вся спецгруппа погибла. С Шелиховым не знаю что. Фрэнки говорит, что, вероятней всего, он погиб ещё до того, как прилетел их спецназ. Замёрз. Но это неточно, – Кирилл на минуту завис и продолжил уже совсем серьёзным голосом: – Командор, это, как мне кажется, не главная информация. Жаль не могу записать эту тётку из ЦРУ – губ её не видно. Но судя по реакции и ответам самого Фрэнки, американцы начинают в России ка-

кую-то грандиозную операцию. Они её назвали – программа расшифровки не даёт однозначного ответа – то ли «Мазарини», то ли...

– Паганини, – закончил за него Калачов.

– Точно, «Паганини» больше подходит. И ещё. Фрэнки сказал, что Паганини вернулся и готов к началу операции.

Глава пятьдесят четвёртая

18 апреля

Сочи, конспиративный дом ЦРУ Хуже выстрела

Все эти дни Мару мучали предложениями работать на США. Как их зацепило! Предлагали все блага: кучу денег, гражданство, безвизовые полёты в любую точку мира, переезд всех близких во Флориду, дом в Майами, собственную лабораторию, славу и почёт. Отвечала всегда спокойно, без лишних эмоций: «Зачем мне всё это без любимого? Его уже не вернёшь. Остальное суета. Да и преувеличиваете вы мои возможности. Я всего лишь исполнитель указаний гения. А он умер». Нет, она не играла роль – таково было её реальное психологическое состояние...

...Сегодня они прекратили уговоры и зачем-то снова свели Мару с Бузмаковым. Вот он сидит рядом в кресле, прикованный кандалами к стальным подлокотникам. Голова склонилась на грудь. Вит, как ты жутко выглядишь! Что они с тобой сделали!? Скоты!!!

Ужасная картина результатов пыток наконец вывела де-

вуху из состояния полной апатии.

Бузмаков никак не отреагировал на её появление. Словно она – пустое место. Или он уже не способен реагировать?

– Вит!

Тишина. Ноль реакции.

– Ты меня слышишь?

Молчок.

– Вит, нам надо вытерпеть. Я себя поддерживаю только осознанием того, что мы изобрели нечто великое. Такое великое, что нас с тобой тут же схватили и пытаются.

Бузмаков, наконец, отреагировал: покосился на Мару и процедил:

– Что-то не видно, чтобы тебя пытали. У них грим кончился?

– «Грим»? Зачем ты так?

– Всё-таки это ты нас предала. Ты... А я тебя боготворил. Думал, ты святая.

– Вит, не говори так, – девушка отчаянно покрутила головой.

– В прошлый раз ты мне уши заплела. Но от логики никуда не деться. Нас было трое. Остались ты и я. Кто-то из нас предатель. Арифметика проста. Если не я – то кто? И можешь мне не втирать про наше «великое изобретение».

– Вит...

– Да пошла ты! Курва, нечисть, предатель...

Опять он за своё. Но он прав в одном. Если не я – тогда

кто? Непохоже, чтобы нас предал Вит. Господи, нет! Даже думать противно! Тогда, кто?

Раздумья прервал приход тюремщиков. Эта была та же самая парочка. Первый, одетый на этот раз в чёрную водолазку и в такого же цвета джинсы, остановился чуть сзади своего товарища. Он широко расставил ноги и скрепил руки на груди. Второй, фронт в дорогом костюме и с новой стильной причёской на голове, вальяжно подошёл к пленникам вплотную.

– Ну что, птенчики, выяснили, кто из вас предатель? – усмехнулся он.

Девушка ничего не ответила, но и не отвела от похитителя полный презрения взгляд. Фронт провёл рукой по своему холёному гладко выбритому подбородку и продолжил:

– Долго с вами возиться я уже не намерен. Делаю тебе предложение последний раз. Будешь работать на нас?

Мара с достоинством медленно повела головой – нет!

– Хорошо. Тогда ты будешь страдать всю оставшуюся жизнь. Мы тебя не станем убивать. Мы убьём его, – истязатель ткнул пальцем в сторону Бузмакова.

Его помощник ловко выхватил пистолет и приставил к виску Вита. «Вот почему он сегодня весь в чёрном, – с ужасом подумала Мара. – На чёрном крови не видно». Несчастный технолог чуть откинул голову, устремив взгляд в потолок, закрыл глаза и вздохнул. Он уже не боялся смерти. Он её ждал.

– Начинаю отсчёт: пять... Будешь работать на нас? Четыре... Из-за тебя погиб Шелихов. Теперь ты становишься виновницей гибели второго своего друга. «Да»? Или «нет»?

Мара молчала, отрицательно вращая головой. Франт продолжил отсчёт:

– Три... Без разницы, кто первым запустит в дело «Прометей». Это глобальный проект. Никто от него не пострадает. Все только выиграют. Почему ты упорствуешь? Говори! Почему? Два... Ты думаешь, я шучу? Взгляни на его ногти! Их нет! Взгляни на лицо! Это уже не Бузмаков. Это овощ! Да! Да! Ты права! Ему лучше умереть. Это уже не жизнь! Давай, девочка, давай! Осталось недолго. Ещё раз помотай головой, и он, наконец, перестанет мучиться. Ему станет легко и свободно. Освободи его от страданий!

Он кричал то в одно ухо, то в другое, то практически упирался лбом в её лоб. Запах его парфюма вызывал тошнотворные позывы и кружил голову. Брызги его слюней заставляли руки вырываться из наручников. Бесконечная пытка. Бесконечная. Нет! Нет! Не-е-ет... Это должно когда-нибудь закончиться... Но он всё кричал. Кричал, рисуя страшную перспективу. Нет! Нет. Нет... Ни за что и никогда. Это подло. Подло? Но разве тебе уже не безразлично, что с тобой будет? Разве есть что-то из-за чего ты хотела бы жить? Нет. Его уже не вернёшь. Он там, на дне ущелья. Он никогда не поцелует тебя и не шепнёт ласковое слово. Никогда. Я говорю «нет»! «Нет»? Но разве речь о тебе? Он хочет убить Вита! Вита, а

не тебя. Как это жестоко! Низко, подло, страшно.

Франт продолжал орать. Его громкий скрипучий голос резонировал в голове:

– Осталось недолго! Тебе решать, нажимать на курок пистолета или нет. Тебе и только тебе! Бах! И ничего уже нет, – истязатель был хорошим актёром, все свои слова он красочно интерпретировал мимикой и позами. – Только кровь и мозги. Мозги, которые придётся долго оттирать. Бах! И нет ничего. Нет Бузмакова. Нет проблем. Тебя уже не будет мучить эта дилемма: жить ему или нет. Он уже не будет укорять тебя и заглядывать в твою душу. Спрашивать: зачем, зачем ты меня убила? Это ты его убила. Ты! Бах! И его уже нет. Нет его глаз, нет вопросов. Убить просто. Предельно просто. Что такое жизнь? Мы все смертны. Все! Независимо от пола или национальности. Бог не знал, что люди возведут границы! Он не знал, что спасение мира будет в руках девочки, которая не захочет его спасти из-за этих границ. Из-за тупты, которой набита её красивая голова! Ты не только Вита убьёшь. Ты убьёшь всех! Ты убьёшь весь мир. Весь этот мир! Всех до последнего. Бабульку – ты её видела на улице. Она стара – но всё равно хочет жить. Мы все хотим жить. Ты убьёшь влюблённых, которые целуются на лавочке и не знают, что ты своим упорством поставила крест на их будущем. Вон ребёнок ревёт. Новорожденный. Он уже никогда не будет купаться в море. Никогда не вырастет. Никогда не сможет полюбить и быть любимым. Ты всё это испытала – а он

нет! Ты не даёшь ему даже шанса это испытать. Ты ведьма! Ты исчадие ада! Сейчас я скажу «один», и ты убьёшь всех. Своего друга, свою мать, сестру, бабушку Шелихова, меня, впрочем, я здесь ни при чём, себя, наконец. Ну? Я говорю! Смотри на меня. Смотри в это дуло, из которого по твоей вине выскочит смерть всему существу. Смотри! Будешь или нет? Последний раз. «Нет»?

Он всё время наращивал давление. Его крик звенел в голове Мары, выворачивая мозги наизнанку. Боль, страшная боль, звон в ушах и отсутствие мыслей. Я всех убью, я, я... Он прав. Она буйно замотала головой и заорала:

– А-у-а-у-а! Да! Да! Да! Я согласна!

Облегчение свалилось на её хрупкие женские плечи. Нет, не облегчение – пустота, серость. Шипящая пустотой серость.

– Курва, – процедил сквозь давно разбитые губы Вит и тут же получил удар в это место прикладом пистолета.

Кровь моментально заполнила полость рта. Бузмаков мотнул головой, бросил уничтожающий взгляд в сторону девушки и плюнул в её сторону. Плюнул, как мог. Плюнул, выразив предел своего презрения. Плюнул кровью. Страшный обряд презрения. Такое презрение хуже выстрела.

Глава пятьдесят пятая

18 апреля

Сочи. Кабинет Калачова

Не сомневайся, патрон

Все были в сборе. Весь актив оперативной группы. Оставшийся актив. Не было только самого командора, Влада Ахтарова и Артёма Шустицкого.

Все упорно молчали, настроение было паршивым. Сначала погиб Шустицкий, а теперь пропал Влад. Только Нутрецов вёл себя как всегда: следил за достоинством своей позы, напряжённо хмурил лоб, создавая значимое выражение лица. Он так и не влился в коллектив, держась на дистанции. Впрочем, никто даже не пытался наводить с ним контакты. На этот раз Нутрецов всё же высказал своё мнение по поводу «Прометей».

– Все умом тронулись. Кругом только и слышно – «Прометей», «Прометей»! «Прометей» нас спасёт! А что такое этот «Прометей»?

Лиза, даже не удостоив его взглядом, тихо ответила:

– Когда генерал знакомил нас с содержимым красной папки, ты, видимо, выходил в туалет. По крайней мере, в мыс-

лях.

– Да слышал я всё. И что? Неужели, это только мне кажется, что вся затея с «Прометеем» выглядит глупо? – Нутрецов провёл взглядом по кругу. – Эти сферы, зонтики? Кто-то вправду верит, что материал, из которого собирались штамповать обычные прокладки, способен изменить климат? Это несерьёзно, – он пожал плечами.

Юшкевич слегка дёрнулась, словно озноб аллергии пробежал по её телу:

– Серьёзно-несерьёзно... Всё великое просто.

Полковник скривил лицо:

– Что-то уж слишком просто...

Целовальников поддержал Лизу:

– Владимир Артурович, ты про Концертный зал имени Уолта Диснея слышал?

Алиса, словно школьница, подняла руку:

– Я слышала. Это в Лос-Анджелесе. Такое большое вычурное здание, обшитое вогнутыми стальными листами.

– Точно.

Нутрецов:

– И что в нём примечательного?

– Глупость человеческая. Архитекторы, видимо, были особо одарёнными. Им хотелось выпендриться. Капитально выпендриться. По их блестящему замыслу наружные стены здания обшили стальными панелями. Они были вогнутыми и очень блестящими. И это была плохая идея. В ясную по-

году металл отражал солнечные лучи, и блестящее здание можно было видеть издалека. Вот только рядом с ним находиться было невозможно. Асфальт плавился. На нём можно было яичницу жарить. А жители соседних домов буквально взвыли от устроенного им пекла. Были бы они русскими – промолчали бы и запаслись вениками. Но американцы не способны на такое.

На этих словах он замолк. Володя наклонил корпус, взглянув из-за сидящей рядом с ним Лизы, и внимательно посмотрел на Кацэ:

– Это всё? Он так и стоит?

– Нет. Строителям пришлось делать реконструкцию. Они поменяли углы отражения.

В это время явился патрон. Он энергично кивнул всем, подошёл к своему столу и развернул к «народу» фотографию Артёма, перетянутую чёрной ленточкой. Все встали, исполняя старый обряд – минуту молчания по погибшему товарищу...

...Генерал дал персональные задания, в том числе по выявлению Паганини, и всех отпустил. Перед уходом Алиса задала вопрос, который волновал не только её:

– Геннадий Васильевич, что с Владом?

– Пока нет информации. Как вы знаете, кто-то перепутал координаты и спецназ слетал порожняком. Сейчас они уже побывали там, где их должен был ждать Ахтаров. Обнаружи-

ли взорванный вертолёт и труп лётчика. Тела Влада не нашли, зато нашли следы человека, идущего на юг при помощи экзоскелета. Американцы и китайцы, устроившие бойню, не пошли бы на юг, да ещё пешедралом. Я делаю вывод, что наш парень жив.

– И что, спецназ на вертолёте не в состоянии догнать пешего? – возмутилась Юшкевич.

– В состоянии, Лиза, в состоянии. Но в настоящее время в том районе разыгралась метель. Вертолёты отозвали. Я настоял, чтобы организовали поиск на снегоходах. Пока жду информацию.

– А мы чем-нибудь можем помочь?

– Можете, Лиза. Конечно, можете. Ваша помощь состоит в том, чтобы разобраться с этими «друзьями», которые ведут себя так, словно мы банановая республика. И лучший способ урезонить их, не дать им вывезти проект, найти Шелихова – живого или мёртвого, спасти Кузнецову с Бузмаковым и запустить «Прометей» у нас.

Все ушли, только Кирилл продолжал сидеть в своём кресле. Генерал обратился к нему:

– Ну, что там у тебя?

– Патрон, как ты считаешь, положена человеку награда, если он найдёт домишко, в котором держат Бузмакова и Кузнецову?

– Будет тебе награда, я тебя поцелую, – улыбнулся патрон.

– Не-е-е, не надо, я же не этот... Лучше прикажи Алисе, чтобы она поцеловала.

– Глупец, я же тебя по-отчески. По-отцовски. Ладно, хватит глупость молоть. Выкладывай.

И Кирилл рассказал, как он вычислил противника:

– Вы мне поручили заниматься анализом материала с камер наружного наблюдения. Так вот, у нас было три эпизода, когда соперник нагло действовал, казалось, раскрыв себя. Это: захват Бузмакова, погоня за Рашевым и третий эпизод тот, что случился с вами в Ростове. Ну, думаю, сейчас я вас быстренько вздрючу. Ни фига – быстро не получилось. Почему? Сейчас объясню. Каждый раз в районе смены или угона машин америкосы устраивали локальный обвал электрических сетей и вирусное прекращение записи камер наружного наблюдения. Долго я над расшифровкой этого ребуса голову ломал. Но я гений! Я нашёл. Нашёл и хакнул их программку! Кто-то слишком умный её делал. До чего, гады, додумались. Вирусы попадают в систему управления камерами наблюдения не через компьютерную сеть, а через обычные провода питания. Антивирусные программы не ожидают подобного подвоха, поэтому не в состоянии противостоять таким хитрым вредоносным файлам. Эти черви даже в аккумуляторы проникают и ведут себя спокойно до определённого сигнала, выдаваемого пиндосами. Сейчас всё связано с интернетом. Даже автомобильные регистраторы. По интернету янки и раздают команды: вкл., выкл. Соответствен-

но трояны сначала оживают и блокируют работу камер. А затем таким же макаром переходят в режим ожидания, позволяя системе видеонаблюдения вернуться в рабочее состояние. Эти трояны очень хитроумные. Очень. Но я к ним подобрал ключик и расшифровал их алгоритм действия. Надеюсь, что в ближайшее время я их переманю на светлую сторону. Но вернёмся теперь к проблеме поиска конспиративной квартиры. Как уже говорил, я начал искать транспорт америкосов. Но они вырубали свет и камеры. Поэтому мне в руки попали лишь данные внешних камер, находящихся на периферии районов, где они проводили свои акции. Пришлось попотеть, отсеивая ненужный транспорт. Так я вычислил автомобили, которые использовали американцы. Но это был тупиковый поиск. Все эти машины были угнаны. Аккуратненько так угнаны: без свидетелей, без пальчиков и даже без ДНК. Казалось, всё – копец! Но я не опустил руки... Правда я золото, а не работник?

Генерал махнул рукой: не трепись – продолжай дальше. Кацэ повиновался:

– Я составил маршруты следования всех этих угнанных авто. В слепой зоне, конечно же, маршруты были приближительными. Думаю, ладно: попытка не пытка, как говорят бывалые люди. Я наложил эти маршруты на карту телефонных звонков, которые производились из этих же мест. Звонков было несколько сот тысяч. Люди – трепливое создание. Им хорошо – они висят на трубке, рассказывая всем, как им хо-

рошо. Им плохо – все должны знать, насколько это так. Их нытьё зашкаливает, обогащая телефонные компании.

– Можно без отступлений? – наконец не выдержал Калачов. – Ближе к тексту. Ближе, ближе, – покрутил он перед Кириллом рукой, словно маститый режиссёр.

– Ну не дадут насладиться триумфом. Ладно, если коротко, здесь я тоже потерпел неудачу. Но русские не сдаются. Так? Думаю, – Целовальников активно помахал пальцем, угрожая неведомому сопернику, – хрен вам, а не аленький цветочек! Ну не могли же они не выходить на связь! Не могли. Долго я корпел над материалами сотовиков. И всё же доковырялся до истины. Их сигналы остались не выявленными, так как янки, как и в случае с блэкаутами, пользуются хитроумной вредоносной программкой, мастерски спрятанной в сети провайдеров связи. Делается это так: пиндосы звонят со своих страных на вид телефонов, но их сигнал не идёт напрямую. Он сразу же клеится к случайному абоненту, которого никто ни в чём не может заподозрить. А затем хитрая законспирированная программа быстренько стирает все упоминания данного звонка. Представляешь? Голова у их программистов варит. Но и я, как говорят французы, не туфлём бульон хлебаю. Ваш покорный слуга докопался до истины. Я выявил, что следы от такого звонка всё же остаются. Они фиксируются у тех, к кому они цепляют свой сигнал. Люди звонят сотню раз на день. Поэтому один лишний звонок чаще всего остаётся незамеченным. Конеч-

но, вычислить, обзванивая каждого, кто оказался поблизости от этих уродов – дело тягостное и безнадежное. Уже ледниковый период закончится, а мы всё будем искать. Но я додумался, как их вычислить. Ладно, технические подробности опущу – вам, мой генерал, незачем голову перегружать. Она у вас должна всегда оставаться ясной. Короче, набросал я тут хитренькую контрпрограммку, которая выявляет эти подложные звонки, и запустил её в сеть всё тех же провайдеров. Прослушать звонки она не может. Зато может выявить время и место, откуда эти звонки-прилипалы исходят. Уже сегодня проверил её в действии. «Муха» помогла. Смотрю на картинке, которую она транслирует, наш культурненький атташе достал из кармана тот самый маленький приборчик с кнопками, по которому он разговаривал с шефом ЦРУ, и начал звонить по нему. А моя контрпрограмма этот звонок – бац! Вот так вот, патрон. В Пиндосии над кодировкой поди вся силиконовая долина трудилась. А я один...

Калачов не стал слушать боковое поползновение в рассказе, оборвал подчинённого:

– И что про звонок?

– «Звонок»? А, ну да. Он позвонил – я засёк. Моя программка выдала полное совпадение появления «следа», приклеенного к случайному абоненту и разговора Фрэнки. Вот так вот! Вот они у меня теперь где! – продемонстрировал свой тощий кулачок компьютерный гений.

– Ничего не понял! – Калачов недовольно потряс голо-

вой. – Трындычишь, как курица на насесте. Ничего не поймёшь: что, где, откуда и почему. Чего теперь ждать? Или мы сразу можем ехать освобождать Бузмакова?

– Не-е-ет, что ты! Сразу никак. Но теперь моя программа фиксирует все их секретные звонки и определяет место, из которого они звонят. Теперь я их начну отмечать на карте. Постепенно станет видно, какие их секретные звонки производились из случайных мест. Их будем отсеивать...

Калачов резко махнул рукой и оборвал подчинённого:

– Всё, хватит! Все мозги мне загадил своим куриным пометом. Я так понял, что ты теперь фиксируешь время и место их секретных звонков. Так?

– Да.

– И ты теперь сможешь выявить конспиративную квартиру, на которой прячут Бузмакова и Кузнецову. Так?

– Да.

– Но ты пока этого не сделал. Правильно?

– Oui, mon general.

– Ну, так иди и работай! Придёшь с конкретным результатом.

Надеюсь, что ты прав и всё у тебя получится.

– Не сомневайся, патрон. Раз программа зафиксировала звонок Фрэнки – всё будет окей.

Глава пятьдесят шестая

18 апреля Хутор Смородинский Ледяные зомби

С утра ярко светило солнце, сверкая искорками наметённого пургой свежего снега. Но Ярославу было не до красот природы. Он искал способ, каким образом можно выбраться из этого места. Перед гаражом из-под снега торчала кабина джипа. Парень взял широкую лопату и споро очистил автомобиль по периметру. Воткнув лопату в снег, оценил внешний вид машины. На его лице отразился скепсис. На таком ржавом корыте далеко не уедешь. Рядом тут же нарисовался Пашка:

- Мама говорит, что он на ходу.
- А чего тогда не ездите?
- Так бензина нет.
- А какие у вас ещё есть средства передвижения?
- Что? – не понял пацан.
- На чём я могу отсюда уехать?
- На лыжах.
- А кроме лыж?

– Есть ещё велосипед и папкин мотоцикл.

– «Папкин»? А где твой папка?

– Не знаю, – пожал плечами Павел. – Он сразу после рождения Дашки уехал в Ростов.

– Сбежал?

Парень обиделся и пробурчал:

– Сам ты «сбежал». Он нас хотел отсюда вывезти, – вздохнул и покачал горестно головой: – Пропал, наверное – потому и не вернулся.

– Извини, – потрепал его по шевелюре Шелихов. – Ляпнул, не подумав. Извини.

– Ладно, прощаю. Мамка ждёт его. Верит, что вернётся. А иначе мы бы отсюда уже уехали.

– Пойдём, посмотрим, где мотоцикл.

– В гараже, – указал пацан на пристройку к дому.

Гараж был внушительным. Здесь стояла малолитражка, мотоцикл и большое количество разных хозяйственных инструментов. В углу пылился мощный культиватор. Ярослав поинтересовался:

– Это вы им землю пашете?

– Пахали бы, если бы бензин был. А так ржавеет зря. Слушай, дядя Слава, а ты ружьё отремонтировать можешь?

Он залез под верстак и долго там возился. Наконец вылез из-под него с одностволкой в руке:

– Вот, посмотри!

– А что с ним?

– Не знаю. Не стреляет и всё.

Шелихов переломил приклад и заглянул в ствол:

– У-у-у, как всё запущено. Хорошо, что не стреляет, а то бы ствол разорвало.

– Это почему? – попытался заглянуть туда же любопытный паренёк.

– Ствол чистить надо.

– Зачем?

– Затем, родной мой, что это оружие, – он улыбнулся и потрепал парня за ухо. – А оружие – это, брат, дело серьёзное.

Шелихов внимательно осмотрел винтовку и нашёл причину, почему она не стреляет:

– Боёк сбит.

– И что делать?

– Ремонтировать. Боёк поправим, ствол почистим. Это ты этим «ружом» мне грозил?

– Этим, – важно кивнул мальчуган.

«Грозил» он тогда, когда Шелихов добрался до хутора. События того дня снова лавиной обрушились на Ярослава...

...Аэросани спустились с ледника. Теперь вместо безжизненной пустыни на пути Шелихова стали встречаться города и деревни. Но все они были безжизненными. Но Славка не унывал: Мару подобрал вертолёт, значит, она жива. Ему самому до населённой людьми земли – рукой подать. Всё будет хорошо. Обязательно будет. Всё было хорошо до тех пор, по-

ка не случилась поломка. В очередной раз порвались ремни привода. Заменить их было нечем. Пришлось дальше топтать пешком. Так он и добрался до хутора со сказочным названием «Сморodinский». Первым человеком, встретившимся на пути Ярослава, был Пашка. Он уверенно стоял у калитки дома, направив на пришельца ружьё:

– Ты кто?

– Человек.

– Откуда ты «человек»?

– Из Москвы.

– А вот и врѣшь. В Москве уже давно никто не живѣт.

– Верно. Я последний.

Ситуацию спасла его мать, появившаяся за спиной сына. Опытным взглядом она сразу разглядела в Шелихове «человека» ...

...Пашкин голос вывел Ярослава из воспоминаний:

– У мамки тоже винтовка есть. Но я свою хочу. У неё патронов мало осталось. А для этого ружья – целых два ящика! Это ж сколько ворон можно настрелять? Да не только ворон! К нам и гуси иногда залетают. Мать говорит: летят на север по привычке, а затем поворачивают назад. Так отремонтируешь?

– Не сомневайся. Я смотрю здесь у вас инструментов полно. И тиски есть, и сварка.

– Сварка есть, да света нет.

– Погоди, вот же генератор! – Ярослав указал на генератор – точно такой же, как и тот, на основе которого он изготовил аэросани.

Пацан громко вздохнул и с шумом выдохнул:

– У-у-у! Сколько тебе говорить. Нет у нас бензина! Ты не слушаешь?

Да, бензина нет. Жаль. Можно было бы завести генератор и попробовать зарядить аккумулятор голофона. Вдруг здесь есть связь? Вздохнув, Ярослав начал чистить ружьё пацана. Тот даже возбудился от предвкушения иметь собственное оружие. Он «облепил» Шелихов со всех сторон и непрерывно щebetал в оба уха:

– К нам волк заходил. Хотел курей задрать. Мать в него стрельнула и промазала. Женщина, одним словом. Я бы не промазал. Хотя, она смелая и меткая. Просто ей не повезло. Как-то летом бандиты заявили. Она шесть человек уложила на месте.

– Так уж и «шесть»...

Парень снова обиделся:

– Было бы пять – я сказал бы «пять». А раз она завалила «шесть» – я так и говорю.

– Шесть – это много. Вам повезло.

– Ага, повезло, что у них всего одна бердана на всех. Страшно было, жуть! Все стёкла нам повышибали. Дашка испугалась, визжала так, что, наверное, в Ростове было слышно.

– Ты так спокойно об этом говоришь...

– Когда мне исполнится двенадцать, я тоже буду их валивать. Стрелять я уже умею. Мамка научила.

– А полиция куда смотрит?

– Нету у нас никого. Ни учителей, ни врачей, ни полиции.

Мы мёртвых бандитов в шахту сбрасываем. Я мамке помогал семерых туда скидывать. И без меня она ещё возила.

– Зимой холодно?

– Люто!

– Чем же вы топите? Леса рядом с хутором не наблюдаются.

– Здесь шахта недалёко. Там в отвалах угля полно. Я с тачкой хожу. Прошлым летом столько навозил, что нам ещё на одну зимовку хватит. Мамка в этот раз печку поставила в теплице. Топить будем. А то ничего не растёт.

– В «теплице»? А где она?

– Там, за речкой, – пацан неопределённо махнул рукой. – Отсюда не видно. В них когда-то много чего выращивали. Затем в город на продажу отправляли. Бабушка у меня там работала. А когда ледник пришёл, хозяева разбежались. Теперь в парниках сажают те, кто здесь живёт.

– И что там растёт?

– Всё. Там большие теплицы. А внутри них ещё маленьких наставили. Летом прогреваются хорошо. Картоху сажаем, буряк, морковку. Даже ягоды растут: малина, жимолость, смородина. Но в прошлом году мало чего выросло. Голодаем

сильно. На грибах всю зиму сидели. Видеть их уже не могу.

– «Грибах»? Их тоже в теплице? – гость поддерживал разговор, продолжая чистить ствол винтовки.

– Нет, грибы мы в шахте. Ты женат?

– Чего это тебя так интересует?

– Нам мужик нужен. Чтобы мамке помогал. Трудно ей одной меня с Дашкой растить.

Шелихов по-доброму улыбнулся и вздохнул:

– Боюсь тебя разочаровать, но у меня есть невеста.

– Это плохо, – отчеканил по буквам свой вывод пацан. –

А где она?

– Не знаю, – Ярик отложил ружьё в сторону. – Стоп, Павел, у меня идея. А не прогуляться ли нам с тобой в поле?

– Зачем это?

– Затем, что я заведу ваш генератор, если мы пригоним сюда аэросани.

Как это мне сразу в голову не пришло? Ведь с этого генератора можно снять ремень и поставить его на аэросани взамен порванного. В санях канистры с бензином. Заведу генератор, заряджу голофон и позвоню Маше. Последняя мысль особенно взбудрила.

Мать легко отпустила сынишку – идея с генератором понравилась. Шелихов рассказал Анастасии, что аэросани стоят километрах в десяти от хутора. Пешком по снегу далеко, а на лыжах – рядом. В ответ женщина поведала, что в самом хуторе связи нет уже давно, но если взобраться на ближай-

ший террикон, то там сигнал ловится. Все жители хутора так и поступают.

В предвкушении телефонного разговора с Марой, Ярослав буквально летел на лыжах по снежной целине. Но тут же останавливался, вспоминая о Павле. Аэросани, как ни странно, нашлись быстро. Их сильно замело снегом, но на равнине этот снежный бугор просматривался издалека. С ремнём Шелихов тоже быстро управился. Он уже собрался опробовать свой снегоход в деле, но в это время обратил внимание на пацана. Тот стоял, оттопырив в сторону ухо, и напряжённо прислушивался. Изобретатель поинтересовался:

– Что случилось? Волки воют?

– Не знаю, стонет кто-то.

– Стонет?

– Ага, вон там. Поехали отсюда скорей. Это ледяные зомби.

– Какие? – усмехнулся Ярослав. – Ты их видел?

– Я – нет. А вот Терёха видел. Он никогда не врёт... – Пашка прислушался. – Во! Слыхал?

Шелихов и без подсказки уже услышал. Кто-то стонал. Со всем рядом стонал. Сделав несколько шагов в направлении доносившихся звуков, Ярослав обратил внимание на достаточно большой холмик. Ему показалось, что тот пошевелился. Пашка шёл след в след, спрятавшись за широкую мужскую спину и выглядывая из-за неё испуганно-любопытным взглядом. Вдруг из-под снега вылезла чья-то облепленная

снегом рука.

– А! – взвизгнул пацан. – Зомби! – и со всех ног бросился наутёк.

Через несколько секунд его и след простыл. Но он не успел пробежать и половины пути, как его догнали аэросани.

– Садись! – притормозив, крикнул Шелихов.

Но парнишка, помотав головой, отчаянно прибавил ходу.

– Как хочешь, – ухмыльнулся Ярослав.

Аэросани, взметнув вверх завесу снежной пыли, исчезли впереди. Пашка успел заметить: за санями на верёвке тащился пластиковый гроб, в котором лежали лыжи Ярослава и человек в незнакомой ему форме. Такую форму он видел только в раннем детстве в фантастических фильмах, врезавшихся в незамутнённую ненужной информацией память. «Это не зомби, – решил пацан. – Это инопланетянин».

Глава пятьдесят седьмая

18 апреля Кабинет Калачова Мистер Игл

Только что закончились доклады по выявлению «Паганини». Глобально были проверены биографии всех мало-мальски заметных политиков, учёных и просто популярных личностей. Отсеянных было много. Слишком много. Кто-то учился за границей, кто-то ездил туда в командировки, кто-то имел подозрительные контакты с иностранцами. Проанализированы были все публичные высказывания, переписка и информация, тайно извлечённая из личных гаджетов. Проверены все денежные потоки, не только тех, кто попал под подозрение, но также их родственников и знакомых до седьмого колена. Это сузило количество подозреваемых. Итого: тридцать восемь человек. Много, очень много. Как выявить из этой толпы Паганини?

Командор закончил изучение списка вероятных резидентов ЦРУ:

– Паганини, Паганини, Паганини... Что ж, давайте анализировать то, что у нас есть. Попробуем для начала пой-

ти прямым путём. А вдруг? Кто из претендентов играет на скрипке?

Алиса скептически сморщила лобик:

– Проверяли. На скрипке играют, либо учились играть в детстве, одиннадцать человек из тридцати восьми.

– Ого, – качнул головой Калачов. – Прямо, ундецимет.

– Патрон, боюсь спросить, что такое «ундецимет»? – слегка улыбнулась девушка.

– Ансамбль из одиннадцати музыкантов. А теперь скажи, кто-нибудь из них играл хорошо или профессионально?

– Никто, – повела головой Алиса. – Мы здесь без вас проанализировали «музыкальную» версию и пришли к выводу, что это маловероятное направление. Американцы вряд ли присвоили бы кодовое имя Паганини агенту, который виртуозно играет на скрипке. Во-вторых, все они посредственные скрипачи, поэтому при таком подходе агента скорее назвали бы «Шерлоком».

– Хорошо, что вы берёте инициативу в свои руки, – генерал не менял требовательной интонации в голосе и смотрел привычно тяжёлым взглядом. – Двигаемся дальше. У кого есть, хоть какие-нибудь идеи? Кого они могли назвать Паганини? Возможно, кто-то имел итальянские корни?

– Да, министр обороны имел, – кивнула Юшкевич. – Его предок приехал в Россию в царствование Алексея Тишайшего. Он был знаменитым оружейником. Звали его Николо Коллини. Его обрусевшие потомки стали Калининскими.

Кстати, сам Лев Николаевич учился в музыкальной школе. Правда по классу фортепиано. А дома у него имеется великолепная коллекция старинных мандолин. Но у нас нет информации, что он виртуозно играет хоть на чём-то.

– Интересно: Николо Паганини – Николо Коллини. Какие-то параллели напрашиваются.

Целовальников прижал пальцем ухо с гарнитурой и быстро закивал, явно получив важную информацию.

– Патрон! – вскрикнул он громче, чем требовалось, как любой человек в наушниках. – Есть! Есть ещё одна наводка. Говорить? Окей. У нас давно был подобран путь для вскрытия базы данных АНБ. Но мы им не пользовались до особого случая, так как второй попытки может и не быть. Но из-за Паганини мы их вчера хакнули. И правильно сделали. Оказалось, что с недавних времён аэнбэшники начали прослушку разговоров директора ЦРУ. Из-за чего АНБ пошло на это – непонятно, но и не важно. Нас это не касается. Важно то, что сразу в нескольких беседах этой дамочки упоминается Паганини. Распечатку сейчас принесут. В разговорах нет намёков, кто из наших боссов Паганини. Но есть один маленький, но значимый, на мой взгляд, ключик: в одной её беседе Паганини фигурирует, как «мистер Игл». Получается, что у американского крота, зарывшегося в структуру нашей власти, сразу два никнейма.

– «Мистер Игл»? Хм... Интересно. Он ещё и «мистер Орёл». Очень интересно.

После этой летучки Калачов долго думал, пытаясь ухватиться за тоненькую ниточку. Что связывает эти два оперативных имени? Что? Связь должна быть. Она есть. Надо только догадаться об алгоритме появления этих оперативных псевдонимов. Ему не давало покоя какая-то блуждающая в потёмках истины мысль, но он никак не мог её оформить в «эврику». Весь вечер командор напряжённо размышлял, нервно постукивая пальцами по столу: «Есть какая-то связь между Паганини и «мистером Иглом», есть. Только какая?» Но так и не нашёл ответа на этот вопрос.

Глава пятьдесят восьмая

19 апреля

Хутор Смородинский

Инопланетянин – американец – уйрус

Шелихов последний раз ласково протёр тряпкой агрегат и потянул за шнур стартера. Двигатель мотоблока взревел с пол оборота. Ремонтник с удовольствием вытер этой же тряпкой руки. Приятно, когда тебя техника слушается. Как говорил Вит: технику надо любить, как свою девушку. Да, девушку... Ну, где она? Где прячется? И где Бузмаков? Дозвониться до них не получилось. «Абонент не в сети» – противный женский голос, вымотавший все нервы. Ничего-ничего, скоро узнаем.

На шум двигателя в гараж заглянула Настя:

– Завёл-таки.

– Вся ваша техника, хозяйка, в рабочем состоянии, – Ярослав указал в сторону стеллажа, на котором были разложены различные электроинструменты. – Так что, при наличии электричества, всем этим можно пользоваться без всяких предисловий. Машину и мотоцикл я тоже заводил – работают, как новые. Но, к сожалению, бензина в настоящий мо-

мент хватит только на несколько дней работы вот этого зверя, – при этих словах он нажал тумблер остановки двигателя и мотоблок заглох. – Скоро за мной прилетят, в крайнем случае – приедут. Поэтому весь небольшой запас бензина, а это литров 25, я оставляю здесь. Вам он нужней.

– Дозвонился?

– Связь жуткая, но бабушка меня услышала.

– «Бабушка»?

– Да, у меня замечательная бабушка. Она всех на уши поставит. Тем более, меня, наверное, уже обыскались.

– Вас? – немного удивилась женщина.

Ярослав не успел объяснить. В гараж буквально ввалился Пашка, пощупал мотоблок и с удовольствием констатировал:

– Ух ты! Тёплый. Значит, в этом году я все три наших теплицы вспашу.

– Сможешь? – поинтересовался довольный проделанной работой Ярослав.

– А то? И ты бы на моём месте смог, когда мамку без лопаты уже представить трудно, – и тут же следом, без остановки: – Инопланетянин проснулся. По-русски, гад, лопочет...

...Инопланетянин сидел на кровати в одних трусах. Он с усилием потёр-помял своё лицо и сосредоточенно уставился на «аборигенов». Поняв, что в комнату вошли не враги, слегка обмяк.

– Мне надо срочно позвонить, – вместо привета прохрипел он.

Пашка и Ярослав не успели сделать и шага от дверей, как Настя подскочила к инопланетянину, пощупала его лоб, резко отдернула руку и попыталась уложить гостя на кровать. Тот с силой оттолкнул её и задал резонный вопрос:

– Где я?

Словоохотливый Пашка подсуетился:

– На планете Земля солнечной системы нашей галактики.

Сказанное им не сразу дошло до гостя:

– Где?

– В России, родной, в России, – женщина всё же уложила инопланетянина на постель. – Лежи, у тебя температура под сорок.

Он опять попытался встать:

– Мне нельзя лежать. Мне надо позвонить.

– Лежать, я сказала! – прикрикнула на него Анастасия.

Прикрикнула так властно, что пациент всё же повиновался. Уже более миролюбиво добавила: – Не будешь меня слушаться, сгоришь за два дня. Давай, для начала я тебе укол поставлю и лекарства дам. Пашка, поставь чайник, завари малину и травы, которыми я тебя зимой отпаивала. Но сначала принеси аптечку.

– Какой укол?

Голос у пришельца был слабым и хриплым. Говорил он тяжело, с прерыванием. Его явно мучила сильная простуда.

– «Какой укол»? Какой надо укол. Температурку сбивать будем, – пояснила голосом заботливой сестры милосердия Настя. – Ну-ка, покажи язык. Не так, горло хочю посмотреть, – она ложечкой прижала язык и заглянула в глотку гостя: – У-у-у, да тут империя вирусов. Плохо всё. Давай-ка снимем с тебя одеяло. Незачем температуру нагонять.

Она стянула с него одеяло, оставив в одних трусах – жалким и дрожащим.

– У, как трясешься! Это тебя от жары колбасит. Ничего-ничего, вылечим. Пашка, ты где застрял?

Из глубины дома донёсся голос:

– Сейчас! Погоди!

Женщина успокаивающе похлопала инопланетянина по руке:

– Не бойся, я всех лечу.

Пашка уже стоял рядом с матерью, передавая ей всё, что она заказывала. Но, услышав последние слова матери, добавил голосом наполненным гуманизмом:

– На Земле медицина хорошая. Мамка у нас всех лечит: меня, Дашку, Бурёму – это псина наша. Даже кур лечит – водкой и аспирином. И тебя вылечит. Вы почти такие же, как мы: две руки, две ноги. И болеете, как мы.

Дрожащим от озноба голосом, инопланетянин пробормотал:

– Почему ты, парень, всё время про «Землю» говоришь? Это у тебя тема для шуток такая? Или я что-то упустил, пока

спал?

– Ты разве не инопланетянин?

– С чего ты взял? Я человек. Разве не видно?

– Нет.

Гость выдал дробь зубами и мотнул головой:

– Ну, ты даёшь!

– Так ты не инопланетянин?

– Нет.

– Странно... А как ты к инопланетянам попал?

– К «инопланетянам»? – гость поймал направление Пашкиного взгляда, упирающегося в снятую с него форму: – Так ты про форму... Она американская.

– А что тебя, американец, к нам занесло? – не унимался донимать гостя пацан. – У нас морозы. Здесь согнуть легко.

«Инопланетный американец» выдал очередную дробь зубами:

– Чем болтать ерунду, лучше дай мне телефон. Он там в куртке.

Пашка исполнил просьбу, передав вытащенный из кармана курки голофон:

– Только зря, дяденька, всё это. Здесь связи нет.

– Совсем «нет»? – переспросил больной.

– Есть на горе, но туда целый час идти, даже больше.

Американец попытался соскочить, но Настя уже набрала шприц и сильной рукой повалила его на кровать:

– Никто никуда не пойдёт, пока не вылечится. Поворачи-

вайся, американец, булками вверх.

– Да не «американец» я.

– Сейчас узнаем, кто ты. Если ойкнешь – значит, «американец».

Он не ойкнул. Настя отложила шприц и перевела взгляд на Павла:

– Ты зачем мне сухие травы принёс?

– Сама сказала.

– «Сама сказала». Думать надо прежде, чем делать. Он же не корова, чтобы сухую траву жевать.

Пацан тут же исчез. Мать крикнула вдогонку:

– Заваривай, как Даше! Да принеси воды таблетки запить, – не останавливаясь, переключилась на пациента: – И кто ты по национальности?

– Уйрус.

– Кто?

– Уйрус. Отец у меня уйгур, а мама русская, – он постарался улыбнуться, но на его мужественном лице улыбка получилась не очень располагающей: – А вообще, я русский. Был бы рад быть и уйгуром, но отца своего не помню, а о родственниках с его стороны даже не слышал.

Настя продолжала выспрашивать:

– И как тебя зовут?

– Влад. Влад Ахтаров. Как мне позвонить отсюда?

– Пока никак. На террикон надо взбираться, а у тебя страшная простуда. Дай бог, не воспаление лёгких. Какие

могут быть терриконы в таком состоянии? Да где он там с водой?

Она вышла. Уйрус обратился к Ярославу:

– Проведёшь?

– Провести-то проведу, но стоит ли оно того, чтобы большим к чёрту на рога переться?

– Стоит, – пациент сел на кровати. – Будь добр, дай мне костюм.

– Не надо тебе этого...

– Дай, говорю, – с нажимом повторил Влад.

Ярослав пожал плечами, недовольно повёл головой, но костюм всё же передал. Уйрус вытащил из специального отсека капсулу, пробормотал:

– Жаль последняя...

Но Ярослав схватил его за руку:

– погоди! Я в два часа собираюсь идти звонить. Так время назначил. Сейчас одиннадцать. Пойдём в час, тогда и используешь свой допинг. А пока пройди полный комплекс Настиных процедур. Я за тобой зайду.

И Ярослав вышел из комнаты в небольшой холл. Он хотел уже толкать входную дверь, но непроизвольно прислушался к разговору сына с матерью:

– Мам, как тебе этот американец?

– Никак. Почему спрашиваешь?

– У Ярослава невеста есть.

– Господи, да ты никак сводничеством занялся?

– Надо кого-нибудь из них оставить. Я бы Ярослава оставил, но у него есть женщина.

– «Оставить» – скажешь тоже. Это тебе не велосипед и не игрушка.

– Нам мужик нужен.

– Хватит болтать ерунду. Отец вернётся, как ты после таких слов в глаза ему смотреть будешь?

– Не вернётся. И мы скоро умрём. Ещё одно лето пройдёт, а потом только зима наступит. Все люди замёрзнут.

– Откуда ты этого набрался? Телевизора нет, связи нет.

– Терёха сказал.

– Слушай его больше.

– Терёха никогда не врёт. На земле будут жить только ледяные зомби.

После небольшой паузы донеслись нежные слова женщины:

– Эх, Пашка, Пашка... Мужичок ты мой единственный...

Глава пятьдесят девятая

19 апреля

Сочи. Кабинет Калачова Регламентированные идиоты

Калачов уже привык к тому, что Целовальников всегда приходит к нему без доклада. Но на этот раз он перешёл все границы, буквально пнув дверь ногой. Генерал уже набрал воздуха в грудь, чтобы сделать подчинённому замечание. Но, увидев возбуждённое лицо гения, весь воздух выпустил.

Кирилл подбежал к генералу и встал за его спиной. Тут же выложил перед ним распечатку карты и мощно шлёпнул по ней ладонью:

– Вот! Я их вычислил.

Это была карта Центрального района Сочи. Карта, покрытая оспой маркерных точек. В одном месте эти точки создали практически идеальную окружность, центр которой был обозначен жирным красным крестом. Кацэ ткнул в него пальцем:

– Это и есть искомая нами конспиративная квартира. Кто бы мог подумать, что прямо под боком у нашего президента в подвале большой двухэтажной усадьбы американцы пытаются

русских учёных. Это склон горы Виноградной. До резиденции «Бочаров ручей» пять минут ходьбы. От силы десять.

Генерал взял карту в руки и стал её внимательно изучать:

– Как ты определил их местонахождение?

Кацэ повеселел ещё больше, схватил ближайшее кресло и пристроился рядом с Калачовым:

– Легко! Я ставил точки там, где моя программа выявляла места исходящих звонков их хитрой системы связи. Когда таких точек стало очень много, я пригляделся и думаю: то ли я дурак, то ли они полные идиоты.

– Не сомневаюсь, что они. Но ты не больно налегай на раненного, – командор отодвинул руку с прибинтованной к ней лангеткой.

Но Кацэ, казалось, его не слышал и продолжал увлечённо рассказывать:

– Смотрю, на карте сформировалось два хорошо видимых идеальных круга. Один слабый – вокруг посольства. Второй очень явный – вокруг другого здания. Сначала я не врубился. Ерунда какая-то. И тут до меня дошло. Идиоты! Регламентированные идиоты! Американцы, они, как и немцы, в некоторых делах ужасные педанты. Впрочем, все они англосаксы – и это многое объясняет. Мы прекрасно знаем, что пиндосы, а в особенности те, кто работает на государство, свято соблюдают инструкцию. Причём, любую. Она для них, как Коран для мусульман. Видимо у них есть методичка, предписывающая звонить по секретной линии, только отой-

дя на определённое расстояние. Это меры предосторожности для их секретных объектов. Вот они и бегают с конспиративной квартиры звонить. Я замерил – радиус этой окружности ровно 300 метров. Вот дебилы! Видимо, именно такое расстояние прописано в их инструкции.

Генерал закончил изучение карты и посмотрел на парня:

– А почему тогда второй круг слабый? В посольстве же много народу.

Кацэ активно выставил руку ладонью вперёд:

– Сейчас объясню. Из посольства они не боятся звонить. Видишь, здесь в одном месте целая тьма точек. Посольство не секретный объект, чтобы скрывать его место нахождения. Тем более, что у них там защита, глушилки и все дела. Но когда, выйдя из посольства, америкосы вспоминали, что им надо сделать срочный звонок, они сразу попадали под регламент методички. Поэтому отходили (или отъезжали) от своей конторы на те же триста метров.

– Да, в этом есть смысл. Видимо, в их инструкции не прописано, что она регламентирует только звонки с конспиративных квартир. Молодец!

Когда гений удалился, генерал вызвал Юшкевич:

– Лиза, я не могу сейчас привлекать новых людей для замены Шустецкого и Ахтарова. Поэтому, как самая опытная, принимай оперативное руководство их отделами и разрабатывай план освобождения Бузмакова и Кузнецовой. Вот адрес здания, – Калачов передал карту с красным крестом. –

Надо установить наблюдение. Проработай всё подробно. Собери информацию. Потом вместе обмозгуем, что и как.

Глава шестидесятая

19 апреля

Хутор Смородинский Непонятная русская душа

После того, как Влад воткнул себе энергетическую капсулу, простуда на время затаилась, ничем себя особо не проявляя.

Шли споры. К террикону вела тропа, протоптанная в снегу. Она петляла по задам и огородам, где снега всегда больше всего. Очевидно, местные жители упорно чистили тропинку, и теперь в конце длинной зимы она представляла собой глубокий окоп. Из окопа торчали только головы. Со стороны казалось, что это два колобка сбежали от деда с бабой искать в студёную пору приключений на свои тёплые попы. Ахтаров внезапно встал, глубоко и отрывисто задышав. Его попутчик тут же вернулся:

– Что, и капсула не помогла?

Влад, задыхаясь, не смог ответить, а просто помахал успокаивающе рукой.

Он отлично знал, что причина приступа вовсе не в простуде. Это у него началось давно. Какой-то странный спазм

нападал неизвестно откуда и парализовал на время работу всего организма. Иногда он зарождался в районе печени, затем резко перепрыгивал в сердце и далее сжимал до потемнения в глазах виски. Иногда боль начиналась в голове, реже – в сердце. Но всегда болели одновременно все три этих органа. Приступы начались лет семь назад. Сначала редко – раз в полгода. Потом чаще. А в последнее время могли и на дню раза по три «радовать». Что с ним происходит – Влад не понимал, но и к врачам не обращался. При всём своём внешне грозном виде супермена и славе умелого балабола, Ахтаров был застенчивым человеком: замкнутым и стеснительным. Вот и в данном случае он не мог себя заставить пойти в поликлинику. Как, я, здоровый на вид мужик, в свои тридцать пять лет попрусь туда, куда ходят только больные, старые и немощные люди? Да я со стыда сторю! Влад всегда представлял, как он, играя мышцами, уверенной походкой тигра двигается по забитому страждущими больничному коридору. При его появлении все замирают и смотрят только на него. Смотрят слезливыми, несчастными, широко открытыми глазами. От их укоризненных взглядов не спрятаться. Не-е-ет, ни за что! Со временем само пройдёт. Ну если уж совсем прижмёт – тогда конечно... Может быть... Если буду свободен... Если что... Рассосётся как-нибудь... Где же вода? Дьявол, о воде я совсем забыл... Снять спазм всегда помогала вода. Иногда один глоток, иногда стакан, иногда целый литр. Он постоянно имел при себе специальную фляжку

с водой. Куда она делась, Влад даже не представлял. Не до неё было. Где взять воду? У попутчика? Даже не буду спрашивать – глупо. Господи, дурак! А снег на что? И он словно дикое животное или последняя пьянь с большого бодуна стал активно набивать рот снегом. Сначала от изобилия холодного боль в голове только усилилась, застилая глаза чёрным покрывалом, но потом талая вода достигла области разгорячённой печени и спазм быстро сошёл на нет.

– Фу! – Влад, наконец, отдышался.

Ярослав всё это время внимательно смотрел на него, не очень понимая, что происходит:

– Может, вернёмся?

– Ни за что, – выдохнул Ахтаров. – Далек ещё?

– Мы только вышли.

– Тогда идём, – он подтолкнул попутчика и двинулся следом, тихо пробубнив под нос: – Жаль экзоскелет сдох. С ним бы я быстро...

Они почти дошли до околицы, где заканчивался «окоп» и тропа выходила на поверхность снежного наста. Здесь их и увидели люди на снегоходах. Снегохода было три. Рёв их моторов попутчики услышали издали и с надеждой переглянулись – может, подвезут? Но снегоходы двигались в обратном направлении – навстречу их движения к террикону. Достигнув пределов хутора, «тарактелки» свернули в ближайший к пешеходам проулок и остановились. Яр и Влад, лелея слабую надежду на помощь, сделали то же самое. Теперь

их разделял забор, торчавший из снега примерно на метр, и снежное пространство размером с чей-то огород. Пассажир головного снегохода снял шлем, сложил руки трубочкой и зазывно крикнул:

– Ярик! Это ты?

– Я! – обрадовался попутчик Влада. – Лёха, ты откуда?

– Оттуда, – весело прокричал пассажир и жестом позвал: – Давай сюда! Я за тобой приехал.

Всё это время Влад внимательно следил за приезжими. Внутри зажегся малюсенький огонёк подозрительности. Он под собой не имел никакого основания, кроме выработанной за годы работы в ФСБ интуиции. Попутчик уже вовсю пробивал башмаком ступеньки в стенке «окопа», пытаясь вылезти из него для встречи с другом. Ахтаров на всякий случай ткнул его локтем:

– Спроси, как он узнал, что ты здесь?

Без задней мысли Шелихов громко озвучил:

– Лёха, тебе бабушка сказала, что я тут?

«Вот, дурень! Сам подсказал вариант ответа», – мысленно возмутился Ахтаров.

– Да, она. Ну, где ты там застрял?

– Сейчас, вылезу!

Ярослав залез на первые две ступени, но с третьей ногой соскользнула. Он приготовился повторить попытку. Но в этот момент пассажир второго снегохода тоже снял шлем. «Чёрт! Это же Иден Мортенсен! Помощник американского

атташе!» – удивился Влад. Он узнал его по фотографии, которую скинул Кирилл. И тут до Ахтарова дошла суть происходящего. Он энергично схватил за ноги почти вылезшего на бруствер окопа Шелихова и сдёрнул его назад. Тот шлёпнулся на дно и с недоумением уставился на Влада:

– У тебя совсем что ли? – неопределённо покрутил он у виска.

Ахтаров был предельно серьёзен и буквально поедал попутчика глазами:

– Ты Ярослав?

– Ярослав, и что?

– Шелихов?

Не очень понимая, что происходит, изобретатель удивился:

– Откуда знаешь?

Вместо ответа Влад высунулся из окопа и оценил обстановку. Три снегохода, но в одном только водитель. Итого: пять человек. Многовато будет. Ничего, выдюжим. И не из таких переделок выбирались. Он привычным движением ловко достал висящий под курткой короткий штурмовой автомат. А я ещё, дурак, подумал – на фига он тебе? Вот что значит опыт!

Увидев оружие, Ярослав тут же повис у него на руках и возбуждённо прошипел:

– Ты сдурел?

Ахтаров ловко избавился от балласта – сработал рефлекс.

Славка отлетел в сторону и вновь приземлился на дно окопа. В его глазах застыло недоумение. Влад понял, что пора изъясниться. Он указал в сторону вездехода:

– Это враги, – затем ткнул в грудь Шелихова: – Ты изобретатель «Прометей», – после этого палец переместился на собственную грудь: – А я подполковник ФСБ Владислав Вилорикович Ахтаров.

Ярослав отказывался верить:

– Но там же Лёшка! Его бабушка прислала.

– Сейчас проверим какая «бабушка» его прислала. Скажи, что ты ногу вывихнул, пусть сам к нам придёт.

Ярослав недовольно повёл головой, но всё же воспроизвёл просьбу:

– Лёха, я ногу повредил. Иди сюда сам!

Ахтаров внимательно следил за приезжими. Грязнов скопил взгляд на помощника атташе и тот кивнул головой, что означало «иди».

Алексей, с трудом перебирая ногами, медленно двинулся по сугробам. Мортенсен и ещё два человека аккуратно пристроились за ним. Влад прекрасно видел, как каждый из них потрогал спрятанную под курткой портупею. Всё понятно. Он ловко выпрыгнул из окопа и направил дуло автомата на непрошенных гостей:

– Всем стоять! Одно резкое движение и я буду стрелять.

Все замерли. Расстояние между противниками не превышало и двадцати метров. С такой дистанции трудно промах-

нуться. Ахтаров продолжил:

– Ты! – он направил ствол на Грязнова. – Аккуратно топай сюда. А вы стойте на месте.

Алексей не сделал и двух шагов, как раздались выстрелы. Это стрелял водитель снегохода, замыкающего караван. Одна из пуль ужалила подполковника в плечо. Но это не помешало опытному фээсбэшнику среагировать. Он прыгнул в сторону и пустил ответную очередь. Стрелявший заткнулся навсегда. Но остальные бросились на снег и открыли пальбу. Только Грязнов, словно змея, шустро уполз к снегоходам и затаился там. Перестрелка не привела к быстрому исходу. И нервная пальба сменилась прицельными выстрелами. Советник атташе что-то шепнул напарникам, и они стали расползаться в разные стороны. Это не понравилось Ахтарову. Если они возьмут нас в клещи, даже автомат не поможет. Он перезарядил обойму. Придётся попытаться использовать элемент «наглой неожиданности». Влад решил встать в полный рост, чтобы длинной очередью заставить противников уткнуться в снег. Но в это время нежданно-негаданно к нему пришла помощь. Откуда-то со стороны раздался выстрел, и советник схватился за плечо. Второй выстрел крупной дробью поднял фонтаны снега перед мордой одного из его подручных. Стреляли с чердака ближайшей к месту боя бани. «Отличная позиция, – машинально похвалил подполковник неведомого союзника, – все мишени, как на ладони». Воспользовавшись замешательством в стане врага, Влад молние-

носно исполнил свой план. Он вскочил и, стреляя на ходу, стал быстро приближаться к американцам. Два бойца всё же решили отстреливаться и получили ответку, отправившись в мир иной. Советник откинул пистолет в сторону и перевернулся на спину. Ахтаров ногой пнул его пистолет от греха подальше и присел на колени рядом с лицом атташе:

– Что, ковбой, прокатился с ветерком по России?

– Я не «ковбой», – тяжело дыша, выдавил американец.

– Теперь-то уже какая разница? Говори, где вы держите Бузмакова?

– Я истекаю кровью, – советник держался за раненное плечо. – Пока не окажете первую помощь, вы от меня ничего не добьётесь.

– Скажешь, куда ты денешься, – Влад приставил дуло к его лицу.

Но от продолжения допроса его отвлёк рык снегохода. Это дал дёру Грязнов. От бани бежал Пашка с ружьём, а из окопа наконец выбрался Ярослав. Ахтаров вернул взгляд на прежнее место:

– Ну, не дадут поговорить с интересным человеком. Ладно, твоя взяла, окажем тебе медицинскую помощь, – он молча вытащил из брюк советника ремень и связал его руки. Втроём они собрали оружие и на двух оставшихся снегоходах отправились домой. Помощник атташе ехал в санях, прицепленных к одному из вездеходов. Его глаза сверкали злобой, а губы что-то шептали. Он явно поносил Россию, её

просторы, климат и непонятных жителей, которые с раннего детства готовы защищать свою холодную землю с ружьём в руках.

Глава шестьдесят первая

19 апреля

Сочи

Король умер! Да здравствует король!

Да, хорошо обосновались. До президентской резиденции и на самом деле меньше десяти минут ходу. До внешнего забора, если быть точным.

Калачов рассматривал видео и фотодокументы, представленные ему Лизой. Мощный двухэтажный дом с мансардой стоял в конце переулка, название которого на склонах горы Виноградной присутствовало повсеместно.

Ох, и путанные же у нас улочки. Ох, путанные! Навигатор сойдёт с ума. Вот Виноградная, а вот переулок Рахманинова. А его пересекает в перпендикулярном направлении тоже переулок Рахманинова. Дальше идёшь – снова переулок Рахманинова, но не имеющий прямого отношения к первым двум. А затем ещё одна Виноградная и ещё одна в пересечении с первой. И вновь переулок Рахманинова! И так со всеми улочками-переулочками – какую ни возьми.

Генерал усмехнулся – представил иноземных захватчиков, заблудившихся в лабиринтах, петляющих по склону го-

ры улиц: «Эй, здесь есть хоть кто-нибудь, кто за хорошие деньги выведет нас к резиденции вашего президента? Или здесь одни Сусанины?» А в ответ: «Мы не Сусанины! И хотели бы подзаработать на предательстве, но помочь не можем. Сами каждый раз блуждаем». Так что тот, кто присваивал названия этому серпантину узких переулков, был вовсе не безмозглым чиновником, а просто настоящим патриотом. Да, хорошее место выбрали американцы для своей явочной квартиры. Незамеченным не подберёшься. Дом высокий и с его мансарды любой приближающийся автомобиль видно заблаговременно. Он попадает в поле зрения их камер ещё на пятом изгибе узкой улочки. Пока машина подъедет к воротам дома, можно успеть попить чайку, перепрыгнуть через высокий забор в заросшие зады санатория и добраться по его территории до берега моря. Кругом заборы, шлагбаумы, КПП, заборы, заборчики, заборища. У конспиративного дома каменный забор метра три с гаком. Сверху колючка. Чтобы такой забор преодолеть нужен танк. Да, дела... Россия – страна заборов и шлагбаумов. Дом этот по документам принадлежит знаменитому на весь мир скульптору – Бертольду Ванюкин-заде. Это, естественно, псевдоним. Настоящее его имя Олег Львович Ягудин. Но, как оказалось, Бертольд этот уже двадцать лет живёт в Майами. Имеет он отношение к разведывательным службам США или не имеет – это теперь не главное. Главное, сейчас надо выяснить как, когда и каким способом проникнуть в явно хорошо обороняемый дом

беглого скульптора. Проникнуть так, чтобы не было жертв ни среди тех, кто пойдёт на штурм, ни среди тех, кто сидит в подвалах этой каменной крепости.

Из раздумий Калачова вывел звонок Джужомы. Игорь Артёмович пригласил прогуляться в парке у Морского вокзала. Что-то новенькое. Встреч в его кабинете ему недостаточно? Или захотелось в шпионов поиграть?

... Поначалу всё склонялось ко второму предположению. Увидев Калачова, начальник ФСБ двинулся навстречу, но, не подав руки, прошёл мимо, успев шепнуть:

– За мной хвост. Через тридцать минут в кафе «Запах вампира».

Почему он выбрал именно это кафе, стало ясно, когда Геннадий Васильевич переступил порог заведения. Кафе славилось низким качеством пищи и высокими ценами. Но шеф ФСБ явно апеллировал не финансово-гастрономическими критериями. Судя по всему, «Запах вампира» привлёк его внимание из-за того, что здесь всегда многолюдно. Хотя «людно» – сильно сказано. Вокруг сновала «нечисть». Она танцевала, ходила в туалет, сидела у стойки бара. Понтовалась друг перед другом кровавым макияжем, стильным зомби-прикидом и сатанинскими рисунками на теле. Казалось, что в кафе круглый год празднуют один и тот же праздник – Хэллоуин. И, судя по всему, почитателей этой древней иноземной традиции в Сочи было пруд пруди. Парочка

«вампириков» с бутылками пива в руках обратила внимание на странно одетых по меркам этого места гостей. Проходя мимо, «вампирики» синхронно оскалили клыки и зловеще прошипели в лицо Джужомы. Но тот не обратил никакого внимания на их выкрутасы.

Грохот сатанинской музыки гарантировал секретность разговора. Поэтому Игорь Артёмович начал с главного:

– Сегодня ночью скончался Стрекалов.

Поворот событий был неожиданным даже для опытного командора:

– Убили?

– Пока не знаю. Эксперты стоят на том, что это естественный сердечный приступ. Доказательств вмешательства внешней стороны нет. Но не это сейчас главное.

– Не это?

– Стрекалова не вернёшь. Дальше мы двигаемся уже без него. Что будет дальше – вот в чём вопрос.

– Неприятности?

– Не то слово. Положиться не на кого. Поэтому я встречаюсь с тобой, а не со своими заместителями.

Калачов промолчал. С одной стороны, он не хотел вникать в интриги высшего эшелона власти. А с другой – не обладал достаточным объёмом информации, чтобы судить, что хорошо, а что плохо.

– Молчишь? Скажи, на чьей ты стороне?

Генерал только развёл руками, явно намекая, что не на

чьей. Джужома кивнул:

– Возможно, что я сделал правильный выбор, обратившись к тебе.

Геннадий Васильевич вновь промолчал. Начальник ФСБ продолжил:

– Я понимаю, что ты не придворный человек и тебе до фени все обстоятельства дворцовых переворотов. За это я тебя уважаю и даже немного завидую. Ты не связан клятвами и обязательствами. На твои руки и помыслы не наброшены путы. Я чувствую, что сейчас для России наступил час «Икс»: быть или не быть.

Джужома затих на время, сканируя реакцию собеседника, осторожно продолжил:

– К моему большому сожалению, вокруг меня нет умных и преданных людей. Кругом завистники, рвачи и интриганы. Им плевать на всё – лишь бы им было хорошо. Они держат нос по ветру и готовы переобуться в любую секунду. Раз! И они уже повесили за своей спиной портрет нового идола. Ну не опускай глаза, не отворачивай свою суровую рожу. Понимаю, что ты не такой и тебе мой рассказ не интересен. Но выслушай меня до конца, – начальник ФСБ снова затих, собираясь с мыслями. Заговорил. Но голос его уже потерял былую уверенность, взгляд потух: – Знаешь, можешь верить, а можешь – нет, но я всю ночь не спал и думал, что будет дальше. Нет, не со мной. Со страной. Боюсь, что мои опасения сбудутся.

Калачов чуть повел подбородком:

– Игорь Артёмович...

– погоди. Не перебивай. Короче: завтра меня скинут. Но не это главное.

– Для полного понимания сути этого разговора, я всё же перебую. Кто скинет? Почему?

Джужома вздохнул и выпустил пар:

– Ах-ха-ха-ха-хах... причудливой судьбе было угодно сделать так, что у нас теперь нет ни президента, ни приемника. Ты же знаешь, у Стрекалова не было законного наследника. После смерти в позапрошлом году премьера он совмещал сразу две должности. Вот и пришлось собирать экстренное заседание руководства страны. Думали, думали и надумали поставить исполняющим обязанности главы государства Калинина.

– Министра обороны?

– Да, Лёвушку, будь он неладен.

Калачов развёл руками, давая понять, что он не в курсе, кто «ладен», а кто «неладен». Игорь Артёмович махнул рукой и опрокинул в глотку содержимое коньячного бокала. Слегка поморщившись, продолжил:

– Объясню. У Льва Николаевича в нашей конторе всего один фаворит – Проскурин. Они давние друзья, однокашники и сестролюбы. Женаты на близняшках. Поэтому не сегодня-завтра меня скинут и поставят на моё место Генриха Эрнстовича. А ты у него тоже в чёрном списке. Странно всё

это, но он тебя не просто не любит. Он тебя ненавидит. Уж не знаю за что. Думаю, это природный антагонизм совершенно разных людей. Ты не знаешь, почему он тебя так не любит?

Калачов пожал плечами. Это была новость, которая не очень его волновала: «Не любит и не любит. Я же не женщина, чтобы волноваться по этому вопросу. Хотя, если честно, Проскурин мне тоже был всегда неприятен. Беспричинно, просто так».

Начальник ФСБ продолжил:

– Поэтому тебя тоже скинут. Но тебя просто снимут с должности, а меня ещё и запрут. В этом разница. А я не хочу, чтобы всё полетело в тартарары. Я не кривлю душой. Мне не очень хочется быть скинутым этой шушерой. Эх-хэ-хэх, м-да... Но боюсь, что не только мне после этого переворота придёт кирдык. Кирдык придёт всему. Ты меня слышишь?

– Более чем.

– Поэтому я решил передать тебе наиболее важные документы. Даже если ты окажешься не у дел, я уверен – ты распорядишься ими правильно и рационально.

Он взял салфетку, сделал вид, что высморкался в неё и положил на стол:

– Не смотри на неё. Я вложил в эту салфетку микрофлешку. Раз ты не заметил, значит, никто не заметил. Будем расходиться – прихватишь. На ней наиболее важные на мой взгляд документы. В том числе компромат на всю нашу верхушку. А также ценная информация о действиях и намерениях внеш-

них доброжелателей. Не хочу, чтобы эта инфа попала не в те руки.

– И что мне с этим делать?

– Гена, ты умный, ты сообразишь, – и без перехода спросил: – Что с Шелиховым?

– Ничего. Он пропал. Вероятно погиб.

– А остальные?

Калачов засомневался – говорить или нет. Подумал и решил скрыть правду о том, что его ребятам удалось найти логово, где возможно держат Бузмакова и Кузнецову. Решение было рациональным и никак не связанным с тем, что он не доверял или доверял Джужоме. Если начальник прав и его завтра скинут – то эта информация для него пустой звук. И если сейчас с ним делиться инфой – то это просто повышать шансы, что она станет общедоступной. Чего не хотелось бы. Очень не хотелось бы. И он помотал головой:

– Близки к разгадке, но пока нет результата.

– А по Паганини?

– Работаем. Есть несколько перспективных версий. Одна из них связана с новым президентом. У Калинина итальянские корни. Его предок – Николо Коллини.

Джужома задумался и ответил не сразу:

– Ты считаешь, что наши американские партнёры дали Лёве кличку Паганини из-за того, что у него итальянские корни?

– Я ничего не считаю. Это разрабатываемая версия.

– Хм. С одной стороны, не особо логично. Коллини и Паганини семантически никак не связаны, кроме общего итальянского происхождения и общего имени «Николо». С другой стороны, кто знает, что взбрѣдет в их дурные бошки. Погоди, погоди... Коллини – Паганини, Николо – Николо... Хм. И плюс мы знаем о плане внедрения этого самого Паганини в высшие эшелоны власти. Помнится, ты докладывал, что они дали отмашку для проведения операции «Паганини». Когда это было?

– Вчера.

– Да, вчера... А как будто целая вечность прошла. Вчера запустили, а сегодня у нас уже новый президент. Шустро. Возможно, ты прав – наш Лѣва и есть тот самый Паганини. Что скажешь?

– Есть вероятность.

Джужома потѣр лоб:

– Хм, плохо. Очень плохо. Ладно, подумаем, что нам предпринять. Сейчас расходимся. Завтра в это же время – здесь, – он указал глазами на столик. – Да смотри, хвоста не притащи.

Глава шестьдесят вторая

19 апреля

Хутор Смородинский Давай, парень, торопись!

Ахтаров завёл пленника на кухню и усадил на стул. Сам взял табурет и сел напротив. После чего включил голофон на запись:

– Говори, где вы держите Бузмакова?

Советник по-прежнему тяжело дышал:

– Вы обещали оказать мне помощь.

– Ничего, меня тоже ранили, – Влад слегка повёл голову в сторону раны. – Вот расскажешь всё, и мы тут целый лазарет устроим. Говори!

– Помоги сначала, я чувствую, как истекаю кровью.

– Вот и поторопись.

– Развяжи хотя бы руки, я зажму рану.

– Хорошо, если ты расскажешь всё без утайки.

Советник кивнул. Как только подполковник ФСБ снял ремень, пленный тут же ухватился рукой за плечо, зажмурил от боли глаза и издал стон.

– Говори! – вновь потребовал Влад. – Бузмаков жив?

– Да, жив. Мы держим его в частном доме в переулке Рахманинова, – он назвал адрес.

– Сколько человек охраны?

– Постоянной – пять.

– С размахом, однако, – оценил фээсбэшник работу противника: – Пароль для входа.

– Перевяжи сначала. Видишь, я всё рассказываю.

Влад по-прежнему сидел в полном обмундировании арктического исполнения. В доме было жарко. Пашка постарался. Плюс заканчивалось действие энергетической капсулы. Болезнь возвращалась слабостью и жаром. Он вытер пот:

– Хорошо, сейчас только разденусь.

Ахтаров бросил голофон на стол, а сам встал и стал стягивать куртку и бронежилет. Что произошло дальше, Ярослав до конца так и не понял. Всё произошло мгновенно. В голове только отпечатались статические картинки: резко вскочивший американец; локоть подполковника с размаху бьёт его в нос; пленник отлетает к стенке. И последний кадр: автомат в руках Влада. Тук-тук-тук-тук-тук! Ярослав даже не сразу сообразил, что это выстрелы, а не стук в дверь. В воздухе витал дымок, подполковник продолжал стоять вполоборота к Шелихову, а американец развалился в углу, широко раскидав ноги и свесив голову на грудь. Из его безжизненной ладони выпала окровавленная финка.

Рука Влада машинально ощупала пояс и нашла там только пустые ножны. Он повернулся лицом к Ярославу и попы-

тался что-то сказать, вместо звука из его рта тут же хлынула кровь. Подполковник грузно сел на табурет и поманил Шелихова левой рукой. Правой он держался за шею. По пальцам текли алые ручьи. Ахтаров вытер пот, взял свободной рукой голофон и стал быстро набирать текст в блокноте. Набрав, тут же показал Шелихову. И сразу стал набирать следующие предложения. Он писал до тех пор, пока не «сказал» всё, что хотел. Текст гласил: «Прямо сейчас всё бросаешь, садишься на снегоход и едешь на юг. Ничего никому не объясняй, а просто уезжай. Здесь тебе опасно. Никому не звони. Вообще никому. Не выходи в интернет, не называй своего имени и не показывай документы. Это обязательное условие. Всё очень серьёзно. Бросив снегоход, далее езжай на перекладных. Доберёшься до Сочи и сразу дуй к генералу Калачову. Он сидит вот по этому адресу. Проект у тебя с собой? Хорошо, попроси хозяйку его спрятать. Надёжно спрятать. Проект в дорогу не бери. Оставишь ей записку с номером телефона генерала. Если в течение недели сюда не прилетит сам Калачов, пусть позвонит ему. Всё. Передашь генералу мои приветы и наилучшие пожелания. Да, возьми этот телефон, в нём зашита моя банковская карта. Сейчас я сниму все блокировки. Оплачивай только ей».

Передав Шелихову аппарат, Влад начал захлёбываться кровью. Он энергично завертел рукой, что означало: давай, парень, торопись. Ярослав не стал расстраивать умирающего. Через пятнадцать минут он уже управлял мчащимся на

ЮГ СНЕГОХОДОМ.

Глава шестьдесят третья

20 апреля

Сочи. Конспиративная квартира ЦРУ Когда хочется петь!

Вчера этот противный американец, этот франт, всегда одетый ярко, как петух, сказал, что Ярослав жив. Это правда? Нет, не может быть. Я целую вечность провела на краю пропасти. Если бы он был жив, я бы услышала. Я бы почувствовала. Нет. Врёт. Они знают, что я его люблю. И теперь хотят этим воспользоваться. Хотят, чтобы я не наделала глупостей. Американец так и сказал:

– У тебя есть хороший стимул жить дальше. Завтра мы привезём сюда твоего Ярослава. На послезавтра намечен ваш вылет в Майами. Готовься. Всё у вас будет хорошо. Вы будете жить в большой счастливой демократической стране.

Америкосы зациклены на своей «демократической» пропаганде. И дня без неё не проживут. Нет, они врут. Всё плохо. Ярик мёртв. Вит меня презирает. Есть за что. Я сама себя презираю. Что же мне теперь делать? Умирать? Верёвка найдётся и перекладина тоже. А если он не соврал и Славка жив? Тогда я с ним сегодня увижусь...

Мара не находила себе места. А почему бы и нет? Да, в Майами. Но разве это предательство? Лет десять назад в её окружении часто заводился один и тот же разговор. Все были не против покинуть холодную, плохо приспособленную для жизни Россию и уехать в тёплые страны. Америка чаще всего возглавляла список притягательных мест. Это не предательство. Я никому ничего не обещала. И никаких клятв не давала. Сейчас все борются за своё существование. Все стараются выжить. Но в этой стране выжить практически невозможно. Население за последние двадцать пять лет сократилось в десять раз. Ну, похоронят тебя здесь – вот и всё. Это и будет исполнением патриотического долга. А там мы будем жить долго и счастливо. Счастливо, счастливо... Ой, ли?! Сомневаюсь я в этом постулате. Ох, как сомневаюсь. Не будет Яр счастлив. Я его знаю. Возможно, что я и Славка будем всегда вместе. Возможно, что мы будем жить богато и работать над грандиозными проектами. Но я представляю эту нашу жизнь. Как он будет смотреть на меня? Счастливо? Беззаботно? Нет! Я представляю Славкин взгляд. Взгляд, стыдливо отведённый в сторону. Взгляд, затюканный совестью. Нас будет подспудно мучить одна и та же мысль: мы предатели. Мы купились на сладкую приманку. В этом корень предательства. Любого предательства. У предательства нет оправданий. И не может быть. Либо ты здесь, либо по другую сторону барьера. Другого не дано. Да... А американцы dokonают нашу родину. Это точно. Я не рьяная патриотка, но я это-

го не хочу. И главное, что Славка этого не хочет. И точно не захочет. Жить там, за океаном, беззаботной жизнью переребечика и наблюдать, как добивают страну, откуда растут твои корни – это не так-то просто. Чтобы смотреть на такое спокойно, надо освободиться от химеры, которая называется совестью. Нет, не хочу. Не хочу... А Вит? Ты видела, что они с ним сделали? Видела? Вот то-то и оно. Ты не сможешь спокойно спать на шикарной постели в Майами. Вит, его глаза, его опухшее лицо и содранные ногти не дадут тебе спать. Не дадут. Что же делать?

Надо дождаться Ярослава и вместе с ним решать, что делать. А если не получится? А если уже не будет выбора и нас, словно мешки с картошкой погрузят в самолёт? Нет, надо не дать ни малейшего шанса нашему предательству. Почему нашему? Моему... Мне надо сбежать. Сбежать. И тогда Славка не пойдёт на сделку с совестью. Эта сделка может состояться только из-за меня. Я приманка для Шелихова. Они всё рассчитали. Вот фиг вам! Надо бежать. Он поймёт, из-за чего я сбежала. Раз я сбежала, значит, и у него появятся силы противостоять обстоятельствам. Побег и только побег...

Но как? Легко сказать. Нелегко сделать. Они всё предусмотрели. Они нацепили на мою шею электронный браслет, начинённый пластиком. Американец объяснил:

– Для нас он безопасный. Внутри дома он не взорвётся. Он взорвётся только в том случае, если ты выйдешь за ограду. Тебе оторвёт голову. Мы не пострадаем. Но обязательно

пострадают невинные люди на улице. Ты хочешь стать самоубийцей? Тогда готовься уйти на тот свет, прихватив с собой жизни детей и стариков. И в таком случае тебя будут вспоминать как Кровавую Мару. И проклинать. Я думаю, что ты разумная девушка и всё прекрасно понимаешь.

Да, трудно сделать выбор. Никому не пожелаешь мучиться от подобной дилеммы. Быть или не быть. Жить или не жить. И как переступить черту? Как решиться на риск? Предавать легко. А остаться собой? Остаться собой тяжело. Очень тяжело. Практически невозможно. Никогда не думала, что мне в жизни придётся столкнуться с проверкой самой себя. Проверкой на дороге жизни. Теперь ты знаешь, чего ты стоишь. Нет. Нет! Нет!!! У меня ещё есть шанс! Есть шанс остаться человеком...

...Она ходила по комнатам этого большого дома. Очень большого. Два этажа плюс жилая мансарда. А внизу огромный подвал. Подвал-тюрьма, подвал-мастерская. Бывший хозяин дома скульптор. Никто об этом Маре не говорил, она сама увидела. Увидела, когда спустилась в подвал. Здесь было множество заготовок для скульптурных композиций. На полках стояли уменьшенные макеты состоявшихся и несостоявшихся произведений. Тут и там – маски известных людей. А это что? Склад? Кладовая. Большая кладовая. Здесь хозяин хранил материал для скульптур. Всё так и осталось невостребованным: мешки с цементом, сухой глиной, але-

бастром.

План побега созрел мгновенно. Снять браслет невозможно. Сломать тоже. Он сделан из очень прочного углепластика. Сбежать с ним нельзя – взорвёшься. А что, если не снимать браслет, а залепить его гипсом? Это идея. Сигнал прервётся – и что тогда? Тогда сработает сигнал на уничтожение. Но здесь кроется маленькая лазейка. Есть вероятность, что этот сигнал тоже не сможет пробиться через гипс. Страшно. Это гадание на кофейной гуще: взорвусь, не взорвусь. Страшно. Конечно, страшно. Это не кофейная гуща – это гуща из крови и мозга. Из моей крови и моего мозга. Бр-р-р! Совсем себя запугала. Но и отказаться от побега не могу. Уже не могу. Меня трясёт, я подпрыгиваю на ходу, так мне хочется обмазать ошейник и смыться. Надо подумать. И думать нечего! Надо решаться. Давай девочка! Давай!

И она решилась. Сначала обмотала ошейник фольгой, прихваченной на кухне. А затем толстым слоем гипса. Чтобы гипс не трескался, не крошился и не разваливался, плотно обмотала его бинтом. Тишина. Я жива. Я жива! Интересно, они сами когда-нибудь его испытывали? Не знаю. Лучше об этом не думать.

Все охранники были на обеде, когда Мара, натянув чей-то безразмерный пуховик, выбежала на улицу. У калитки ку-

рил один из охранников. Сначала Мара испугалась: всё пропало! Но неожиданно для себя она с отчаянным криком бросилась на него. Бросилась, выставя вперёд шею. Ха! Ха-ха! Охранник в испуге отскочил в сторону и тут же, треща кустами исчез из виду. Испугался. Испугался, гад, испугался! Испугался, испугался, испугался! Прямо песня! Хотелось петь. Не такие уж вы и смелые. Бойтесь смерти, твари. Очень хотелось петь: «Я свободна!»

Она выскочила за калитку и бегом пустилась по кривой извилистой дорожке, петляющей по склону горы Виноградной.

Глава шестьдесят четвёртая

20 апреля

Сочи. Особое управление стратегических операций Забирай всю коробку!

Кацэ сидел в своём кабинете, обставленном пультами, компьютерами, мониторами и другим странным на вид оборудованием. Он уже расшифровал американскую программу по управлению электросетями и системами видеонаблюдения. Теперь компьютерный гений приспособливал хакнутую им программу под свои нужды и потребности конторы. Никто ему такой задачи не ставил, но Кирилл был уверен, что этот его труд обязательно будет востребован. Кацэ не просто приспособливал чужую программу. Попутно он её усовершенствовал и теперь бился над задачей так её зашифровать, чтобы уже никто не смог найти ни её следы, ни её хвосты. Это был тот ещё труд – кропотливый, требующий постоянной сосредоточенности и неординарных решений. А для этого надо было иногда отдыхать. Кирилл как раз этим и занимался. Он откинулся в дорогом геймерском кресле с ча-

щечкой горячего кофе, когда в помещение вошла Алиса Андреева. Она с наслаждением вдохнула воздух:

– Вот ведь тихий жмот! – её кулачок незлобно стукнул по плечу Кацэ. – Прохиндей! Ты где это достал? Я уже слово даже забыла, как оно называется.

Парень в результате её эмоциональной атаки отпрянул от спинки кресла, пытаясь не расплескать ценное содержимое чашки:

– Ты чего? Осторожней! Здесь нельзя ничего расплёскивать. Не дай бог на пульт попадёт, – Но, взглянув на девушку, улыбнулся и уже ласково и немного ехидно добавил: – Этот чудный напиток называется кофе.

– Ко-о-фе... – мечтательно пропела Алиса. – Поделись с девушкой.

– Нет у меня ничего, – отрезал хозяин помещения. – И не проси даже.

– Ну, хоть чуть-чуть... – продолжала нюнить Андреева.

– Ни чуть-чуть, ни чутьчку, ни капелюшечку. Вообще ни-сколечко. Нет у меня ничего.

– Как же нет, если ты пьёшь?

– Ё! Вот набежали!

– А ты думал? Там в коридоре сдохнуть можно от аромата, который из щелей твоей двери прёт. Сам виноват. Такое надо пить глубокой ночью в подвале заброшенного дома. И то не уверена, что народ не сбежится. Делиться с ближним – это

одна из главных заповедей. Колись, где кофе взял?

– Господи! – Кирилл вздохнул и протянул чашку гостье. – Только пару глотков – не больше.

– Обязательно, – Алиса благоговейно схватила чашку, словно это был священный грааль, и, семеня ногами, чтобы не расплескать, быстро упорхнула к окну:

– У-у-у... Первый глоток, как первый поцелуй, – она подняла голову вверх и быстро зашевелила вытянутыми в трубочку губами. Так обычно делают капперы, дегустаторы кофе.

Кацэ посчитал, что она отбежала лишь для того, чтобы выпить всю чашку, вскочил и бросился отнимать своё богатство. Алиса, прикрываясь от «агрессора» телом, и с криком «я сделала всего лишь один глоток, а ты обещал два», оттягивала руку с чашкой на недостижимое для парня расстояние. А Кирилл с криком «обманщица, дай сюда» пытался завладеть чашкой во чтобы-то ни стало. Так они «боролись» до тех пор, пока парень, пытаясь проскочить между выставленным в виде щита мягким местом девушки и подоконником, не толкнул соперницу и она не пролила часть напитка на пол. Они сразу же замерли и упёрли взгляды в пятно на ковровом покрытии. Жалко было не его. Жалко было драгоценные капли давно забытого вкуса.

– Ну, ты и свинья! На, подавись! – первой пришла в себя Андреева и сунула жадине чашку. – Никогда не думала, что ты такой скупердяй. Пожалел для девушки. Фу! И кто ты по-

сле этого? Точно – не мужик.

Она решительным шагом двинулась к выходу. Псих прошёл мгновенно и Кирилл, который по своей натуре не способен был кого-нибудь обидеть, бросился спасать ситуацию:

– Алисочка, прости подлеца. Ну, прости, ну что ты?

Она была непоколебима и решительно взялась за ручку двери. Кацэ понял, что времени на уговоры нет – придётся приносить жертвы:

– Я дам тебе спокойно допить до дна.

Девушка на миг замерла, крутанула отрицательно головой и попыталась открыть дверь. Кириллу пришлось выставить ногу.

– Хорошо! Я согласен на всё! – выпалил он предельно серьёзно. – Я сварю тебе целую чашку... Нет? Ну, ты даёшь – так ты оставишь меня ни с чем. Хорошо, я сварю тебе целую турку! Что? Ты и на это не согласна?

Он демонстративно убрал ногу, и пока Алиса не юркнула в проём (хотя она уже явно не торопилась), продолжил словесную игру:

– За чашку кофе, между прочим, Нутрецов предлагал мне пачку вафель и плавленый сырок. А Елизавета Егоровна – грушу.

– «Грушу»? Серьёзно? Ни фиги себе! Откуда у всех такое богатство? Одна я здесь нищая попрошайка.

– Ну, что? Ты согласна на чашку?

– Ты обещал целую турку.

– Это я стгоряча ляпнул.

– Первое слово, дороже второго.

Кацэ цыкнул, поиграл глазами и, поманив девушку пальцем, шепнул ей на ухо, интимно медленно прожёвывая каждое слово:

– Ты знаешь, мне за чашку кофе, обещала интим ни кто-нибудь, а «мисс Россия».

Девушка резко отпрянула и оценивающе прошлась по фигуре Целовальникова:

– Тебе? Врёшь! А, нет, верю! «Мисс Россия -2001»?

Кирилл сморщил нос и укоризненно повертел головой, при этом продолжая поедать девушку глазами:

– Ошибаешься, дорогая. Я не могу тебе назвать точный год её победы. Это приватная информация. А я всё же джентльмен. Скажу только: она молода, стройна, красива, – он опять перешёл на интимный шёпот: – А тебе я «за это» дам три турки...

– Ну и пей с ней свой кофе, – обиделась Алиса и решительно шагнула в коридор, крикнув, не оборачиваясь: – Нет ничего гнусней, чем продажная любовь.

– Я пошутил! – крикнул ей вслед Кацэ. – Алиса, вернись, я всё прошу! Хорошо-хорошо! В приёмной командора можешь забрать свою коробку.

Он вернулся за пульт и сосредоточился на кадрах, которые транслировала «муха».

Прошло минут пятнадцать, и Алиса вновь открыла дверь

его кабинета. Она была радостной, улыбочливой и довольной:

– Интересно, где патрон раздобыл всё это богатство?

Не отрываясь от монитора, Кирилл пробурчал:

– Не знаю. Нутрец предполагает, что командор подпольный миллионер, а Лиза думает, что он ограбил Ост-Индскую компанию.

Девушка поставила на стол большой пластиковый контейнер и сняла с него крышку, не сдержав восхищения:

– Ай-яй-яй! Я не могу! Какие подарочки нам шеф подогнал! – она достала из коробки яблоко. После чего подняла руку с фруктом вверх и стала рассматривать его в свете люстры, громко шепча при этом: – Яблочко, я тебя только надкушу, а всё остальное отнесу сестрѐнке. Я не жадная. Не то, что некоторые злые дяденьки. Они такие гнусные, эти дяденьки, что за продукты хотят купить нашу любовь. Нет, мы не будем даже разговаривать с этими дяденьками. Интересно, а шоколадку дяденьке тоже положили в коробку?

Алиса, словно фокусница, демонстративно вытащила из ящика настоящую плитку шоколада, что заставило Кирилла оторваться от монитора:

– Что? Что такое? Это нечестно! У нас гендерное равенство! Сейчас же напишу заявление об уходе!

– Судя по реакции злого дяденьки, ему сладенького не дали. Так ему и надо. Пусть это будет ему уроком. Нет, я не удержусь!

Она отломилла квадратик и тут же засунула его в рот:

– У-у-у... что за наслаждение. Мама моя, за шоколад я бы отдалась. Клянусь.

Кацэ горестно вздохнул.

– И может быть, не однажды, – девушка смачно причмокнула сладким содержимым рта: – Без раздумий бы отдалась за маленький кусочек шоколада, – продолжала она дразнить парня. – Что, у тебя разве нет плитки шоколада?

– Гы-ы-ы, – Кацэ даже не нашёл, что на это ответить, а просто прорычал.

– Ладно, я не то, что некоторые. Поделюсь со страждущими, – она уставилась на плитку, пытаясь оценить, какого размера кусок отломить Целовальникову.

Сначала отделила один квадратик, затем два. Потом решительно дёрнула головой, мол, ладно – я не такая как ты, сглотнула слюнки и выломала из плитки третий кусочек:

– На! Наслаждайся моей добротой. Но учти, всё это не за так.

– Ты хочешь интим? – демонстративно обрадовался парень.

– Ага, губки закатай. С тебя кофе. Прямо сейчас.

Целовальников зашустрил: насыпал в турку кофе и поставил её на малюсенькую конфорку крошечной электроплиты.

Минут через пять они уже сидели в креслах и получали нескрываемое удовольствие: кофе с шоколадом. У-у-у!

Когда напиток уже заканчивался, Алиса, мечтательно раскачиваясь в кресле, спросила:

– Что там твоя муха разузнала интересного?

– Много чего. Про Паганини, к примеру.

Компьютерный гений отвечал не очень охотно. Он даже грустно мотнул головой. Муха не оправдала в должной мере всех его надежд, затрат времени и сил. Хотя, с другой стороны, благодаря его усовершенствованиям отдача от мухи значительно выросла. И продолжает расти.

Но Алиса, как будто не услышала его ответ. Она вскочила и, уперев руки в стол, прилипла к экрану монитора:

– Ты видел это?

– Чего? – Целовальников подумал, что она над ним по-прежнему подтрунивает.

Он не видел на экране ничего нового – кабинет атташе по культуре был, как и прежде, пуст.

– Обалдуй! – девушка укоризненно покачала головой. – Ты разве не видишь? Он забыл выключить компьютер.

Для любого контрразведчика это была новость из разряда вон выходящих. Естественно, что Кацэ неоднократно предпринимал попытки, чтобы найти лазейку и завладеть информацией этого секретного компьютера. Но просто подсмотреть пароль было недостаточно. Для включения в работу компьютера Фрэнки необходимо было обойти множество навороченных препятствий безопасности. Надо было предъявить одновременно и его отпечаток пальца, и сетчатку глаза, и даже передний зуб, на котором был выгравирован невидимый обычным глазом QR-код. Всего этого у выпестован-

ной Кириллом шпионской мухи, естественно, не было и в помине.

– С чего ты взяла? – Кирилл тоже прильнул к экрану, ища зацепку. – Экран погашен.

– Ха! У него допотопный плазменный монитор. Где он его только откопал?

– Всё правильно. Это самый надёжный экран для сохранения информации в секрете. К голографическому экрану идёт сигнал, который теоретически можно перехватить и записать. А к этому информация поступает через провод. Так просто не влезешь в него. Надо найти место, чтобы подключиться к их закрытой сети. А это далеко не просто. С чего ты всё же взяла, что он не выключил компьютер? Экран потушен. Это видно в отражении стекла, которое прикрывает портрет Джорджа Вашингтона.

– Экран выключился из-за функции энергосбережения. А мышка горит. У меня точно такая же мышь. И она гаснет только при выключенном компьютере.

– Точно! Как я сразу не сообразил? Вот это подарок! Я трижды гений. Но пришла девочка с улицы и унизила трижды гения до уровня простого юзера или даже ламера.

Кацэ сразу же позабыл обо всём на свете, плотно уселся за стол и стал манипулировать джойстиком, задавая своей мухе алгоритм действий.

– Она может скачать информацию?

Кирилл машинально кивнул, спеша исполнить задуман-

ное:

– Это великая муха! Королева всех шпионских мух!
Смотри!

Муха подлетела к компьютеру и уселась прямо на разъём, служащий интерфейсом для подключения различных устройств, в том числе флешек. Она тут же сложила свои лапки так, чтобы они соответствовали очертаниям разъёма, и тут же одновременно сунула их в шину.

– В ней заложена ускоренная программа скачивания: пять терабайт в минуту.

Прошло десять напряжённых минут, пока муха не высунула лапки из отверстия и не вспорхнула с компа атташе. По случайному совпадению одновременно с этим в комнату зашёл хозяин. И сразу сел за компьютер, с удивлением уставившись в экран – он был включён. Строгим, чуть испуганным взглядом, атташе осмотрелся по сторонам, не забыв пройтись по стенам и потолку. Не найдя каких-либо улик проникновения в помещение, американец чуть успокоился: компьютер оставил включённым он сам, а экран зажегся из-за того, что он, перед тем как сесть в кресло, тронул стол. Этого достаточно для перехода компа из состояния ожидания в рабочий режим.

Тем не менее, уставившись в монитор, он тут же вскочил, нажал селекторное устройство и прорычал в него:

– У нас взлом! Все сюда!

Кацэ и Алиса всё это время внимательно наблюдали за

цэрэушником.

– Как он узнал?

– Как-как? Тут любой зрячий профан догадается. Сюда посмотри!

Кирилл указал на соседний монитор, где транслировалось улучшенное программой видео, отражённое в стекле портрета первого президента США. На картинке был хорошо виден монитор атташе. На экране мигала жирная красная надпись «Несанкционированное проникновение!»

– Зараза! Везде у них примочки запрятаны. Ну, ничего, дело сделано, – Кирилл довольно ухмыльнулся и благосклонно посмотрел на девушку: – А ты молодец – глазастая! Я так долго пытался найти лазейки, даже программ кучу написал. Вот, к примеру, видишь, как чётко читается это аларм-сообщение? На самом же деле мы видим картинку только после того, как она отразилась от стекла, попала в глаз мухи, а уже затем транслировалась сюда, к нам. Я, с помощью этой лазейки, без труда могу считывать всё прямо с экрана его монитора. Но этот боров такой здоровый! Он садится за комп и закрывает весь обзор. И только когда встаёт, я могу слизать всё, что там написано. Но это бывает редко.

– И что они сейчас будут делать? – поинтересовалась Андреева, имея ввиду сотрудников посольства.

– Ловить мух, – ухмыльнулся Кацэ. – Но мы нашу девочку в обиду не дадим. Так, муха, даём вводную твоему поведению: – Кирилл моментально выбил своими худыми паль-

цами комбинацию знаков на клавиатуре, и уставился в другой монитор, на котором запестрела непонятная девушке информация. Компьютерный гений выбрал необходимый ему вариант и клацнул клавишей «Enter»: – Готово. Пусть теперь ищут. Она убралась вглубь системы вентиляции подальше от места своей работы и отключилась, – улыбнувшись непониманию, проявившемуся на лице девушки, пояснил: – Под местом её работы я имею ввиду вентиляционную решётку, за которой она сидит. Теперь, как только они прекратят свой беспредел, она включится и словно радистка Кэт выйдет с нами на связь, чтобы слить всю скачанную информацию.

Алиса так и не узнала, что за «беспредел» творят подчинённые атташе по культуре. Экран монитора уже не принимал сигнал мухи. Трансляция из кабинета прекратилась. Но если бы она спросила, Кацэ долго бы рассказывал о разных способах по выявлению шпионской мухи, которые применяют наши оппоненты. Хорошо, что не спросила. Забивать голову кучей ненужных терминов ни к чему. Для этого достаточно одной гениальной головы Кирилла Целовальникова.

Алиса не спросила, а Кирилл предложил:

– Сегодня у нас большой праздник. У тебя кофе в чашке остался? Давай чокнемся, – он поднял руку вверх. Пока она тянулась за своей чашкой, Кацэ добавил: – С меня ещё одна турка. Да что там «турка» – всё кофе, – он тут же решительно крутанул головой: – Впрочем, нет, забирай всю коробку.

Глава шестьдесят пятая

20 апреля

Сочи

Штурм назначаю на пять утра

До Сочи Ярослав добрался достаточно быстро, а на его улицах застрял. Застрял капитально. В городе творилось невообразимое. И дело даже не в том, что город забит эвакуированными. На улицах шли непрерывные демонстрации. Здесь студенты выдвигали требования о снижении платы за учёбу и введению повсеместно достойных стипендий. Там домохозяйки отчаянно долбали половниками по кастрюлям, требуя отмены карточек и норм отпуска хлеба. Во многих местах улицу перекрыли водители такси, не желая проходить обязательный техосмотр. На улицу вышли все, требуя всё. Попав в водоворот одной из демонстраций, Шелихов чуть не оказался в автозаке. Это футбольные болельщики, неизвестно что требующие, затеяли массовую драку с бойцами ОМОНа. Один из полицейских без разбора вломил изобретателю «Прометей» резиновой палкой по спине. Двое его коллег ловко подхватили парня под локотки и потащили в автобус, стёкла которого были защищены металлическими

решётками. Ярослав ещё не знал, что в стране начались перемены. Всем уже объявили – король умер, да здравствует король! Но тут же внезапно появились противники новой-старой власти. Ещё накануне вечером «независимые» СМИ растиражировали коллективное письмо, подписанное известными учёными, писателями, актёрами. В нём они призывали старую власть добровольно уйти с политической арены. Её они обвиняли во всех грехах и трагедиях страны. Подписанты призвали сформировать временное правительство национального единства, в которое войдут самые известные и заслуженные люди, не представляющие действующую власть. А уже затем провести истинно независимые и демократические выборы президента. Чуть позже по поводу ситуации в России высказались все мировые лидеры. Они призвали российские власти прекратить террор против мирных демонстрантов и отказаться от политики тоталитаризма. На ток-шоу в эфире телевизионных и интернет-каналов бурно обсуждались перспективы новой независимой демократической России. Везде витал практически один и тот же вывод: стране нужны срочные перемены. По мнению большинства ораторов правительство бывшего министра обороны, ныне исполняющего обязанности президента, способно только на одно – столкнуть остатки страны в пропасть. Кое-где звучали старые лозунги: «Запад нам поможет – не может не помочь», «Россия – европейская держава», «Свобода и демократия – идеал любого общества», «Требуем освобо-

дить политических заключённых». Ярослав ещё не знал, что перед зданием Государственной Думы собралась огромная толпа, которая объявила стихийный митинг действующим до тех пор, пока старая власть не уйдут в отставку. Они разбили палаточный лагерь и перекрыли Курортный проспект. Кругом пестрели сотни однотипных плакатов, неизвестно кем изготовленных: «Мы ждём перемен!», «Долой правительство казнокрадов!», «Мы сами будем строить своё будущее!», «Дальше действовать будем мы!» Всюду горели наваленные горой покрывки. Смерд и копоть моментально перекрасили оставшийся на улицах снег в траурный цвет. Волонтёры в одинаковых накидках разносили бесплатные бутерброды и воду. Школьники и студенты, обнявшись за плечи, исполняли танец дикарей. Они скакали толпой, выкрикивая: «Кто не с нами – тот дурак!»

Футбольные болельщики отбили Шелихова у омоновцев и повалили набок автозак. С трудом выбравшись из толпы, пробок и передрыг, Ярослав наконец добрался до адреса, указанного Владом. На КПП первым делом его попросили предъявить паспорт. Помня наставления подполковника, Шелихов отказался исполнять эту просьбу.

– Мне запрещено показывать документы, – наивно объяснял он свой отказ. – Вы позвоните генералу и дайте мне трубку. Я ему сам всё объясню.

– Или предъявите паспорт, или покиньте помещение, – дежурный был непреклонен.

В это время в будку проходной зашёл высокий подтянутый полковник. Он приложил ладонь к сканирующему устройству и уже был готов пройти через открывшийся турникет, но, прислушавшись к разговору, замер:

– лейтенант, что тут у вас?

– Да, вот, пытается без документов пройти, – указал на Ярослава постовой.

Старший офицер подошёл вплотную и представился Шелихову:

– Полковник Нутрецов. С кем имею честь?

Ярослав замаялся, но всё же не стал называть свою фамилию:

– Мне к генералу надо.

– К Калачову? – по-доброму поинтересовался полковник.

– Да, к нему.

Нутрецов улыбнулся:

– Хорошо, что вы на меня попали. Так просто вас бы не пропустили, – он развернулся к стоявшему на вахте офицеру: – лейтенант, генерал Калачов в здании?

– Никак нет, товарищ полковник. Он уехал сорок минут назад.

Нутрецов кивнул в ответ и, взяв Шелихова за локоть, отвёл его в сторону:

– Я отвезу вас к генералу. Мне как раз в ту сторону ехать. Пройдёмте, – он указал на дверь, через которую Ярослав сюда попал.

Они вышли на улицу. И надо же было как раз в это время к КПП подъехать автомобилю Калачова! Нутрецов как-то сразу скукожился и попытался свернуть с тротуара в сторону, увлекая за собой Ярослава. Видимо, генерал засёк этот странный маневр. Автомобиль тормознул, и командор изрёк:

– Владимир Артурович! – видя, что подчинённый предпочёл прикинуться глухим, Калачов басовито рявкнул: – Полковник Нутрецов! Ко-о-о мне! – а сам вышел из машины.

Что делать – приказ есть приказ. Нутрецов оставил Шелихова и подскочил к авто, отдав честь:

– Слушаю, товарищ генерал.

– Куда это ты собрался? Через пятнадцать минут летучка.

– Я помню. Через десять минут вернусь.

Генерал кивнул, но не сдвинулся с места. Он беспардонно отодвинул фигуру полковника, закрывающую вид на Шелихова:

– Кто это с тобой?

– Это? Э-э-э, это мой информатор. Тайный. Не хочу засвечивать зря.

– Раз не хочешь, зачем сюда притащил?

– Это не я. Это его инициатива. Поэтому и увожу с глаз долой. Я сейчас – переговорю коротко и вернусь.

Полковник готов был идти. Но генерал решил по-другому:

– Зови его сюда.

– Это мой личный, секретный информатор.

– Можешь не распяляться и ничего не объяснять. Я его

сразу узнал. Поэтому и тормознул. Хотя нет, решим по-другому. Ты возвращайся в контору. Я сам его отвезу куда надо. Чего стоим? – Калачов вновь употребил командный голос: – Кру-у-угом! Шагом марш!

Деваться некуда, иерархию в спецслужбах никто не отменял. И не отменит никогда. Нутрецову пришлось ретироваться.

Генерал подошёл к Ярославу и показал своё голографическое удостоверение. После чего приобнял изобретателя:

– Рад встрече, родной. Хорошо, что ты теперь с нами.

Он тут же сделал звонок:

– Лиза, это Калачов. Никому ничего не говори и срочно выходи на улицу. Я жду тебя за КПП.

Пока Юшкевич выходила, генерал успел кратко расспросить Шелихова. Поэтому, когда Лиза появилась, он уже всё распланировал.

– Елизавета Егоровна Юшкевич, – представил он изобретателю свою помощницу. – А это тот, кого мы так долго искали, – она всё поняла и кивнула. Калачов продолжил: – Я тебе поручал подыскать две явочные квартиры.

– Есть три. Но они не оплачены. Я внесла задаток с карточки своей сестры.

– Молодец, всё правильно. Мы не будем задействовать официальные счета организации. Оплатишь со счёта, зашитого здесь – он протянул Юшкевич голофон Ахтарова.

Лиза взяла его в руки, внимательно посмотрела на знако-

мый гаджет и перевела взволнованный взгляд на командора. Но не успела ничего сказать.

– Лиза, я не знаю. Не знаю. Я прямо сейчас полечу за Владом. А ты займёшься Ярославом. Никто, повторяю – никто кроме нас двоих не должен знать, где ты его спрятала. И готовь план освобождения остальных учёных. На голофоне записаны координаты. Помощник атташе слил эту информацию Владу. Адрес, вычисленный Кириллом, подтвердился. Сейчас три часа дня. Надеюсь, к десяти я уже вернусь. Штурм назначаю на пять утра. Подумай, кого привлечь к проведению операции. Всё, давай милая, я на тебя надеюсь.

Генерал улыбнулся и впервые позволил себе тактильную фамильярность, дотронувшись до локтя подчинённой.

Глава шестьдесят шестая

20 апреля

Сочи

Если муха поможет...

На улицах города властвовал хаос. Полиция разбежалась. Омон сконцентрировался вокруг президентской резиденции. Уже стало предельно ясно, что мимолётному правлению Калинина пришёл конец. Кругом горели костры, всюду слышался звон разбитых витрин. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Собственно, не только «русский». Мародёры не имеют национальности. Власть в городе перешла к толпам молодых людей, вооружённых металлическими прутьями и ножами. Во многих районах города кровь лилась рекой. Горели жилые дома, магазины и рестораны. Но никто их не тушил. МЧС бездействовала. Правительство США и Евросоюза выказали озабоченность жестокими полицейскими мерами по разгону мирных демонстрантов и призвали правительство России соблюдать права сексуальных меньшинств. На сооружённой перед Государственной Думой монументальной трибуне непрерывно выступали неутомимые ораторы. Они призывали идти на штурм прези-

дентской резиденции. Огромная толпа бурно реагировала на эти призывы. Но никто сквер у Морского вокзала пока не покидал. Видимо, для этого ещё не было внешней команды.

Время подкрадывалось к полуночи, когда над крышей Особого управления стратегических операций завис вертолёт. Все уже знали, что командор везёт тело Ахтарова.

Прощание с погибшим проходило в актовом зале. Лиза по звонку генерала подсуетилась и приготовила не только гроб, но также венки и фото Влада с траурной ленточкой. Несмотря на позднее время, для прощания с подполковником выстроилась целая очередь. Ахтарова в конторе уважали. Уважали за его принципиальность и бескорыстие, за мужество и верность, за человечность и доброжелательность.

Когда народ схлынул, возле гроба остались только командор, Лиза, Алиса и Кирилл. Лиза разжала прикушенную губу, вздохнула и пробормотала:

– Утром я привезу все твои награды. Извини, сегодня не успела.

Больше никто ничего не сказал. К чему слова?

Чтобы информация о штурме конспиративной квартиры не вышла за пределы доверительного круга, генерал принял решение провести акцию исключительно силами актива.

– Я не понял, – удивился Кацэ, – Алиса и Лиза будут штурмовать укреплённую крепость, где каждый метр внешнего радиуса пристрелен, а каждая дверь внутри здания замини-

рована?

– Да, так и будет. Я пойду первым, девчонки за мной.

– Но там же пять человек. Пять!

– А ты у нас на что?

– Я тоже пойду? – Кацэ чуть не поперхнулся. – Может, лучше парочку проверенных ребят из группы быстрого реагирования привлечь? Митя и Марат давно с нами работают.

– Не получится. Они хоть и хорошие ребята, но подневольные. Без приказа не имеют права и шага ступить. А раз так, то информация разойдётся и провал акции будет гарантирован. А ты, естественно, не пойдёшь. Ты наши глаза и уши. Не вслепую же нам ломиться.

– Слушай, командор, давай я хотя бы муху перегоню из посольства. Сможем заранее увидеть, что там внутри.

– Отличная идея. Если есть такая возможность – действуй. Мобильный штаб, я думаю, мы установим здесь, вот в этом аппендиксе Виноградской улицы, – генерал ткнул лазерным указателем в точку на голографической карте Нового Сочи. – Этот аппендикс расположен выше, чем тот участок переулка Рахманинова, на котором стоит интересующий нас объект. За бетонным забором они нас не запеленгуют. Да уж, любят в России монументальные ограждения. Вдобавок, отсюда можно спуститься вот по этой козьей тропе прямо к задкам конспиративной квартиры.

Юшкевич всё это время недовольно мотала головой.

– Что тебе не нравится? – обратился к ней командор.

– Мне всё не нравится, – отрезала Лиза. Но поймав на себе взгляд Кацэ, поправилась: – За исключением мухи.

– Объяснись, – Калачов был спокоен. Раз Юшкевич так говорит, значит, у неё есть на это свой резон.

Лиза пояснила:

– Ещё недели не прошло с нападения в Ростове, – она на секунду зависла, подсчитывая дни. – Вернее всего пять дней, как вы получили перелом руки и рёбер. Про сотрясение я уже и не говорю. Куда вы со своей лангеткой? Чего смеяться?

Командор парировал:

– Другого выхода нет. Привлечь мы никого не можем. Если привлечём – нас обязательно сольют, и будет полный провал. Вы что, вдвоём пойдёте? Две девочки? И не надо мне говорить о гендерном равенстве. Ты не в Лондоне и не в Париже. К тому же, если муха чётко всё нам покажет, то...

Лиза перебила начальника:

– Если муха всё покажет, то мы и вдвоём с Алисой легко справимся.

– Как?

– Я же говорю – легко.

После долгих споров к действию приняли план Елизаветы Егоровны...

Глава шестьдесят седьмая

21 апреля

Сочи

Моя фамилия Шелихов

Для начала надо было запустить в дом муху...

В три часа ночи в узком переулке у ворот американской явочной квартиры тормознуло такси. Задняя дверь открылась и из него выбралось «нечто». Нечто, с избытком раскрашенное вызывающим макияжем и одетое в просторный генеральский китель. Одного погона на мундире не было, чтобы форма не считалась официальной. Зато в свете луны на его лацканах поблёскивали многочисленные броши и значки. Это была Алиса. Трудно было подобрать за короткое время прикид, соответствующий наряду женщины низкой социальной ответственности. Поэтому в дело пошёл китель командора. Он был размеров на «цать» больше, чем привычный Алисин размер, из-за чего его подол даже немного прикрывал колени, обтянутые ярким с аппликациями капроном. Судя по всему, под кителем у девушки ничего не было. Возможно, что-то и было. Возможно. Но отвороты этого импровизированного прикида очень вызывающе открывали её

упругую грудь. Когда Алиса предстала в новом наряде перед коллегами, несчастный Кирилл едва не окосел, отводя глаза во все стороны сразу. Но они самопроизвольно возвращались в исходную точку. Вихляясь на непривычно высоких каблуках, капитан Андреева доплелась до переговорного устройства и нагло «даванула» кнопку вызова. Она её не отпускала до тех пор, пока дежурный охранник самолично не притащил свою сонную задницу к калитке. Он зло устался на непрошенную гостью:

– Совсем обурела? Кнопку сломаешь. Чего надо?

Алиса равнодушно выдула сквозь жирно покрашенные губы пузырь из жевательной резинки. Пузырь лопнул. Девушка причмокнула и медленно собрала брызги жвачки обратно в рот. Только после этого требовательно произнесла:

– Чего стоим? Давай, давай, впускай!

– Куда?

– Совсем что ли? – прогнусавила она с характерной интонацией падшей женщины. – Я уже вся замёрзла. – И совсем погрузившись в роль, Алиса схватила его руку и сунула её себе за пазуху: – Чувствуешь, какая холодная? Чувствуешь?

Охранник вырвал руку. Его начали мучить противоположные чувства: долг охранника и желание мужчины. Чуть понизив агрессию в голосе, он проглотил застрявший ком и спросил:

– Красавица, тебя кто прислал?

– Я не знаю, ты разве не звонил? – она жеманно захихи-

кала и постаралась прижаться к секьюрити всем телом.

– Нет, не звонил, – у мужика даже голос сел от обилия женских прелестей и близости её дыхания.

– Я почему должна мёрзнуть на улице? У меня нет тёплой одежды под пиджаком. Не веришь? – девушка игриво растегнула верхнюю пуговицу.

Боец застыл в ожидании. Алиса легонько шлёпнула наращённым ноготком по его носу и расплылась в развязной улыбке:

– Не-е-ет, знаю я вас, хм... Деньги вперед.

В рации секьюрити прохрипел чей-то голос:

– Кто там у тебя?

Он сразу взбодрился и чётко ответил:

– Выясняю, – и тут же переключился на гостью: – Ты ошиблась адресом, красавица.

Охранник сделал шаг назад и постарался захлопнуть калитку. Но девушка выставила ногу, не давая ей закрыться:

– За ложный вызов плати и можешь катиться ко всем чертям.

Секьюрити грубо оттолкнул её и, не сказав ни слова, затворил дверь.

Алиса для проформы попинала «закрывшийся портал» и пару раз крикнув: «Козёл! Ты мне за это заплатишь», потащилась к машине.

Здесь её начал колотить озноб. Сидевшая за рулём Лиза спросила:

– Замёрзла?

Алиса, сжавшись в комок, активно помотала головой:

– Нет, но очень противно.

Юшкевич не стала расспрашивать. Она уже развернула автомобиль и на ходу задала вопрос в микрофон:

– Запустил?

В ответ раздался голос Кацэ:

– А как же!

К основной операции приступили после того, как муха облетела все доступные помещения и выяснила обстановку.

Теперь к калитке конспиративной квартиры девушки подошли вдвоём. Обладательница генеральского мундира опять до упора нажала кнопку вызова, не давая охраннику ответить дистанционно. Пришлось ему вновь идти к калитке. На этот раз он пришёл изрядно разозлённым:

– Это опять ты, сучка!

Он размахнулся для удара, но Лиза ловко перехватила его руку и провела болевой приём. Алисе оставалось только приложить к его шее электрошокер. Девушки впорхнули во двор. На Алисе уже не было красивых туфель на высоком каблуке. Их заменили удобные кроссовки. Амазонки Калачова приготовили электрошоковые пистолеты и нацепили на глаза очки ночного видения.

Генерал,двигающийся в арьергарде, ловко вывернул за спину руки обезвреженного «девчонками» противника и

прицепил их наручниками к воротам. А рот заклеил скотчем. И тут же дал команду Кириллу:

– Гаси электричество и связь. Мы двигаемся. Девушки уже во дворе.

– Я всё вижу. В доме тихо. Никто ничего не прочухал.

– Слушай-ка, вызови на всякий случай спецназ и скорую. Теперь уже можно. Скажи, что на опергруппу напали неизвестные.

Стоило Алисе с Лизой зайти в дом, как где-то неподалёку раздался мощный взрыв, поддержанный многоголосым хором подвыпивших громил. Автомобильные сигнализации хором запели мелодию всеобщего страха. Кацэ сразу внёс поправку:

– Движение за второй дверью справа.

Амазонки распластались по стене коридора. Дверь распахнулась, и на пороге нарисовался бугай. Он ничего не подозревал, потягиваясь и хлопая в ладоши. В ладоши он хлопал, пытаясь включить свет. Но его аплодисменты прозвучали впустую – здание было обесточено Целовальниковым. От шокера Алисы он только возбудился, от выстрела из шокового пистолета Лизы присел на колени, но тут же рухнул на пол. Это подоспел со своим шокером Калачов. Наручники, кляп – всё как положено. А «девочки» уже стояли возле следующей двери. Ещё двоих они обезвредили без шума и пыли прямо в постели. Небольшая заминка получилась с пятым. Он видимо обладал незаурядным чутьём и затаился

с пистолетом за дверь своей комнаты. Алиса получила удар прикладом по голове, а в Лизу он выстрелил. Хорошо, что не попал. Пуля прошла по касательной, слегка ободрав плечо. Два выстрела генерала успокоили стрелка навсегда.

Но тут началась настоящая война. Оказалось, что в доме не пять человек, а все двадцать. Янки, словно тараканы, полезли из всех дверей и щелей. Нет ничего хуже плохо подготовленной операции. Так подумал генерал. Сведения помощника атташе оказались ложными. Количество американских агентов не совпало даже приблизительно. Пришлось ретироваться. Здесь и пригодились боевые навыки генерала. Он реагировал быстрее своих амазонок. Только благодаря его снайперским способностям они выбрались из дома без потерь. И что дальше?

Дальше, слава богу, вовремя подоспел спецназ. Бойцы элитного подразделения ФСБ ловко забросали дымовыми и световыми гранатами внутреннее пространство здания и ворвались внутрь. Минуты три велась активная перестрелка, а затем всё стихло.

Из валившего наружу дыма спецназовцы выводили пригнутых к земле пленников. Пригодилась и скорая. Два фээсбэшника получили ранения.

Наконец на крыльцо вышел командир спецназа. Калачов его хорошо знал:

– Привет, Вадим! Нам уже можно работать?

– Да, Геннадий Васильевич, ваш выход. Вернее, вход, – он

указал рукой на дверь.

В коридоре рядок к рядку лежало пятнадцать трупов. Хорошо намолотили. Из-за угла выскочил молодой боец. Увидев Калачова, он махнул ему рукой, зазывая за собой.

В подвале, куда они спустились, было мрачно и холодно. Здесь пара ребят трудилась над освобождением пленников. Их было двое. И один из них был совсем плох. Калачов присел рядом с ним, пощупал пульс, поднял веко и обратился к Юшкевич:

– Это Бузмаков. Бери этих бойцов, – он кивнул в сторону спецназовцев, – и несите его в скорую. Только поторопись, а то она уедет.

Лиза поспешила выполнить приказ, а командор продолжил напутствовать:

– И сопроводите его до самой больницы. На улицах творится чёрте что. Позвонишь с места, доложишь. Этого парня нам нельзя потерять.

Когда Бузмакова унесли, генерал помог встать второму пленнику. Он был молод, упитан и к нему явно не применялись методы устрашения.

– Кто ты? И как здесь оказался?

Парень потёр затёкшие запястья, качнул головой и обаятельно улыбнулся:

– Спасибо вам, что вовремя подоспели. Моя фамилия Шелихов. Не пойму, за что меня эти уроды схватили.

– Ничего, ничего, – генерал по-отечески похлопал плен-

ника по плечу, – всё будет хорошо. Идём.

Навстречу выпорхнула Алиса:

– Обыскали всё. Её нигде нет.

– Ясно, – командор повернулся к спутнику. – Ты, случайно не знаешь где твоя соратница?

– Кузнецова? Понятия не имею.

Они вышли из дома. От неотложки уже и след простыл, а автозак стоял и ждал команды.

– Вадим, – обратился генерал к командиру спецназа, – всех вези к нам. Этого тоже пакуй, – он подтолкнул спутника в спину. – Обыскать не забудь.

Глава шестьдесят восьмая

21 апреля

Сочи

Американский проект

Управление располагалось на задворках Сочи на тихой курортной улице в здании старого советского санатория. Тем не менее, даже сюда добраться было сложно. Сложно было добраться до любой точки города. Поэтому движение на улицах практически прекратилось. Ехать в такой обстановке – значит подвергать свою жизнь опасности. Это не просто слова. Караван автомобилей, возглавляемый мощным броневиком, на большой скорости прорывался к месту своего назначения. Прорывался сквозь толпы, рукотворные баррикады, пылающие костры из покрышек, мебели, дверей и заборов. Прорывался сквозь всеобщую ненависть и агрессию. Со всех сторон в караван летели булыжники, палки, а иногда и бутылки с зажигательной смесью. Пулемёт, установленный в башне броневика, работал практически без остановки, разгоняя струями резиновых пуль тех, кто пытался мешать движению каравана. Остановка означала смерть.

Алиса пристроилась в хвост броневика и лихо петляла

между препятствиями, возникающими на пути. «Хорошо водит, – отметил про себя командор, – ловко». Он сидел на пассажирском сидении и взирал на то, что творилось за окном. Господи, как легко люди превращаются в толпу. Ещё вчера они были служащими, рабочими, студентами. А сегодня – это стаи зомби, с горящими от животного восторга глазами и руками, творящими непоправимое зло. Как это легко, как это быстро, как это просто происходит. Метаморфоза. Дьявольская метаморфоза. У каждого из них своя голова на плечах, но вместе – это пластилиновый мозг кофлы. Из него можно лепить, всё что угодно. Главное приложить свои пальчики. Для лепки есть множество точек приложения: культура, история, реальные трудности, зависть к тому, кто живёт лучше. Это всегда было, есть и будет. К примеру, было когда-то одно племя. Все они родственники, любящие друг друга и помогающие друг другу. У них одна история, общий быт и вектор выживания. Время прошло, племя нашло усовершенствованный способ пропитания — земледелие, к примеру, или кочевое скотоводство. После этого племя стало размножаться и превратилось в народ. Кто они? Враги? Нет, родственники, имеющие общий язык и общих предков. Но годы идут, сменяются столетия и стараниями другого народа, этот народ делится на несколько частей. Обособившись, язык их постепенно разделяется. Хотя они по-прежнему понимают друг друга. Кто они? Они родственники, имеющие общего предка. И вот проходит какое-то время и эти оскол-

ки народа, рождённые общим предком, уже забывают о родстве, не обращают внимания, что у них общий корень языка. Они ненавидят друг друга и во всех бедах винят не тех, кто их разделил и долгое время ими правил, а своих генетических братьев. Что это? Почему? Это и есть древний принцип в действии: разделяй и властвуй. Звучит цинично, но это истина. Чужак пришёл, убил твоего брата, изнасиловал твою невесту, запретил тебе жениться, оплодотворил всех твоих соплеменниц. Но через какое-то время, он переписал историю и обвинил во всех этих преступлениях твоего родственника. Всё это не раз происходило раньше и происходит сейчас, хотя многие этого не видят. Или не хотят видеть? Не хотят выделяться из общей массы оболваненных. Я, как все. Не лучше, не хуже. Не хотят видеть простую истину: ты игрушка «в чьих-то ловких и натруженных руках». Весь парадокс в том, что ты ненавидишь своего собрата. И вполне искренне считаешь, что это именно он чужой, неправильный и вообще он сам напросился. А к потомкам насильника пытаешься при этом примазаться, скромно называя себя европейцем. Выворот мозга. Точно такой же выворот мозга мы наблюдаем сейчас. На другом уровне и в других плоскостях. Но точно такой же. Разделяй и властвуй. Принцип тот же, методы другие. Методы, скрытые методы, хорошо закамуфлированные методы. Методы, когда не видно циничного оскала насильника...

... После бессонной ночи надо бы и отдохнуть. Но никто не стал проситься домой. Все понимали, что именно сейчас самое ответственное время. Возможно, самое главное в жизни.

Генерал, попивая чаёк, размышлял о событиях, происходящих сейчас в стране. Дни Калинина предрешены. Это ясно, как дважды два. Из этого можно предположить, что не он является ставленником Америки. И версия, связывающая Паганини с итальянскими корнями Калинина, летит в тар-тарары. Рука американцев явно высвечивается там, за окном. Легко угадывается их почерк. Вбросить лозунги, вывести людей на улицу – не проблема. Деньги для этого у них есть. Много денег. Печатный станок работает на пределе. С помощью денег легко устроить хаос. Хаос мутной воды, из которой затем легко можно выдернуть рыбку, заранее подсаженную на крючок. Нет, не Калинин. То, что творится в стране – их почерк. Чувствуется рука опытного дирижёра. В увертюре в сети для затравки формируется какое-либо частное требование молодёжи. Например, разрешить употребление ненормативной лексики в интернете, в кино и на телевидении. И далее по нарастающей: заменить тех-то, наказать того-то, убрать цензуру, запретить пропаганду и т.д. и т.п. Ближе к апофеозу частные требования превращаются в общие: привлечь к ответственности всех продажных правителей – а это значит всех бывших. В ваши выборы мы не верим и не поверим никогда – это манипуляция. Надо всё по-

менять. А для начала выбрать нового лидера нации: шёлкового, неподкупного, умного и не имеющего отношения к старой власти.

Да... чувствую, скоро все узнают его имя. Настоящее имя «шёлкового и неподкупного». Истинное имя Паганини.

Генерал включил головизор. Везде то же самое, что и в интернете – трансляция с митинга у Государственной Думы. Напрягая брови для иллюзии мудрого взгляда и встав в позу бунтаря, дядечка с бегающими глазками вещал:

– Политики привели нас к этому кризису. Они не имеют права руководить нами. Они полностью дискредитировали себя. Всех нас, если ничего не предпринимать, ждёт скорая смерть. Только сообща мы можем спастись. Сейчас, когда вся планета стоит перед климатической катастрофой, во главе нации надо поставить не просто опытного политика. Не просто того, кому можно довериться. Не просто известную всем своими хорошими делами личность. Надо поставить человека, который обладал бы умом большого учёного. Великого учёного. Учёного, владеющего знаниями и интуицией. Мне хорошо известны многие учёные. Известны не понаслышке. Известны хорошо, поверьте на слово. И я знаю, кто нам нужен. Самый достойный из достойных – это Соболевский, – толпа восприняла это имя, как повод для великого ликования. Успокоив аудиторию, дядечка продолжал: – Только академик Соболевский способен нас спасти! Мало того, он знает, как нас спасти! Соболевский – Ной 21 века.

Я со спокойной душой сяду в его ковчег. И сяду не один, сяду со своей семьёй и со своими друзьями. Я доверяю Соболевскому, как самому себе. Выходите на улицу, поддержите Соболевского! Этим вы спасёте себя, своих родственников и своих друзей. Этим вы спасёте Россию...

Соболевский? Хм, всё может быть...

Чаепитие командора прервала троица его подчинённых.

– Извините, что без стука, – Лиза тут же доложила исполнение приказа: – Бузмакова я сдала в НИИ Склифосовского. Очень плох. Его ввели в искусственную кому. Но мы здесь по другому делу. Давай, Кирилл, рассказывай.

– Командор, мне вчера... – Кацэ осёкся, покосившись в сторону Алисы. – Мне и Алисе вчера удалось хакнуть комп атташе. Я на досуге пролистал материалы. Много чего интересного. Но особо хотел указать вот на это, – он вывел голографическое изображение отсканированных листов.

Это был проект, который Бузмаков оставил в своём «химическом» институте. Генерал задумался.

Хм, проект уже у американцев. Почему-то я не удивлён. Интересно. Интересно, интересно... Как он к ним попал? Я его отдал лично в руки Джужомы. До этого момента его никто не мог скопировать. Интересно. Джужома – предатель? Предположим. Но в таком случае для чего он давал мне задание найти Паганини? Зачем? Если он американский шпион – это ему ни к чему. Джужома не может быть американским шпионом. Китайским? И китайским не может. Проект,

который я передал лично в его руки, всплыл у американского атташе, а не у китайского. Круг замкнулся. Это означает, что явных поводов для обвинения Джужомы в работе на ЦРУ нет. Хотя, давая задание найти Паганини, он мог таким образом попытаться завуалировать свою деятельность. Но и в таком предположении мало смысла. Зачем? Для чего? Непонятно. Хорошо, если не Джужома, тогда кто передал проект?

– Ладно, будем разбираться. Но сначала поговорим с Грязновым.

– Это кто? – удивилась Алиса.

– Это тот, кого мы нашли в подвале вместе с Бузмаковым...

... Алексей отнекивался недолго. Генерал ему рассказал, что настоящий Шелихов жив, здоров и находится под его опекой. Ещё генерал заявил, что ему известно про приезд Грязнова с американцами в хутор Смородинский.

– Это ты хорошо придумал приковать себя наручниками в подвале. Вот только от голофона надо было избавиться, – Калачов вытащил из своего стола Лёхин гаджет. – Это ты маху дал. Не бывает пленных и с наручниками на руках, и с телефоном в кармане. К тому же на твоём аппарате очень много интересного. В том числе контакты с американцами, англичанами, израильтянами и даже китайцами. Продаёшься оптом и в розницу?

Грязнов уставился в стол и молчал. Отпираться было бес-

полезно.

– Ты понимаешь, что ты уже не попадешь ни в Майами, ни в Алжир, ни в Нанкин. Даже не сможешь вернуться в приятный климат Индонезии. В лучшем случае, будешь работать на пользу государства где-нибудь на Камчатке. И то сомневаюсь, – видя, что угрозы действуют, Калачов предложил: – Ты на всех успел поработать. Пора отдать долг Родине. Чего молчишь? Что ты там шепчешь? Громче!

– Я согласен, – Грязнов выглядел жалким. Он был подавлен и испуган.

– Раз согласен, говори, как на духу, куда подевалась Кузнецова?

– Она сбежала...

– Врёшь.

Лёшка поднял взгляд на генерала и завертел головой:

– Не вру. У неё был ошейник со взрывчаткой. Ей дали возможность перемещаться по дому. Но Мара всё же смылась. Как-то смогла отключить взрывное устройство. Никто не поймёт, как.

– Хорошо. Тогда ещё один вопрос. Знаешь того, кого американцы двигают в наши президенты?

– Да, знаю.

Калачов даже оживился:

– Кто он?

– Его зовут Паганини.

– А настоящее имя?

Грязнов затряс головой:

– Этого я не знаю и в глаза его не видел. Просто, случайно услышал разговор.

Да уж, информация так себе...

...Когда предателя увели, генерал попросил Юшкевич остаться.

– Лиза, сейчас настали очень смутные времена... – начал он издали, но тут же передумал заниматься многословием: – Короче, Джужома передал мне свою «Смертельную папку» с компроматом. Он просил воспользоваться ею только в особом случае. Я понятия не имею, что там – не смотрел пока. Даже не заглядывал. Знаешь, родная моя, – он подошёл вплотную к ней и взял её за плечо. – Мне не хочется тебя подставлять. Это чёрная метка. Если узнают, что документы Джужомы у тебя...

Юшкевич его перебила:

– Я всё понимаю, Геннадий Васильевич. Давайте.

Калачов разжал руку и вложил микрофлешку в тёплую ладонь Лизы. Затем не удержался и поцеловал её в щёку:

– Береги себя.

Глава шестьдесят девятая

21 апреля

Сочи

**Ты мой друг, но
судьба страны дороже**

Итак, проект, который лежал в сейфе Игоря Артёмовича, волшебным образом оказался скопирован, и копия эта попала в руки наших друзей из ЦРУ. Ладно, узнать об этом можно только из первых рук. Вчера я с Джужомой не встретился, некогда было. Но он и не звонил. Я давно подозревал, что в руководстве нашей конторы предатель. Высокопоставленный предатель. Кто? Джужома, Проскурин или Гаков? Проскурин человек Калинина. Судя по последним событиям, Калинин не является протеже американцев. А иначе, зачем бы им его скидывать? Из этого следует, что и Проскурин не их человек. Или же, он хочет подсидеть свояка, который не в курсе его тёплых отношений с ЦРУ. Нет, опять не вяжется. Если бы Проскурин был их человеком, он в настоящих обстоятельствах вполне мог прийти к власти, благодаря влиянию на Калинина. Либо, оставаясь в тени свое-

го родственника-сестролюбца, мог продвигать поставленные американцами задачи кулуарно. Не похоже, чтобы это был Проскурин. Слишком откровенно и напористо наши противники хотят сменить существующую российскую власть. Она их совершенно не устраивает. Это означает, что в команде Калинина нет американских протезе. Остаётся Гаков. Нет, Глеба я давно знаю. Он не может быть предателем. Если бы он был таковым, то никогда не вызволил бы меня из опалы. И для чего вызволил? Для того, чтобы я нашёл «Прометей» быстрее янки. Нет, только не Гаков. И что получается? Получается тупик. М-да... Но кто-то из них точно агент. Кто? Что-то мне подсказывает, что я это скоро узнаю. Совсем скоро. А пока надо спросить у Джужомы, кому он передавал красную папку.

Разделавшись с текущими делами, Калачов направился в кабинет высшего начальства. Но Игоря Артёмовича на месте не оказалось. Не было даже секретарши, которая могла подсказать, куда запропастился шеф. Странно всё это. Очень странно. Хорошо, зайдём для начала к Гакову.

Глеб Олегович был у себя в кабинете. Он сосредоточенно переключал содержимое стационарного сейфа в металлический переносной кэшбокс. Увидев старого друга, пожал ему руку и указал на кресло, по-дружески при этом похлопав по плечу:

– Наконец-то ты и ко мне заявился. Надо же, как вовремя!

А я уже сам за тобой собирался посылать.

– Глеб, я к тебе по очень серьёзному делу.

– Я так и подумал, – улыбнулся Гаков своими рыжими с проседью усами. – Слушаю.

Калачов достал флешку и вывел её данные на голографический экран.

– Это копия проекта «Прометей», – кивнул он головой на найденное изображение страниц документа.

– И что из того? Я в курсе, что ты успешно выполнил свою работу.

– Всё правильно. Я её выполнил и передал документы на хранение Джужоме.

– А копию зачем сделал? Гена, ты что? Это должностное преступление.

– Эту копию я не делал. Мы её хакнули с компьютера американского атташе по культуре.

– Того самого? – намекнул Глеб Олегович на принадлежность атташе к спецслужбам.

– Того самого. Поэтому я к тебе и пришёл. Что делать будем?

– Ничего, – Гаков хмыкнул в усы, откинулся в кресле и с интересом стал наблюдать за реакцией собеседника. Калачов сосредоточенно молчал, пытаясь понять, что может означать это «ничего». Глеб продолжил: – Мы ничего не будем делать. Джужома уже арестован.

– Уже? За что?

– За всё, – попросту сказал Гаков, наклонив голову и разведя руки. – Что мы за ним грехов не найдём? Найдём, Гена, найдём. Вот и ты нам помог в этом. Он, оказывается, на ЦРУ работал, а мы и не знали. Вот только Проскурин, падла, успел скрыться. Ничего и его поймаем. У тебя на Генриха есть что-нибудь?

Калачов уже понял: то, что происходит с ним сейчас в кабинете Гакова – это не просто разговор. Это игра. Вернее, финал игры, которую кто-то вёл и сейчас поверил, что результат уже достигнут. Джужома арестован, Проскурин сбежал, Гаков сидит, раздираемый самодовольством. Это тот самый Глеб, которого я знаю столько лет? Или его подменили?

– Ты сидишь и думаешь, тот ли я парень, что не раз тебя спасал. Тот, Гена, тот. Это я тебя тогда от тюряги отмазал. Ты мне обязан.

– Что ты хочешь, Глеб? За кого ты играешь?

– Я играю, за кого надо играю. И с тобой сейчас разговариваю по одной простой причине – ты мне не чужой. Поэтому я, лично я, даю тебе шанс.

– Какой шанс, Глебушка?

– Жизненный, какой же ещё? Разве в нашей системе бывают другие? Кому, как ни тебе об этом знать? Сидеть! Куда вскочил? Обернись!

Калачов покосился назад – за ним стояли два спецаргента в штатском: один с шокером, другой с наручниками. Хорошо вошли, черти. Очень тихо, как учили.

– И что ты хочешь от меня?

– Хм, чего хочу? – Гаков медленно размял каждый пальчик, и в конце этой процедуры всосал воздух от болевого ощущения: – Вс-а, зараза, с этой нервной работой совсем подагра одолела. Чего спрашиваешь, хочу? Хочу, чтобы ты сам, по своей воле, с этого самого момента стал честно работать на меня.

– На тебя? А ты теперь кто?

Гаков снова вздохнул и ухмыльнулся:

– Главное не то, кто теперь я. Главное то, кто у нас теперь президент. Помолчи, я скажу, когда тебе говорить. Как ты относишься к тому, если президентом нашей страны станет человек с умной головой, большой учёный, да к тому же неоднократно доказавший свою преданность стране?

– Не знаю. Звучит красиво, но как на практике – неизвестно.

– А если я тебе скажу, что этот русский Эйнштейн, не просто большой учёный. Этот новоявленный Кулибин является изобретателем панацеи, спасательного круга для всего человечества. Не буду ходить вокруг, да около – ты его знаешь.

О ком это он? Я теперь знаю только одного изобретателя «спасательного круга для всего человечества». Это Шелихов. Но не может такого быть, чтобы Глеб говорил о нём. По многим причинам не может. По всем причинам не может.

Улыбнувшись загадочной улыбкой и считав с лица гостя недоумение, Гаков продолжил:

– Я не называл его имя, потому что время ещё не настало, – он демонстративно взглянул на настенные часы. – А вот сейчас уже можно. Сейчас ты всё узнаешь в прямом эфире. Впрочем, не в таком уж и прямом. Раскрою секрет – это запись, – он хлопнул в ладоши и сразу же во всю дальнюю стену кабинета засветился голографический экран.

Первым кадром возник развивающийся триколор на куполе президентской резиденции. Зазвучал гимн России. Затем флаг сменился панорамой: камера скользила по лицам людей, стоявших в суровых сосредоточенных позах на крыльце президентского дворца. Их было пятеро. Калачов знал каждого. Слева направо: Эдуард Ларчиков, Наиля Юсупова, Арсений Соболевский, Ольга Самборская и Глеб Гаков. Самборская сделала два шага вперёд и стала говорить, обращаясь к гражданам России:

– В этот ответственный исторический момент, когда под вопросом будущее всей человеческой цивилизации, по воле злого рока наша страна осталась без рулевого. Причём дважды. Сначала, после продолжительной болезни ушёл из жизни законный президент. А вскоре скоропостижно скончался и его наследник. Конечно, до новых выборов мы могли бы подобрать достойного кандидата из среды проверенных соратников Юрия Константиновича Стрекалова. У нас в обойме много опытных руководителей, уважаемых в народе политиков... – она на секунду зависла, не сумев подобрать подходящего эпитета для характеристики достоинств членов

«обоймы». Но, решив не заклиниваться на малозначительном, перешла к существенному: – Но мы решили по-другому. Решили, думая о нашей стране, о нашем народе, вглядываясь в перспективу. «Кто нам сейчас нужен на высшем посту государственной власти?» – размышляли мы. И сами себе отвечали: – «Нам нужен человек, преданный России, заслуживший всеобщее уважение своим трудолюбием, своими талантами, своей безупречной порядочностью». И такой человек нашёлся. Это всемирно известный учёный, лауреат Нобелевской премии, президент Российской академии наук Арсений Сергеевич Соболевский. Многие считают его просто учёным. Да, Арсений Сергеевич, учёный. Но он не «просто учёный». Он светоч, не побоюсь этого громкого слова. Только узкий круг посвящённых знает, чем он занимался в это трудное для всех нас время. Скажу прямо! Он занимался спасением мира! Спасением нашего многострадального отечества! – она вошла в патетический ажиотаж и практически уже кричала лозунгами: – Его последнее величайшее открытие ни больше ни меньше кардинально изменит мир. Впрочем, об этом коротко расскажет наш новый директор Федеральной службы безопасности.

Слово перешло к Гакову:

– В настоящий момент все разведывательные структуры мира, отодвинув в сторону насущные задачи, заняты только одним делом. Они всеми правдами и неправдами пытаются заполучить так называемый «Прометей». «Прометей» – это

эпохальное открытие, значение которого невозможно переоценить. И вся Россия должна гордиться, что её автором является Арсений Сергеевич. Великий учёный, кристально чистая душа, достойный гражданин, патриот. Поэтому приходится только радоваться, что это изобретение пришло в голову нашего человека, – он сделал особое ударение на слове «нашего». – Оно пришло в его гениальную голову в очень ответственный момент. На кону стоит судьба всего мира. Быть или не быть – вот в чём вопрос. Теперь на него можно ответить однозначно уверенно – быть! Потому что «Прометей» – это не проходящее изобретение. Это изобретение на века. Скажу ещё, что столь великого открытия не было не то что давно – его не было никогда. Благодаря ему человечество само сможет выстраивать климат Земли. Да-да, теперь такое возможно. Именно поэтому, узнав об этом величайшем открытии, мы тут же единодушно предложили Соболевскому занять пост президента. Кто, если не он, должен возглавить страну, когда теперь перед ней стоит одна большая и важная сверхзадача. Эта сверхзадача звучит просто: «Необходимо в самые сжатые сроки запустить в действие этот самый «Прометей». Чем скорее мы его запустим, тем больше Россия останется в живых. Арсений Сергеевич буквально вчера вернулся с Камчатки, где он проводил последние испытания системы «Прометей». Результаты этих испытаний вызывают неистребимый оптимизм у нас и чёрную зависть проклятых конкурентов...

Гаков снова хлопнул в ладоши и повернулся к Калачову:

– Ну как тебе наш выбор?

– Никак. Любое начинание нельзя начинать с вранья. Результат будет предсказуемо плохим.

Гаков опять откинулся в кресле и укоризненно покачал головой:

– Ах, Гена, Гена... Ох уж, эти твои принципы. Это они приведут тебя к «предсказуемо плохому результату». Молчи! Последний раз спрашиваю: ты со мной или нет? Чего молчишь?

– Ответ ты знаешь.

Гаков высыпал в ладонь целую пригоршню таблеток и встал:

– Знаю, конечно, знаю, – он дошёл до кулера, стоящего у окна. Приняв лекарство, он на время завис, глядя на улицу: – Снег, наконец перешёл в дождь. А ведь когда-то в середине апреля люди прилетали в Сочи позагорать. Вот и скажи мне, дорогой мой, чего ты добиваешься? Чего? Народ не хочетдохнуть. Он схватится за любую соломинку. А тут вдруг к нему подплыл огромный ковчег, где для каждого найдётся тёплое место. А ты своим упрямством стремишься отправить этот ковчег ко дну. Молчи! Дай сказать. Ну, какая разница для народа, кто его спасёт: Соболевский или Шелихов? Шелихова он вообще не знает и в случае временных неудач с «Прометеем» порвёт и этого твоего доморощенного учёного и всех тех, кто его выдвигал. Молчи, я сказал! Неужели Со-

боловский заслуживает эту должность меньше, чем Шелихов? Он не просто большой учёный – он опытный руководитель. А Шелихов кто? Шелихов в этом деле дилетант, кухарка, желе, которое неизвестно как себя поведёт при повышении политического градуса. Давай работать вместе. Ты приведёшь к нам Шелихова, и именно он будет руководить научным внедрением своего «Прометея», но под жёстким контролем с моей стороны и со стороны такого опытного учёного, как Соболевский. Его должен кто-то контролировать. Пойми, на карту поставлено всё. Все средства пойдут на воплощение «Прометея», все ресурсы. В том числе и людские. Ну что? Я тебя убедил?

Калачов отрицательно покачал головой. Гаков вздохнул:

– Ну, нет, так нет. Жаль. Я ведь тебе только добра желаю. Вот ты спрятал своего учёного где-то, а ведь по сегодняшней ситуации – это государственное преступление. Можешь не беспокоиться, мы его найдём. И думаю, он не будет таким упрямым, как ты. А тебя я вынужден изолировать. Калачов, ты, конечно, мой друг, но судьба страны дороже.

И он кивнул агентам, стоявшим за спиной командора.

Глава семидесятая

21 апреля

Сочи

У тебя насекомые

Все ждали возвращения командора. Но он так и не появился. Зато явился Нутрецов в сопровождении большого отряда спецназовцев. Всех сотрудников ОУСО ФСБ вывели в коридоры, упёрли руками в стены и тщательно обыскали. После этого опечатали все кабинеты, а коллектив распустили по домам на неопределённое время. Только Юшкевич не отпустили. Владимир Артурович отвёз её к Гакову.

Новый начальник ФСБ долго её расспрашивал, пугал и страдал. Вопрос, собственно, был всего один: где Шелихов? Куда его спрятал Калачов? Лиза отвечала кратко: не знаю. Через час Глеб Олегович выдохся, присел на краешек стола, за которым сидела Лиза и с усмешкой на губах подвёл итог беседы:

– Ну, нет, так нет, мы и без Шелихова проект запустим. Но если ты соврала – дорого заплатишь. Всё, свободна.

Да, он её отпустил. И это было странно. Даже на детекторе не проверили. Лизу этот факт немного напряг. Но на ули-

це она не заметила слезку. Не было её и потом, когда она шла сначала по направлению к конторе, потом, передумав – по направлению к дому. Хотела опять изменить маршрут и пойти в гости к Алисе или к Целовальникову, но снова передумала и всё же пошла домой. Каково же было её удивление, когда в своей квартире Лиза обнаружила и Алису, и Кириллу. Они сидели за кухонным столом и пили чай из морковной ботвы.

Увидев её, Кацэ сразу приложил палец к губам, достал приборчик и стал им водить вдоль тела хозяйки квартиры. Затем приблизился к её уху и прошептал:

– У тебя насекомые.

Полковнику ФСБ Юшкевич не надо было объяснять, что это означает. Лиза понимающе кивнула. Всё так же шёпотом Кирилл уточнил дальнейшие действия:

– Мы их не будем уничтожать. Пусть думают, что ты дома. Один жучок у тебя в подоле жакета, второй в каблуке. Их вставили во время шмона, – Юшкевич кивнула во второй раз. Кацэ продолжил: – Переоденься, и поехали к Шелихову. Надо обмозговать, что делать дальше.

Глава семьдесят первая

22 апреля

Сочи

Либеральные реформы

Наступил новый день, и он принёс жителям страны «долгожданные» перемены. По всем СМИ круглые сутки гоняли обращение вступившего в должность Соболевского, растащив его речь на цитаты. Во-первых, он объяснил в общих чертах, что из себя представляет проект «Прометей». Во-вторых, для успешного внедрения этого проекта он сразу потребовал всенародного единения и строжайшей экономии сил и средств. Проект дорогой, бюджет его не потянет, поэтому народ должен потерпеть и перенести некоторые неудобства и недостаток средств существования. И далее он по пунктам разложил, что под этим подразумевается: заморозка пенсий и других социальных выплат, либерализация ценообразования, отказ от бесплатного образования и медицинского обеспечения. В конце этого блока, он внедрил новый лозунг: «Всё для «Прометейя»! Всё для победы над ледником!» В-третьих, Соболевский назвал идеалами новой России либерализм, демократию и права чело-

века. Идеалы сразу же были поддержаны целым блоком реформ. Президент объявил всеобщую амнистию, полную свободу вероисповедания, независимо от конфессий и сект, гендерное равенство и свободу сексуальных отношений. И под этим же соусом правительство легализовало проституцию и употребление лёгких наркотиков – «... послабления, которые народ ждал от власти веками». Так выразился президент. В четвёртых, Соболевский подчеркнул, что «по некоторым направлениям общественной жизни» он подписал ряд законов, временно ограничивающих права и свободы граждан. Среди них – «сухой закон», действия которого ограничены сроком «до полной победы над ледниковым периодом». Вторым по значимости стал закон о повышении подоходного налога до двадцати пяти процентов – «... государству очень нужны средства на программу «Прометей». Президент объявил также о введении запрета на деятельность любых партий и общественных объединений – «... в переходный период в стране должно быть единомыслие и порядок». А также запрет собраний и митингов. В столице вводился комендантский час с девяти вечера и до семи утра. Всякие передвижения по городу стали невозможными без специального QR кода. В заключение президент призвал затянуть пояса и во всём помогать новой власти.

Странно, но в стране всё же нашлись недовольные. В парке перед Морским вокзалом стали собираться люди, в основном преклонного возраста. Но вскоре сюда подтянулась ве-

реница техники. Омоновцы старательно помыли собравшихся водой, бесплатно помассировали их тщедушные тела резиновыми «массажёрами» и при помощи слезоточивого газа открыли им глаза на новую власть.

В сюжетах «из-за...» сообщалось об единодушной поддержке всех демократических реформ, проводимых новым президентом России. И осуждались незаконные действия кучки экстремистов-реваншистов. Отдельно западные лидеры приветствовали «смелый и свободный русский народ», который этим же днём организованно прошёлся гей-парадом по Курортному проспекту Сочи.

Глава семьдесят вторая

23 апреля Сочи. СИЗО На нарах

Калачов двое суток просидел в карцере изолятора временного содержания, или как его обычно называют – СИЗО, и ничего не знал ни о новой России, ни о реакции «из-за». Но на третий день его перевели в четырёхместный «номер», в котором был всего лишь один человек.

Сосед оказался видным мужиком. Рост метр девяносто, не меньше. Вес – килограммов сто. Судя по всему, ему было около тридцати пяти лет. Несмотря на внушительные габариты, его взгляд был вполне добродушным. Если бы Калачов встретил своего сокамерника на улице, то никогда бы не подумал, что перед ним рецидивист. Мало того, оба преступления были особо тяжкими – преднамеренное убийство. Генерал верил в физиономистку. Лицо человека – это энциклопедия знаний для умеющего её читать. Но в данном случае, сосед был явным исключением для этой науки. Рецидивист оказался человеком общительным. Сокамерник сразу рассказал кто он, за что сидит и каким образом совершил

оба своих преступления:

– На меня напал один урод. Я защищался и долбанул его подвернувшейся под руку бутылкой из-под шампанского. Дело было после Нового года. Приехали полицейские. Когда я убежал, он точно был жив. Да чего там – из-за удара бутылкой разве можно копыта отбросить? В кино показывают – голову потёр и дальше запрыгал. А мне впаяли 12 лет. Говорят, превышение допустимой обороны – ты его бутылкой ударил, а у него никакого оружия не обнаружено. А ничего, что он в два раза здоровее меня? – генерал с трудом представил «размерчики» жертвы рассказчика. – Это как? К тому же я никого не трогал и спокойненько топал домой. Он на меня напал, а не я. Этот громила, значит, людей грабит и ничего больше в жизни не делает! А я, выходит, преступник? Это по справедливости? Говорят, мол, у нас все равны перед законом и в данном случае – он жертва. Упырки, – сосед рассказывал эмоционально, красочно, с активной жестикуляцией. Он так разошёлся, что соскочил с нар и стал трясти руками прямо перед лицом командора: – Представляешь? И всё бы ничего, но, когда зачитывали приговор, я этого уroda в зале увидел. Сидит такая наглая рожа и лыбится. Он для маскировки паричок дурацкий напялил и очки нацепил. Но я сразу его узнал. Кричу, вон он! Хватайте его! Но разве они сделают хоть что-то по закону? Им главное человека посадить и дело закрыть. Приговор объявлен – и уже никто никого не слушает. Тем более подсудимого. Кричи, не кричи – пять ментов

схватили меня и вынесли из зала. Вот такой беспредел.

Сосед подошёл к бачку и нацедил в пластиковый стакан воды. Выпив залпом, снова вернулся к Калачову и продолжил свою «исповедь»:

– Ладно, думаю, гад. Бог не фраер, он шельму метит. Куда ты денешься – я всё равно рано или поздно из тюряги выйду. И тогда я тебе не завидую. Так и получилось. Полсрока отсидел, а тут лагеря стали закрываться из-за ледника. Многих выпустили по условно-досрочной. Меня тоже освободили. Ну, думаю, гад, если ты жив – я тебя повторно убью и мне ничего за это не будет. Дважды за одно и то же преступление не наказывают. И точно, нашёл. Он сменил только место прописки. Откормленный такой, самодовольный. Ну, я ему и вломил. На этот раз надёжно – монтировкой.

– И что?

– Впаяли пожизненно. Оказался братом-близнецом.

Жизнь полна невероятных историй. Ни один писатель не додумается до сюжетов, которые она пишет, сплетая человеческие судьбы в канву искромётного романа.

Калачов поинтересовался:

– Это же следственный изолятор. Ты здесь с какого припёка?

– Не знаю, видимо нигде больше мест нет. Я уже целый год в этой камере ошиваюсь.

– Зато один сидишь.

Мужик усмехнулся:

– Это сейчас нас двое. А перед тем, как тебя привели, нас было семеро.

– В четырёхместной?

– Ага, – весело осклабился сосед. – Ржака, а не жизнь.

Он помолчал, а потом быстро пересел на нары Калачова и заговорщицки зашептал:

– Слушай, друг, здесь такое дело. Мне предложили одного мента придушить. Его вот-вот приведут.

– «Мента»? У ментов же своя кутузка.

– Ага, теперь хрен поймёшь у кого своя, а у кого чужая.

Но этого-то спецом к нам должны доставить.

– И сколько тебе пообещали за него?

– Да нисколько! Послабуху пообещали: баланду погуще, да уважуху на зоне.

– И за такое малое ты согласился?

– А куда деваться? Не выполнишь – будешь до конца жизни галюны языком драить. Говорят: тебе, мол, без разницы, всё равно по полной чалишься. Что так пожизненно мотать, что так.

– От меня-то чего хочешь?

– Да не привык я к мокрому. Если бы по справедливости – тогда, нет вопросов. А так... Я же не киллер какой-то. Слушай, кокни его вместо меня, а я всё на себя возьму. Мне терять нечего... Блин, но как подумаю, что ещё одного предстоит к праотцам отправить – жутко становится. Сам не свой. Я уже целую ночь не спал.

– Теперь хочешь, чтобы и я не спал?

– Я просто прозондировал, вдруг это для тебя раз плюнуть?

– Плохо зондировал, я тот самый мент и есть.

Зек даже вскочил, внимательно посмотрел на Калачова и, пятясь назад, приземлился на свою шконку. Так он и сидел до самого вечера, сложив руки на коленях и уставившись на свою «жертву» – теперь явно несостоявшуюся.

А вечером он начал долбить в дверь, требуя отвести его к «начальнику».

Так «мент» остался один.

Глава семьдесят третья

23 апреля

Сочи. Конспиративная квартира ФСБ Мосты, вокзалы, телеграф...

Лиза, Алиса, Ярослав и Кирилл оказались в положении затворников. За последние два дня они ни разу не пересекли порог конспиративной квартиры. Собственно, в этом не было надобности. Запасы еды позволяли просидеть здесь целую неделю. Лиза рассудила так, раз за два дня их не вычислили — значит, квартира чистая. Поэтому не стоит суетиться и предпринимать резких движений. Впрочем, никто кроме самой Юшкевич этого адреса не знал. Если нигде не засветиться, то и не узнают.

Главная проблема сидения в конспиративной квартире заключалась в безделии. После активной чуть ли не круглосуточной работы по поискам «Прометея», а затем и Паганини, на Лизу, Алису и Кирилла свалился полный вакуум деятельности. Из-за этого каждый из них готов был волком выть. Ярослав страдал не меньше. Недаром он называл себя «трудоголиком не в первом поколении».

На второй день Кирилл не выдержал и предложил работу:

– Чего зря паркет шоркаем и стулья полируем. На телевизор я уже смотреть не могу. Тем более, что там теперь только жуткая чернуха: всё горит, всё взрывается, поезда сталкиваются, самолёты падают. Этот упырь со своим выводком вурдалаков творит непотребное, а мы сидим и ничего не делаем.

Под упырём, само собой, Кацэ подразумевал Соболевского. Он и на самом деле развёл немислимую деятельность по «реконструкции» страны. В результате этого прилавки магазинов были выметены до последней пылинки. Всё необходимое можно было теперь купить только на чёрном рынке. Причём за баснословные деньги. Продавцы за свой товар брали исключительно валюту. Курс рубля совершил головокружительное пики и продолжал лететь в пропасть. Социальное обеспечение приказало долго жить. Продовольственные карточки были с помпой отменены новым правительством, как пережиток тоталитарного прошлого. В аптеки и в ставшие платными поликлиники народу отныне путь был заказан – дешевле сразу сдохнуть. Зато теперь можно было даром зарядить трёхлитровую банку воды исцеляющим взглядом экстрасенсов, ведуний, знахарей и святых людей, расплодившихся, словно тараканы в интернете и на телевидении. Дальше можно не рассказывать, так как над всей оставшейся страной, по образному выражению Кацэ, быстро надувалась огромная попа, которая, взорвавшись, готова была сдуть с обитаемой поверхности всё оставшееся население. Кирилл продолжал распалиться:

– Слава богу, что на сегодняшний день не слышно о столкновениях на национальной почве. Но, опасаясь, что и до этого скоро дойдёт.

– Не надо нас грузить этими ужасами, – выставила вперёд ладонь Алиса, – Мы и без тебя в курсе. Что ты предлагаешь?

Кацэ промолчал, демонстративно давая ей высказаться. Алиса поняла это по-своему:

– А, так тебе просто потрепаться захотелось? Нашёл красивые, не засыпанные лапшой уши?

– Твои «ушки» меня всегда вдохновляли, – цинично пошутил Кацэ, стреляя глазками в сторону высокой груди Алисы.

За что тут же получил звонкую пощёчину. Юшкевич пришлось вмешаться. Она встала между двух огней и потушила пожар:

– Тихо! – Лиза прижала пальцы к губам враждующих сторон. – Вы и двух дней высидеть не смогли. А что будет через неделю? Ты иди к дверям, – указала она пальцем на Целовальникова. – А ты, Алиса, сядь в кресло.

Когда тлеющие головёшки были раскиданы по сторонам, и опасность воспламенения исчезла, полковник предложила:

– Говори, Кирилл. Только строго по делу.

– Я и говорю «по делу». Просто некоторые считают, что они...

– Молчать! – негромко, но внятно скомандовала Лиза. – По делу, я сказала.

Кэцэ сразу успокоился и предложил:

– У нас есть компромат на всю компашку Соболевского, – он перевёл взгляд на Андрееву и добавил: – Добытый стараниями Алисы Константиновны. На компе Фрэнки оказалось много убийственной информации. К тому же, у нас есть факт откровенного вранья. Новый президент присвоил себе право называться изобретателем «Прометея». Но настоящий изобретатель вот он! – Кэцэ указал рукой на Яра. – Скромно сидит за нашим столом. И этот факт убийственен для академика и президента в одном флаконе. Так чего мы сидим? Стоп! Не перебивайте! Я ещё не всё сказал. Не буду долго болтать попусту. Здесь все знают ровно столько же, что и я. Предлагаю! Во-первых: сбить доходчивый, логичный и убийственный компромат на Соболевского. Этим буду заниматься я с Алиской. Во-вторых: записать на камеру Ярослава. Пусть он доходчиво, но кратко расскажет о сути своего изобретения. Население толком не врубается, что это такое. Надо ему объяснить наглядно. Я могу даже графику состряпать. Пусть простенькую, но дающую истинную картину эффективности «Прометея». Этим будем заниматься я и Ярослав. Как только эти два блока будут готовы, я вырублю электричество во всём городе. Можете не спрашивать – в масштабах страны я пока такое сделать не способен. Да и опасно это. У нас теперь на 99 % атомная энергетика. Ей такие масштабные блэкауты не пережить. После того, как подача электричества будет восстановлена, на всех компьютерах и на всех экранах, и да-

же на утюгах и чайниках, если хотите, появится наш компромат и ролик «Прометея».

Алиса всё же не выдержала:

– Ага, после твоего выхода в эфир нас тут же накроют.

– Конечно, накроют. Но мы уже покинем это бомбоубежище. Для воспроизведения я пожертвую своим планшетом. Заложу в нём алгоритм рассылки и оставлю на столе. Он будет выдавать наш компромат до тех пор, пока спецназ не взломает дверь.

– Понятно, – кивнула Лиза. – Я поддерживаю твой план. Мало того, я внесу свою лепту.

Она подошла к Кацэ и вложила в его руку гаджет. Тот с интересом повертел его в руках и поднял взгляд на Юшкевич:

– Ты меня заинтриговала. Даже с пятидесяти попыток не догадаюсь, что здесь.

– Это компромат, собранный Джужомой на верхушку власти. Власть наша в основном старая. Она просто переобулась в воздухе и осталась у руля. Возможно, ты накопишь что-нибудь интересное.

– Ого! С такими командирами, как ты, я горы сверну.

Кацэ сразу отвлёкся и стал вставлять микрофлешку в свой чудо-планшет. Юшкевич укоризненно качнула головой и развела руками:

– Не поняла? Всех распланировал, все при делах. А что по твоему плану должна делать я?

Кацэ, не отрывая взгляда от планшета, пробурчал на одной ноте:

– Ты будешь руководить, координировать и строить планы на будущее.

– Какие планы? Что ты имеешь в виду?

– Обширные планы. Первый план – как нам вызволить командора. Второй план – план восстания. Не хотелось бы повторения того стихийного ужаса, который предшествовал водворению этого уродца на президентское кресло. Думай о главном. Всё должно быть чётко и ясно: организация партии или, по крайней мере, активного костяка; средства пропаганды и агитации; движущая сила революции; момент для восстания... Что там дальше?

Алиса подсказала:

– Мосты, вокзалы, телеграф, телефон.

– Во-во! Короче, работы у вас Елизавета Егоровна, лопатить не перелопатить. Если что-то непонятно, спрашивайте.

И он углубился в мир человеческих страстей и чёрного пиара.

Глава семьдесят четвёртая

24 апреля

Сочи. Кабинет начальника ФСБ

Она хочет его убить

Новый начальник российской спецслужбы проводил совещание с активом. Взбучку получили все, за исключением Нутрецова. Полковника шеф ФСБ оставил на сладкое.

Уединившись с подчинённым, Гаков буквально побагровел:

– Я тебе давал неделю на то, чтобы ты нашёл Шелихова. Где результат?

– Глеб Олегович, всего три дня прошло. Результат будет.

– Во-первых, не три, а четыре. Плохо считаешь. Во-вторых, расскажи мне подробно, где ты ищешь и как ищешь? И есть ли у тебя вообще хоть какой-то план оперативно-розыскных мероприятий?

Нутрецову трудно было сказать хоть что-то. Потому что даже «хоть что-то» у него не было. Так, кот наплакал. И Володя молчал, потупив взгляд, словно нерадивый ученик.

– Чего заткнулся? Давай, выкладывай!

– Э-э-э, я привлёк друга Шелихова. Он побывал у его ба-

бушки и во всех местах, в которых могли появиться Шелихов и Кузнецова.

– Это всё?

– Мы установили наблюдение за этими объектами. Также контролируем все контакты Калачова, Юшкевич, Андреевой и Целовальникова.

– И что?

– Пока результатов в этом направлении нет.

– Ага, нашёл дурачков из глухой деревни. Это опытные оперативники. Естественно, они никогда не будут пользоваться своими гаджетами или звонить друзьям и родственникам. Но им явно нужны средства. Подполье дело затратное. Проверял их счета?

– Естественно. Я не стал их блокировать, чтобы проследить транзакции.

– Правильно. И что?

– Пока, ничего, – Володя даже немного осмелел.

– Плохо! Плохо работаешь! – грозный голос начальника вновь вернул Нутрецову ощущения страха за свою судьбу. Гаков продолжил: – Счета Шустицкого и Ахтарова поставил под контроль?

– Так они же мертвы.

– Конечно, «мертвы». Но зато банковские счета у них живее всех живых. Можешь не отвечать. Это ещё один твой прокол.

От дальнейшего неприятного разговора полковника спас

голофон, поставленный на вибрацию. Нутрецов аккуратно вытащил его из кармана и скосил взгляд на экран.

– Это Андреева, – прошептал он.

– Ответь!

– Алло, слушаю... – Нутрецов прикрыл аппарат рукой и опять прошептал: – Она с вами хочет поговорить.

Гаков сосредоточился и взял протянутый полковником голофон:

– Привет, Алиса, это я.

Выслушав её, он коротко ответил:

– Хорошо, я тебя понял. Завтра перезвонить сможешь? Давай, буду ждать. Звони на мой старый номер. Я не буду его отключать.

Вернув гаджет, Гаков заложил руки за спину и подошёл к окну. Нутрецов оживился:

– Она звонила по своему телефону. Наверняка мои засекли её, – его голофон снова завибрировал, и Володя ответил. Затем снова зажал трубку рукой и доложил: – Есть! Мы её засекли. Выслать спецназ?

Гаков был спокоен и продолжал над чем-то размышлять. Он машинально переспросил:

– Откуда она звонила?

– С железнодорожного вокзала.

– Не надо, не посылай. Её телефон уже в урне.

– Проследим по камерам.

– Ну, это можно. М-да... Хочешь знать, зачем она зво-

нила? – Нутрецов пожал плечами, что означало: это вам решать, хочу я или нет. Но Гаков и вовсе не задавался таким вопросом. Не обращая внимания на собеседника, он продолжал: – Она сделала предложение, от которого мне трудно отказать. Вот только надо просчитать, не ход ли это в дамки?

– А что она предложила? – осторожно поинтересовался Нутрецов.

Лёгкая, слегка циничная улыбка легла на губы Гакова:

– Она готова сдать нам местонахождение Шелихова.

– Просто «сдать»?

– Взамен просит отпустить Калачова.

– О-у!

– Да не «о-у», а «оу-оу»! Она хочет его убить.

– Убить? – Володя ощерился гаденькой улыбкой. – Попросила бы нас.

– В том-то и дело, что она сама хочет его кокнуть.

– Зачем?

– А вот это тебе знать не обязательно. Свободен.

Он снова заложил руки за спину и подошёл к окну. Помолчав, пробормотал себе под нос: «Заманчиво».

Глава семьдесят пятая

25 апреля

Сочи. Следственный изолятор Гаков приказал вас убить

Завтрак принесли чуть ли не в обед. Еда на этот раз была не такой уж и отвратительной. Отвратительная, не отвратительная – в любом случае кушать надо. Раз я жив – значит, хочу стать свободным. А для этого необходимо держать себя в форме. Поэтому надобно есть. Хм, такое ощущение, что кашу готовили с настоящим сливочным спредом, а не с синтетическим маслом. Хотя кто его знает, возможно, через год тюремного заключения белковый наполнитель из дождевых червей покажется стейком из мраморной говядины. Генерал был неприхотлив в еде, тем не менее первые три дня с трудом привыкал к тюремной кухне. Ого! Вместо слабоокрашенного напитка из ботвы моркови, гордо называемого чаем, сегодня принесли искусственную фанту. Она даже газированная!

Не прошло и пяти минут после приёма пищи, как камерная дверь загремела замками. На пороге показался Нутрецов. В руках он держал объёмный рюкзак. Володя был серъёзен, как никогда.

Осторожно, словно заговорщик, он спросил:

– Геннадий Васильевич, можно с вами поговорить?

Вопрос прозвучал довольно глупо. Не Калачов здесь ставил условия. Приняв движение головой за согласие, Нутрецов присел на пустые нары соседа и быстро выпалил:

– Геннадий Васильевич, Гаков приказал убить вас. Вот, смотрите! – он достал из кармана маленький приборчик, слегка напоминающий пистолет для инъекций. – В пневмопистолете микрокапсула с рицином. Но я не хочу вас убивать, – он убрал пистолет с ядом во внутренний карман.

Полковник встал и подошёл к стене, в которой зияло маленькое зарешеченное окошечко. Развернулся и продолжил свой рассказ:

– Сознаюсь, вы мне не симпатичны. Вы всегда не ценили меня, придирались и прилюдно унижали. Но я долго думал, перед тем как сюда прийти. Не нравится мне всё, что сейчас происходит. Очень не нравится. И Гаков не нравится. Мне кажется, что он безразличный и бессердечный человек. Возможно даже, предатель. Он творит непотребное. Для него люди – пешки. Проскурин был не таким. Вы знаете, что его нашли мёртвым прямо на улице? Нет? Уже отписались, что он стал жертвой ночных грабителей. А мне кажется – это рицин. Гаков его приговорил, как и вас. А Джужома повесился в тюрьме. Вы не знали? Ладно, давайте на чистоту. Я человек простой. Но я готов рискнуть. Все вас предали, Геннадий Васильевич. Все, абсолютно все. Но не я. Кстати,

Алиса Андреева звонила шефу... Гакову. У неё на вас зуб. Не знаю, в чём конкретно дело. Но она предложила обменять вас на этого учёного. На Ярослава Шелихова. А взамен хочет самостоятельно лишить вас жизни. Это истинная правда. Я сам присутствовал при разговоре. Вы знали, что они знакомы?

Калачов об этом прекрасно знал. Это Глеб рекомендовал ему Алису. Кроме отличной аттестации, он назвал её дочкой умершего товарища. Нутрецов продолжил:

– Знали. Но вы, наверняка, не знали, что «Андреева» – это фамилия её отчима. А фамилия настоящего отца Алисы...

Генерал оборвал оратора:

– Хватит болтать, Володя. Переходи к основному вопросу. Зачем ты сюда явился?

– Хорошо, – Нутрецов взял в руки рюкзак, с которым пришёл, и вытащил из него генеральский мундир: – Переодевайтесь.

Калачов не стал расспрашивать, что да как. Он спокойно взял униформу и стал переодеваться. У Володи рот не закрывался ни на секунду:

– Я решил уйти от этого упыря. Ничем хорошим его безудержное стремление к власти не закончится. Мне кажется, что и новый президент не тот, за кого себя выдаёт. Он уже натворил кровавых дел столько, словно не учёный, а мясник. Я не хочу быть подручным в их делишках. Подручные вечно погибают первыми. И правители всегда сваливают на них

все свои грехи и провалы. Верно ведь? Это незаконно – то, что мне поручил Гаков. Убить человека исподтишка. Если виноват – отдайте под суд. А убивать – это преступление. Я не желаю быть замазанным в этом деле. Вы ведь потом, если всё снова перевернётся, замолвите за меня словечко? – не дождавшись ответа, он продолжил монолог: – Оделись? Хорошо. Я подделал приказ о вашем освобождении. Сейчас идём спокойно на выход. Вы, главное, не волнуйтесь, когда будем проходить контрольные пункты.

Калачов сложил джинсы, кроссовки и кофту в рюкзак, закинул его за плечи, и они двинулись к выходу.

Из СИЗО вышли без всяких проблем. Нутрецов предъявлял в зонах контроля приказ об освобождении генерала, и они шли дальше.

Тюрьма Калачова располагалась на окраине Мацесты, подальше от постороннего взгляда. Автомобиль Нутрецова стоял рядом с воротами. Полковник сел за руль, а генерал расположился на заднем сидении.

Всю дорогу Володя одолевал бывшего шефа вопросами, типа: что будем делать? Где будем прятаться? Наверное, надо позвонить Юшкевич, у вас есть её телефон? Но Калачов отмалчивался. К тому же он заметил, что на хвосте их автомобиля постоянно висит такси. По всему было видно, что и Нутрецов заметил слежку. Но не занервничал и ничего не сказал Калачову.

Так они доехали до центра Сочи. Курортный проспект пе-

ред Государственной Думой оказался заблокированным омовцами, поэтому Нутрецов свернул в сторону железнодорожного вокзала. Площадь перед вокзалом была забита до отказа. В смутные времена вокзалы всегда многолюдны. Неожиданно полковник зарулил на подземную стоянку:

– Сбегаю сфоткаю расписание поездов. В интернет выходить нельзя, иначе нас запеленгуют.

Как только он убежал, рядом тормознуло то самое такси. Стекло опустилось, и командор увидел Алису, активно машущую ему рукой. Генерал не стал раздумывать. Через минуту такси вновь выехало на поверхность. На его заднем сидении разместился генерал, а впереди, рядом с водителем – Алиса. Она достала прибор и, развернувшись к Калачову, стала водить им вдоль тела командора. Прибор активно заверещал. Андреева повела подбородком:

– У, как они вас нашпиговали. Снимайте всё. Есть, что надеть? – генерал открыл рюкзак и показал одежду, в которой сидел в СИЗО. – Давайте её сюда, прозвоню. Чисто.

Генерал едва успел переодеться, как такси остановилось. Водитель обратился к Алисе:

– Всё, дальше не проехать.

На дороге образовался внушительных размеров затор. Автомобили нервно сигналили, желая проскочить перекрёсток. Но что толку – светофор не работал.

– Спасибо, дальше мы сами, – Алиса расплатилась с таксистом, сказав на прощание. – Мы оставим генеральский мун-

дир.

– На хрена он мне?

– Я сказала, оставим! – девушка сделала нажим на последнее слово. – И если он пропадёт, ты горько пожалеешь. Учти, я знаю номер твоей машины и обязательно тебя найду.

Сказано было спокойно, но так уверенно, что водитель заткнулся, молча вышел из автомобиля и закинул рюкзак в багажник.

Алиса с генералом, которому она вручила увесистый баул, двинулись пешком. Зайдя за первый же многоквартирный дом, Андреева скомандовала:

– Привал, – она вытащила из баула два складных электро-самоката. – Дальше на этом транспорте. Это Кацэ вырубил во всём городе свет, чтобы нас не проследили. Водитель укажет, что мы ушли в этом направлении. Но нам нужно в обратном. Сейчас обогнём этот район и двинем на квартиру.

Она протянула генералу куртку, очень популярного среди мужчин фасона, а также очки и чёрную вязанную шапочку. Свою ветровку она вывернула наизнанку и снова надела. Теперь в её одежде преобладал не жёлтый, а синий цвет.

– Маскировка не помешает. Поехали?

Глава семьдесят шестая

25 апреля

Сочи. Кабинет начальника ФСБ Планировали, планировали, да не выпланировали...

Нутрецов изложил ситуацию предельно кратко:

– Всё, как планировали. Алиса с генералом движется в сторону конспиративной квартиры.

В это время у Гакова зазвонил голофон. Он выслушал и уставился на полковника:

– Планировали, планировали, да не выпланировали. В городе полный блэкаут.

– Мне это известно. Я тоже в пробку попал. Дворами выбирался.

– Известно ему, – желчно подвёл черту недовольный начальник. – А известно тебе, что Калачов и Андреева оставили мундир водителю?

– Нет, за ними наружка следила.

– Следила, да не уследила. А когда вышли на водителя, оказалось, что сигнал идёт не от Калачова, а просто из его

мундира.

Гаков по вечной своей привычке закинул руки за спину и подошёл к окну, уставив взгляд за стекло:

– А не играет ли с нами эта девочка?

Нутрецов пожал плечами:

– Даже если так – не страшно. У нас всегда есть запасной план.

Глава семьдесят седьмая

25 апреля

Сочи. Конспиративная квартира ФСБ Вот вам и «Орёл», вот вам и Паганини

Когда беглецы прибыли на конспиративную квартиру, генерал обменялся крепким рукопожатием с Ярославом и Кириллом, а Лизу слегка приобнял:

– Ну, вот и снова все вместе.

Компьютерный гений в первую очередь тщательно проверил вновь прибывших на наличие жучков. Прибор не отреагировал. Кацэ с облегчением вздохнул:

– Чисто. Ладно, запущу им электричество. А то народ поди уже взвыл. Скоро на меня молиться начнут. Я, как бог, могу милость проявить, а могу и обидеться на равнодушие паствы.

Он уткнулся в планшет и словно зомби медленно скрылся в проёме кухни. Юшкевич доложила:

– Геннадий Васильевич, операция по вашему освобождению, задуманная Алисой Константиновной, прошла успешно. Противник введён в заблуждение и матерится в потёмках. Он явно не ожидал, что свет во всём городе вырубится.

Лиза не стала вдаваться в подробности проведённой операции, а сразу перешла к делу:

– Мы не сидели сложа руки, готовя трюк с вашим освобождением. Сделали многое. Во-первых, записали Шелихова, где он подробно изложил, как изобретался «Прометей» и что он из себя представляет. Ярослав не забыл рассказать о происках американцев, о брошенных в застенки коллегам и погибшем подполковнике Ахтарове. Целовальников хорошо проиллюстрировал работу «Прометея». Я до этого, если честно, только приблизительно понимала, каким образом он сможет растопить лёд. После просмотра интервью с Шелиховым, любой способен оценить реальность и эффективность этого проекта. Но что особо важно, этот ролик изобличает действующего президента, как плагиатора и ставленника зарубежной спецслужбы. С изобличением связано и второе направление нашей работы. Кирилл приготовил бомбу. Бомбу из компромата. В основном мы использовали материалы Джужомы. Кстати, флешка просто золотая. За публикацию этих материалов каждый из нас попадёт в расстрельный список. Это если фигуранты компрометирующих документов смогут каким-нибудь способом выкрутиться. А если не смогут – то тогда уже они попадут в расстрельный список. Но на этот раз в законный. Джужома хранил страшный для всех нынешних руководителей материал. Кто какие откаты получал, кто какие средства имеет: счета, недвижимость, самолёты, яхты, собственные коллекции из экспонатов разво-

рованных музеев. Мы не стали возиться в грязном белье, типа, употребление лёгких наркотиков, разнузданный образ интимной жизни – хотя подобного компромата на флешке хоть отбавляй. Вставили только про Ларчикова. Службой внутреннего контроля зафиксированы многочисленные случаи педофилии, которой увлекался наш козлиный министр финансов. Как, имея на руках такие неопровержимые доказательства, Джужома не привлёк его к ответственности? Уму непостижимо.

Генерал мрачно подытожил:

– Это называется политикой.

– Ага, «политикой». Ничего, кроме рвотного рефлекса такая политика не вызывает, – Лиза тяжело вздохнула. – На Гакова только нет ничего.

– Это и понятно, – кивнул командор. – Если Гаков – это Паганини, то ему помогали быть чистеньким изо всех сил. Даже я не мог его заподозрить. Хотя столько лет работал бок о бок.

Елизавета Егоровна медленно покачала головой:

– Ты ошибаешься, шеф. Гаков не Паганини. Алиса, — обратилась она к Андреевой, — давай включай свой фильм. Посмотри, шеф, что она накопала.

Алиса запустила файл. На экране возник давнишний сюжет, вернее, не сюжет, а расширенный репортаж телевидения МГУ. Он был посвящён талантливому студенту, в котором хоть и с трудом, но угадывался нынешний президент

России. В сюжете подробно и достаточно нудно рассказывалось о его работах и открытиях в области теории квантовой гравитации и квантовой теории поля. Отмечалось, что благодаря этим его достижениям Соболевский отправится на стажировку в Кембридж. Далее сюжет повествовал о жизни и ежедневной работе молодого учёного. Была запечатлена т.н. «фотография его рабочего дня» – как просыпается, завтракает, едет в университет, слушает лекции, занимается в лаборатории и т.д. В конце репортажа было показано, что не наукой единой живут современные московские студенты. «Наш герой» в частности, активно занимается спортом – вот он гребёт в байдарке, вот восходит на Эльбрус, а вот играет в экзотический для нашей страны гольф. На этом виде спорта журналистка заострила особое внимание, так как Арсений Соболевский на тот момент являлся чемпионом России по гольфу. Кадры запечатлели, как он с невероятно сложных позиций закатывает мячи в лунки. Автор репортажа обратила внимание, что Арсений бьёт с разных дистанций и с разных категорий полей всегда одной и той же клюшкой, хотя в гольфе применяют сразу нескольких их видов. Молодой человек разъяснил:

– На официальных соревнованиях я, как и все, пользуюсь целым набором клюшек. Но просто так, с друзьями, играя для души, по старой привычке неизменно пользуюсь одной. К гольфу я пристрастился ещё в гимназии. Богатые родители моего приятеля имели собственное поле для гольфа.

Оно было просто отличным, но редко использовалось. И мы, несколько одноклассников, каждую субботу пропадали там с утра и до самого вечера. Мои родители не были богатыми. К тому же я рос скромным, зажатым мальчишкой. У меня бы язык не повернулся попросить купить мне набор дорогих клюшек. Поэтому я, сославшись на то, что мне так удобно играть, всегда использовал только ту клюшку, которую мне подарил Женька – тот самый сын хозяина поля для гольфа. С того времени так и повелось. Став членом гольф-клуба, я всё же переучился. Но друзья смеются, заявляя, что при желании я мог бы стать чемпионом России и с одной клюшкой.

– Я слышала вас здесь, – журналистка указала рукой на других игроков, наблюдавших за съёмками со стороны, – зовут «мистер Игл». Это имеет отношение к гольфу?

– Конечно, гм, – студент-Соболевский не скрывал удовольствия от вопроса. – Меня так называют из-за того, что я больше всех выбиваю «Иглов». Игл – это по-английски «орёл». Так называется результат, когда игрок проходит дистанцию, используя на два удара меньше, чем отведено регламентом...

Калачов задумчиво покачал головой:

– Вот вам и «Орёл», вот вам и «Паганини». Где ты это всё раскопала?

– Вы же сами послали меня в наш архив за досье на президента.

– Так не на этого же?

Алиса даже обиделась, повысив голос:

– Какая разница? На того – на этого. Я что, каждый день туда должна бегать?

– О, как голос-то окреп. Молодец! И всё же.

– Пока сидела в архиве, власть переменилась. Я и взяла досье Соболевского. Но там ничего интересного. Сплошной рафинад и реверансы. Явно документы заранее выхолостили и подсластили. Ещё я сразу обратила внимание – всё как будто одной рукой писано. Но он ведь человек пожилой. Значит и досье на него составлялось не за один раз. Записи разновременные – поэтому подчерк и стиль должны быть разными. Может, я не права?

– Правильно рассуждаешь.

– Это меня насторожило. И по своей вредной привычке до всего докапываться я сравнила перечень файлов с наличием их в досье. Всё сошлось. Не было только вот этого репортажа. Его, видимо, просто выкинули за ненадобностью, а перечень подчистить забыли. Мне повезло – сюжет нашёлся в Высшей школе телевидения МГУ. Не потерялся при эвакуации из Москвы. Мало того, нашлась та самая журналистка. Она до сих пор там работает. Старушка уже. Как она его хвалила! Как хвалила! – Алиса тут же передразнила первоисточник дифирамбов: – Соболевский – это наше всё! Кумир, светоч, гений...

До конца рассказать ей не дали, так как в комнату ворвался Кацэ. В руках у него трезвонил прибор. Возбуждённо

взмахивая руками, он хрипло выдавил:

– Дьявол! Где-то заработал жучок-маячок. Нас в три секунды вычислят!

Походив по комнате с прибором в руке, Кирилл быстро установил источник сигнала:

– Командор, подними руки! – скомандовал компьютерный гений и стал быстро водить по периметру тела Калачова. Определив, что мощность исходящего сигнала выше всего в районе живота, снова скомандовал: – Раздевайся. Быстро, быстро! Надо торопиться.

Генерал снял кофту. Кацэ покачал головой – нет. Скинул футболку. В ней тоже ничего не обнаружилось. Прибор уткнулся в мускулистый брюшной пресс командора и продолжал пронзительно трезвонить.

– Так-с, выходит, что жучок внутри тебя. Алиса, срочно принеси пищевую соду, – девушка рванула на кухню. Кирилл крикнул ей вдогонку: – Если ты её не найдёшь, мы погорели.

Лиза напряжённо следила за ситуацией:

– Он что, внутри? Как такое может быть?

– Да вот может. Это особые свободные радикалы. Их помещают в биологическую оболочку, которая растворяется под воздействием желудочного сока. После освобождения от оболочки радикалы выстраиваются в определённую цепочку и издают сигнал. Последние модели такого хитрого передатчика могут целый час трезвонить.

– Но как этот жучок попал в желудок?

– Да, – Кацэ махнул рукой, – легко. Эти нано-пилюли невидимы даже в школьный микроскоп. В еду подложили.

– А почему передатчик только сейчас заработал?

– У них специальная оболочка, словно мина замедленного действия. Хитрые, гады! Это американская разработка. У нас такой отродясь не было.

Прибежала Алиса.

– Вот! – она протянула банку с содой, ложечку и стакан с водой.

– Молодец!

Кирилл бухнул три ложки в стакан и быстро всё взболтал:

– Патрон, пей залпом. И по коням!

Пока все собирали свои вещи, Алиса спросила:

– Интересно, а почему сода?

– Давай! Давай! – безудержно торопил Кацэ. – Сода – щёлочь. Оболочка радикалов растворяется в кислоте желудка. А сами они приспособлены к кислой среде. Поэтому в щёлочи сразу нейтрализуются.

Лиза осторожно выглянула в окно:

– Машина подъехала. Ждёт остальных.

Глава семьдесят восьмая

25 апреля

Сочи. НИИ скорой помощи Делайте что хотите...

Как только ему сообщили, что Бузмаков пришёл в себя, Гаков сразу приехал в институт Склифосовского. Именно сюда еле живого технолога доставила Лиза Юшкевич.

Вит не нужен был начальнику ФСБ в качестве одного из изобретателей «Прометей». Гаков был уверен, что в расставленные им сети попадёт сам Шелихов, которого так жаждали заполучить американцы. Бузмаков же рассматривался только в качестве подсадной утки. Или в качестве фактора давления на Ярослава. Если, конечно, тот попадётся.

«Впрочем, куда он от нас денется? – размышлял Глеб Олегович. – Красные флажки расставлены, и загонщики гонят зверя в засаду». Гаков сам хотел оценить, насколько ценен для него Бузмаков. Сам. Он не особо доверял профессионализму коллектива ФСБ, очищенного за последние дни от неблагонадёжных сотрудников.

Главный врач НИИ, эвакуированного пять лет назад из Москвы в Сочи, лично встретил начальника ФСБ у дверей и

провёл его в палату усиленной терапии:

– Может, не стоит входить? Вы легко всё увидите через прозрачную стену.

Гаков молча отодвинул доктора в сторону и решительно открыл дверь. Четыре вышколенных охранника тут же заняли свои позиции. Один встал у окна, осторожно выглянув на улицу. Двое — по обе стороны от кровати больного. Четвёртый остался у дверей.

Начальник ФСБ спокойным шагом приблизился к Бузмакову и присел на услужливо подставленный ему стул. Он внимательно осмотрел пациента, откинув для этого простыню. Вит был обнажён. Запястья рук и ног крепко пристёгнуты кандалами к кровати, которая в свою очередь была надёжно прикручена к полу. Специальные «смирительные» полосы из крепкого материала удерживали тело технолога в горизонтальном положении. Колени, локти, суставы пальцев рук и ног, были нереально распухшими. На пальцах не было ни одного ногтя. Опухшее лицо скорее напоминало лицо мертвеца, чем живого человека. Но больше всего поражали седые волосы этого ещё явно молодого человека. Седина часто украшает мужчину. Но в данном случае она вызывала ужас. Непонятный животный ужас и внутреннее содрогание. Внутреннее содрогание у любого нормального человека. Но только не у Гакова. Глаза пациента были закрыты. Глеб Олегович дотронулся до его руки и вкрадчиво предложил:

– Витольд Робертович, я бы хотел поговорить с вами. Вы

меня слышите? – он более настойчиво пошлёпал по руке несчастного технолога и практически пропел: – Господин Бузма-а-аков, ау!

Пациент даже не шелохнулся. Тогда Гаков повернулся к доктору, зашедшему в палату следом за ним:

– Он что, спит?

– Нет, отдыхает. Просто мы приглушили его психическую агрессию антидепрессантами.

Гаков нагнулся и вlepил Бузмакову пару звонких пощёчин. Реакция была непредсказуема. Вит задрожал всем телом, забился в конвульсиях. Голова его поднялась с намерением оторваться от шеи. Все жилы его организма невероятным образом напряглись. Из рта пошла пена, а в открытых дрожащих веках просматривались только белки. Картинка была не для слабонервных.

– Когда это пройдёт?

– Боюсь, никогда, – главврач повернулся к медсестре, стоявшей за открытой дверью и та, приняв его взгляд за команду, тут же зашла в палату с принадлежностями для инъекции.

– Но он сможет когда-нибудь нормально разговаривать? – вновь поинтересовался начальник ФСБ.

Доктор слегка пожал плечами:

– Я не большой специалист в этой области, но мой прогноз негативен. В его организме произошли необратимые изменения. Мы навсегда потеряли его, как члена общества. По-

этому я намерен завтра с утра перевести пациента в психиатрическую клинику.

В это время в кармане Гакова зазвонил голофон. Он ответил, выслушал и отдал распоряжение звонившему:

– Только не торопись. Выстави надёжное оцепление, чтобы никто из них не ушёл, – разговаривая, он двинулся к двери, и его охрана потянулась вслед за боссом. – И лучше дождись меня. Я уже выезжаю.

Догнавший его главврач на ходу поинтересовался:

– Что мне с ним делать? Отправлять в психушку или вывернёте?

Гаков, даже не взглянув на доктора, походя махнул рукой, что могло означать только одно – делайте, что хотите.

Глава семьдесят девятая

25 апреля

Сочи. Конспиративная квартира План отхода

Кацэ открыл на планшете взломанную им систему видеонаблюдения дома:

– Так-с, сейчас посмотрим. Ага, со стороны Гагарина подъехал броневик со спецназом. С другой пока никого нет. Сейчас они нас начнут оцеплять. Всё, уходим! – компьютерный гений замер, уставившись на Юшкевич, которая, вместо того чтобы собираться, деловито вытаскивала из рюкзака элементы альпинистского снаряжения: – Я чего-то не понимаю. Что ты собираешься делать?

Лиза, не отвлекаясь от своего занятия, спокойно разъяснила:

– Алиса в курсе предусмотренного на этот случай плана. Она вас отведёт. Шеф, сегодня я за старшего. Так что давайте без митингов обойдёмся. Вы с Андреевой, а я на прикрытии.

Никто особо и не спорил. Здесь все, кроме Ярослава, привыкли к дисциплине.

План отхода был продуман заранее. Конспиративную квартиру выбирала Лиза. Она сразу обратила внимание, что здесь в одном подъезде сдавалось сразу две квартиры: одна на третьем, где они были сейчас, а вторая на пятом этаже. Задумка была такой: в случае опасности и невозможности эвакуации через парадный вход основная группа должна перебраться в резервную квартиру. А для отвлечения внимания противника одному человеку надлежало спуститься на землю с тыльной стороны здания, где его ожидал автомобиль с затемнёнными стёклами. У преследователей должна возникнуть иллюзия, что все эвакуировались именно так. Поэтому, как только Алиса увела основную группу, Юшкевич закрыла двери не только на замок, но и на внутреннюю задвижку. Сразу после этого она распахнула окно. А затем зацепила кошкой один конец верёвки за батарею отопления, а второй бросила вниз. Юшкевич уже исполнилось сорок лет. Она в последнее время раздалась в бёдрах и отрастила до третьего размера грудь. Тем не менее, её физическая форма была на высоком уровне – результат ежедневной самоподготовки. Зацепив карабин за верёвку, Лиза быстро исчезла в проёме окна. Через минуту, взревел мощный мотор, и машина рванула с места.

Глава восьмидесятая

25 апреля

Резиденция президента США

Палм-Бич, Майами

Я сразу подам в отставку

Леа Джайзани обсудила с президентом весь спектр направлений своей работы. Но наиболее подробный доклад был посвящён России. Вся оперативная информация твёрдо подтверждала успех проведения операции «Паганини». Нэнси Льюис высоко оценила работу Джайзани:

– Отличный результат. С головной болью, с которой не могли справиться предыдущие поколения наших политиков, наконец, покончено навсегда. Слава богу, что вскоре никто даже не вспомнит, что была такая страна. И нам не надо будет по поводу и без повода говорить о русских.

Леа с удовольствием отпила из кофейной чашки и улыбнулась:

- Спасибо, за оценку моей скромной деятельности.
- Откуда такое имя? Паганини, он что – музыкант?
- Нет, ровно никакого отношения к музыке наш агент не

имеет. В молодости он приехал в английский Кембридж и оказался в поле зрения нашего аналитического отдела, который включил его в число перспективных агентов влияния. Паганини засветился, как человек проамериканских демократических взглядов, слишком честолюбивый, жаждущий получить от жизни всё любым путём. Но в то же время – он человек умный, рассудительный и терпеливый. В целом, агент-мечта. Родители Паганини по уровню благосостояния не дотягивали до среднего класса российского общества. Поэтому вербовать его решили по сценарию больших долгов. Сначала хотели свозить в Лас-Вегас. Но для этого требовалась американская виза, что могло вызвать подозрение у ФСБ. Затем узнали, что клиент умеет играть в гольф. Ну какие русские гольфисты? Поэтому, быстренько заманили его на игру, надеясь загнать парня в жуткие долги. Подпоили, выставили под видом обычных парней профессиональных гольфистов. Но ничего из этой затеи не вышло. Парень творил чудеса. Такие, что у всех челюсти отваливались. В результате он выиграл главный приз.

– Так хорошо играл?

– Так хорошо, что ему тут же было присвоено конспиративное имя «мистер Игл». В каждой игре он оформлял по 1-2 «игл», а иногда и больше.

– Ты же говорила: «Паганини»?

– Говорила. У него так и осталось два имени. Паганини тоже из-за гольфа. Представляешь, он всегда играл и побеж-

дал, используя всего одну клюшку.

– Как это?

– Т-а-ак! Наши ему как-то подарили комплект отличных клюшек. Но он, по слухам, до сих пор пользуется одной и той же. Говорит – привык. Уникум, короче.

– «Уникум» – это хорошо. Но где результат по «Прометею»?

– Сладкое я оставила на десерт. Только что доложили, что изобретатель Прометея уже наш. Завтра его отправляют в Майами.

– Почему «завтра»? Почему не сегодня?

– Самолёта свободного в аэропорту нет. А президентский борт Соболевского на ремонте.

Нэнси ухмыльнулась:

– И эта страна так долго нам противостояла? Господи, когда уже там наступит крах? Сроки назвать можешь?

– Работаем.

– Долго, долго.

– По плану. Всё идёт по плану. Осталось выдернуть пару карт и этот карточный домик рассыплется.

– «Рассыплется». Долго, долго. Слишком долго. Я устала ждать.

– Что делать? Русский народ слишком терпелив. На завтра у нас назначены националистические демонстрации в Махачкале, Грозном и Нальчике. Их полицейский спецназ прольёт кровь борцов с русской оккупацией Кавказа. Это и будет

фитиль бомбы, которая разорвёт Россию на мелкие части.

– А если не разорвёт?

– Тогда вступит в действие план «Б». Все руководители федеральных образований соберутся в тихом курортном месте и объявят о независимости своих регионов. Но в принципе, для соблюдения формальных норм законности я бы хотела, чтобы Соболевский провёл референдум на тему: «Хотите, чтобы Россия осталась единой или нет?» Формулировка, естественно будет более закамуфлирована.

– Считаешь, что они могут проголосовать так, как нам надо?

– Кто его знает? Но все предпосылки для этого есть. Народ доведён до полной нищеты и отчаяния. СМИ напрямую связывают это с громоздкой системой управления большой страны. Повсеместно и активно в российском обществе продвигается тезис, что маленькому государству легче стать богатым. В пример приводятся Сингапур и Швейцария. Они уже сейчас спорят с пеной у рта, кто кого кормит. Да, ещё проведём денежную реформу, которая наглым образом заберёт последние накопления. И недели не прошло, как мы продвинули Паганини, а курс рубля уже обрушился в двенадцать раз. После реформы русские деньги вообще ничего не будут стоить. Ими будут каминьки разжигать. Не знаю, если после такого они проголосуют на референдуме не так, как нам надо – это будет позор для нашей политики, для наших аналитиков и специалистов по России. Я сразу подам в от-

ставку.

Глава восемьдесят первая

25 апреля

Сочи. Конспиративная квартира Твоя жертва не напрасна

Задумка удалась. Когда к подъезду пятиэтажки тихонько подрулили два чёрных джипа с опергруппой, из соседнего переулка на большой скорости вылетел автомобиль Лизы. Он рыкнул высокими оборотами мотора и стал быстро удаляться прочь. Оперативники уже успели выскочить из джипов и теперь, оторопев, смотрели ему вслед. Тут же раздался тихий скрип тормозов, и из двери представительского лимузина AURUS высунулась голова Гакова:

– Чего встали? Догоняйте! – голова тут же повернулась к Нутрецову, стремглав подбежавшему к шефу: – А ты со спецназом дуй на квартиру.

Все бросились выполнять приказ...

...Поначалу Лиза посчитала, что ей удалось ускользнуть. Она уже собиралась свернуть в первый же тихий двор, но в зеркале заднего вида появились очертания знакомого чёрного джипа. Надо же! Это ведь машина командора! Специ-

ально что ли на его задержание взяли именно этот автомобиль? Она нажала на газ и стала отрываться от преследователей. Но сделать это было невероятно трудно. Из-за беженцев двухмиллионный город раздулся до десятимиллионного. Люди то и дело буквально бросались под колёса. Никто и не думал соблюдать правила дорожного движения. Преследователи плотно сели на хвост. Не остановиться, не спрятаться, не удрать.

Если они увидят, что я одна – ребятам хана. Ладно, придётся поменять планы. Вместо густонаселённого центра, где я планировала бросить машину, буду через туннели прорываться на Дагомыс. Может там удастся оторваться. По крайней мере, потяну время, а там что-нибудь придумаю...

...Нутрецов дал задание окружить старинную, ещё советской постройки, пятиэтажку, а сам с группой из семи человек поднялся на третий этаж. Естественно, дверь не открыли. Пришлось её выносить. Заряд пластита сделал своё дело. Спецназ ворвался внутрь. Через минуту стало ясно, что в помещениях никого нет. Но в кухне из открытого окна была спущена верёвка. Сбежали? Эксперт подтвердил: дверь была закрыта изнутри. Значит, уходили через окно...

...Гаков с раздражением выслушал доклад Нутрецова, грязно выругался и вышел на связь с погоней:

– Ну, что там у вас?

– Держим в поле зрения. Но догнать не можем. Сейчас в туннель ныряем, связи не бу...

М-да, там сразу несколько больших туннелей, толком не поговоришь... Связь появилась:

– Прут на большо скорости, пытаемся подойти на прицельный вы...

– Доложите, где вы?

Вопрос в никуда. Связь опять отвалилась. Надо как-то заблокировать автомобиль преследуемых. Но как, если эти кретины не могут сказать, где они?

Гаков позвонил начальнику дорожной полиции:

– Владимир Борисович, есть возможность перекрыть туннель?

– Какой?

– Все.

– Все семьдесят пять? Рад бы помочь, но это невыполнимая задача.

– Тогда дай команду, чтобы по камерам или с дронов быстренько определили, где мои архаровцы устроили погоню.

– И это не получится. У нас полный блэкаут: ни одна камера не работает. Даже на дронах и на нашем транспорте. Хрень какая-то...

...Кацэ активно потёр руки:

– Ха-ха! Думаю, теперь вам весело. Какую бы ещё пакость

устроить?

Алиса стояла за его плечом:

– Шестнадцать минут прошло. Лиза давно уже в убежище № 3.

– Хорошо, если она там. А если не получилось оторваться? Я чувствую, ей нужна моя помощь. Так, а не вырубить ли нам ещё и спецсвязь?

– Не вздумай! – остерёг его Калачов. – На ней сидят не только правительственные структуры, но и управление противоракетной обороны, штаб армии, президент.

– Да хрен с ним с президентом! Ты же видел, как этот Паганини одной клюшкой играет.

– Я сказал, нет. Мало ли что?! Ты так легко готов всем государством пожертвовать? Это же люди.

– Как скажешь, командор. Но я бы рубанул...

...Удивительно, они нигде не перекрыли дорогу. Видимо, из-за туннелей нет связи. Они не могут без неё сработать оперативно. Жаль на Батумском шоссе нет туннелей. Давай родная! Давай! Они не могут тебя догнать. Но всё же могут заблокировать. Да, что-то я маху дала, выскочив из города на шоссе. А в городе лучше, что ли? Там люди, там пробки. Жертв не оберёшься. Как же мне спрятаться? Если бы они были чуть дальше от меня, запросто бы тормознула и ушла вот по этим густо заросшим взгоркам. Но они рядом. Слишком близко. Выскочишь у них на глазах – сразу рас-

кроют обман. Сразу поймут, что я одна, а остальные спрятались в том же доме. Ладно, едем дальше. Вот уже и Дагомыс. Ага, всё-таки приготовили ловушку. Впереди стояло несколько патрульных машин. Полицейские с волшебными палочками в руках тормозили грузовики, пытаясь выстроить надёжную преграду. Не успели! Хрен вам! Лиза резко сманеврировала и проскочила в зазор между самосвалом и мусоровозом. Первый джип тоже проскочил, а второй упёрся в сдающий задом мусоровоз. Тут же на дорогу выскочили два полицейских и открыли вслед беглянке огонь из автоматов. Стёкла посыпались, словно из ведра. Брякнуло зеркало заднего вида, покрывшись густой паутиной. Какой оказывается пугающий и противный звук издают пули, вскрывая консервную банку автомобиля. Слава богу, в колёса не попали. Надо сворачивать! Надо! Дальше по трассе нельзя. Там мне кислород совсем перекроют. Направо! А, черти! Перекрыли. Сюда? И здесь затор. А здесь? Пробка. Дьявол! Дагомыс кончился. Снова трасса. На хвосте весёлый цыганский табор из десятка разнообразных автомобилей с сиренами и мигалками. Впереди первый перевал. И что дальше? Дальше без вариантов. Дорога здесь старая, узкая, вихлястая. Вот и начался серпантин. Резина воеет на поворотах, выжигая асфальт. Ах! Чуть не столкнулась со встречным. Занесло, но всё же удержала, выровняла. Впереди так называемый «тёщин язык». На что ты надеешься? Надеешься доехать до Туапсе? Не надейся, у них теперь есть связь. Скоро прилетят

вертолёты. Да вот он первый. Вылез из-за горы, и пытается чуть ли ни сесть мне на капот. Надо же какие мастера! О, даже лётчика можно рассмотреть. Совсем мальчишка. Наверное, потом будешь рассказывать, что ловил преступника. Да и те, кто гонится за мной – я их прекрасно знаю. Просто они выполняют приказ. Ничего личного. Они ведь не знают, что приказ неправильный и, по сути, преступный. Всех их ждут матери, жёны, дети. Да и этих ничего не подозревающих водителей, которых я на скорости подрезаю, тоже ждут дома. Дорога такая, что можно братскую могилу заказывать, если устроить здесь кучу-малу. Интересно... а встречных больше нет! Стало быть, впереди меня ждут. Поворот, ещё поворот. Здесь нет и здесь нет. Но и встречных нет. Значит, за следующим. Ждут. На такой дороге не объедешь. Даже не развернёшься. И куда деваться? Отстреливаться? А что толку? Только зря людей жизни лишишь, но ребят и командора этим не спасёшь. Мысли ускорились с приближением конца. Зря я свернула на трассу. Зря... Что делать? Сдаваться на милость победителям? Тут же подбегут и увидят, что я одна. Подбегут и увидят. Подбегут и увидят... Это если автомобиль останется на дороге... А если... Вот он самый резкий поворот серпантина – тётчин язык. Раньше здесь было красиво. Раньше в этом месте открывался великолепный вид. Едешь, как будто летишь в голубую бездну. Сейчас уже моря нет. Нет? Зато здесь, под этой горой, осталось большое озеро. В этом месте морская впадина. Что ты про впадину?

Мысли стали путаться. Глаза заливаает липкий пот. Впадина... А если не повернуть? Если прямо. Обрыв! А там вода. Когда ещё меня оттуда вытащат? Не так просто притащить плавающий кран, водолазов... А это выход. Плохой, но выход. Жестокий по отношению к себе, но выход. На карту поставлена не только моя жизнь. Не только свобода Кирилла, Алисы и командора. На карту поставлена судьба многих людей. Судьба страны. Они долго будут поднимать меня со дна этого озера. Долго. Они только завтра поймут, что я была одна. Одна, одна... Лучше, чтобы жертва была всего лишь одна. Решайся! Пять секунд! Другого не дано! Три! Лучшего места уже не будет! Одна! Тормозить? Сворачивать? Нет! Нет!!! Вперёд! Только вперёд!

И вместо того, чтобы притормозить на крутом повороте, почти развороте, автомобиль рванулся, легко пробил металлическое ограждение и вылетел на отвесный спуск. Да, вылетел. На Лизу сразу обрушилась ватная тишина. Полёт... Автомобиль всего лишь три раза коснулся обрыва, устроив каменный дождь. Из-за этих касаний он медленно перевернулся вверх колёсами и уже в таком виде подлетел к тонкому льду озера. Хотела умереть, видя перед собой море – то самое море. То самое море, которое так мечтала вернуть на его законное место. Не получилось. Последний полёт не удался. Лечу вниз головой, видя перед собой перевернутую картинку высокой горы. Люди высыпали на обрыв и смотрят на меня. Я тоже смотрю на них. Картинка замигала: люди близко

– люди далеко. Я на них, они на меня. Далеко – близко. В глазах замелькал калейдоскоп радуги. Затем только красный цвет – автомобиль на пути к воде, ещё раз ударился о выступ скалы. Страшный удар! Из-за него голова мотнулась, разбившись о приборную доску. Подушка безопасности? Она не срабатывает, если удар пришёлся в задок машины... Красный цвет, кругом только красный цвет. Всё завертелось, закружилось. И всё... Всё потухло. Всё потухло навсегда...

Измятый и продырявленный пулями автомобиль легко пробил некрепкий лёд и стал медленно погружаться в пучину вод в поисках последнего пристанища.

Всё потухло. Осталась только мечта. Мечта и вера. Вера, что море вернётся. Вера в «Прометей». Всё вернётся и всё наладится.

Лиза, твоя жертва не напрасна. Всё обязательно вернётся...

Глава восемьдесят вторая

26 апреля

Сочи

Конспиративная квартира №2

Смирись...

Уже два часа ночи. Два часа – самое время уходить. Раз мы всё ещё живы и на свободе, значит Лиза увела преследователей. Увела и теперь ждёт нас в убежище №3. Позвонить нельзя, спросить нельзя. Но вывод напрашивается такой. Лиза так просто в их руки не сдастся. Лиза боец. Боец... Порадовала меня на днях сообщением, что скоро станет бабушкой. Бабушкой... Однако?! Она для меня всё та же молоденькая девушка, которая когда-то впервые зашла в мой кабинет. И сразу стала любимым моим работником: ответственным, умным, эффективным. Да и человек просто замечательный. Поэтому она была первой, кому я предложил место в своей сегодняшней команде.

Надо уходить. Рано или поздно, они вернутся сюда. Поэтому надо уходить. Но идти сразу вчетвером неразумно – объявлен комендантский час и любые передвижения ночью

запрещены. Вчетвером проще оказаться обнаруженными. И если загребут – то сразу всех. Нельзя класть все яйца в одну корзину. Нельзя.

Посоветовавшись, решили, что сначала в убежище №3 пойдут Кирилл и Ярослав. Добравшись до места, Целовальников передаст условный сигнал. Какой? Как? В решении этой задачи свои недюжинные таланты и смекалку вновь проявил Кацэ. В квартире, которую они условно назвали убежищем №2, была внедрена система «Умный дом». Можно было удалённо включить телевизор, робот-пылесос или кондиционер. Поэтому компьютерный гений пообещал: если в квартире, где остались Алиса и командор, включится телевизор – значит в убежище №3 всё хорошо. Если стиральная машина, то явка провалена. Как сказал Кирилл: «Умный дом может передавать шифровки объёмом с книгу».

Шелихов с Целовальниковым ушли. Генерал сидел на кухне в задумчивости, потягивая из кружки простой кипяток. Что-то волновало генерала: плохое предчувствие или досада, что поступил неправильно, отправив первыми пацанов.

В кухню тихо вошла Алиса и присела напротив Калачова: – Вот мы и остались одни.

Командор внимательно взглянул на девушку – слишком странная интонация сопровождала эту простую фразу. На всякий случай переспросил:

– Почему «одни»?

Она не ответила, занявшись перезарядкой пистолета. На-

конец новая обойма была вставлена, и она взглянула на Калачова. Взгляд был предельно серьёзен, даже суров, если исходить из безобидного образа девушки.

– Вы ничего мне не хотите рассказать? – произнесла она, чётко выделяя каждое слово вопроса.

– О чём? – не понял генерал.

– Например, о том, как вы убили моего отца.

Только сейчас до командора дошло, кто сидит напротив него. Вот почему её внешность казалась ему до боли знакомой. Это проглядывали черты Костина. А он расценивал такое восприятие внешности девушки как результат обаяния. Обаяния хорошего человека.

Алиса продолжила:

– Вы его убили и при этом не подумали, что у него есть жена, дети. Вы хорошо спите? Конечно, хорошо. А иначе вы бы поинтересовались, каково им – как они живут? А мы не жили! Мы выживали. У нас отобрали всё. Всё, кроме гордости и чести. Мать горбатилась на трёх работах, но зарабатывала гроши, на которые и хлеба вдоволь не купишь. Как одинокой женщине с двумя детьми прожить на эти копейки? И кто в этом виноват? Молчите. Ужасный человек. Как только вас земля носит? Отмазали вас от тюрьги – вы и рады. За что вы убили отца? – она машинально взглянула на пистолет и положила его перед собой на стол. – Я хочу послушать вашу ложь.

– Зачем тебе слушать «мою ложь»? – вполне миролюбиво

ответил Калачов. – Я вполне мог бы тебе рассказать правду. Но есть правда, которую иногда лучше не знать. Это не просто слова, это жизненный опыт. Поэтому я лучше промолчу.

– Совершил преступление – надо за него отвечать. Хотя бы раскаянием. Его я хочу увидеть. И нечего тут вилять и извиваться, как змея, придавленная лопатой.

– Раскаяние всегда во мне. Но не такое, как ты себе представляешь. А рассказывать что-то тебе я не вижу никакого смысла.

– Это почему?

– Потому что Гаков тебе уже рассказал свою версию. У тебя сложился пазл, который я не сумею перестелить правильно.

– Гаков? Мне он ничего не рассказывал.

– Так уж и ничего. Ведь не зря же он пристроил тебя ко мне. У Глеба всегда все комбинации просчитаны на десять ходов вперёд.

– А! – догадалась девушка. – Вы пытаетесь перевести стрелки и уйти от ответа. Не выйдет!

– Ты меня убьёшь? – кивнул Калачов на пистолет девушки.

Она перевела взгляд на оружие и насмешливо улыbnулась:

– Что страшно?

– Нет, мне совсем не страшно. Можешь не откладывать.

– Это всё игра на публику. Ладно, уравнием шансы, – она толкнула пистолет, и тот докатился до руки командора. –

Этот пистолет я для вас приготовила. У меня свой, – она хлопнула по бедру. – Теперь расскажите? Без дула пистолета.

Калачов прикрыл глаза и вновь отрицательно тряхнул головой:

– Не надо тебе этого знать, Алиса. Не надо.

– Надо, – твёрдо подтвердила свои намерения девушка.

– Во-первых, ты не поверишь. А во-вторых, правда эта слишком грязная, чтобы её опять трепать. Забудь и смирись с той долей информации, которая тебе давно известна.

Алиса решила зайти немного с другой стороны:

– Лиза намекала, что смерть вашей супруги и драка, которую вы устроили, взаимосвязаны. Это так?

Калачов тяжело вздохнул и потёр тяжёлой рукой шею, словно раздумывая, стоит ли ему что-то рассказывать, или не стоит. Решил, что лучше второе:

– Хорошая ты девчонка, Алиса. Но я тебе ничего не скажу. Хоть под дулом пистолета, хоть без него. Понимай, как хочешь, думай, что хочешь. Это твоё личное дело.

Алиса встала, подошла к окну и аккуратно выглянула из-за занавески на улицу, негромко цыкнула:

– У меня только одно не сходится. Вернее, два. Два Калачова. Один Калачов честный, принципиальный, умный, справедливый. За эти качества за него готов умереть каждый... или почти каждый. Второй Калачов – убийца моего отца. Как это совместить?

– Теперь уже никак. Это свершившийся факт и ничего

здесь не поделаешь. Остаётся только терпеть.

– Зачем?

– Истина не любит торопливости. Мне трудно тебе что-то советовать. Также трудно рассказать правду. Но на этом всё. Если почувствуешь, что тебе без подробного понимания тех далёких событий не прожить, я помогу тебе получить на руки дело.

– Какое «дело»? Нет в архиве никакого дела. Его давно стёрли. Вам ли этого не знать?

– «Стёрли»? Кто его мог стереть?

– Откуда я знаю? Наверное, чтобы вас оставить чистеньким.

Калачов с внятным рычанием выпустил воздух из лёгких:

– Страна неограниченных возможностей и непуганых подлецов. В таком случае, ты никогда не узнаешь, что произошло с твоим отцом. Смирись. От меня ты ничего не услышишь.

– Вы своим молчанием уже всё сказали.

Калачов понял смысл этой фразы, поэтому буркнул:

– Ты можешь успокоить себя мыслью, что таким образом я пытаюсь выгородить себя, – в это время включился телевизор. – Всё! Это сигнал. Нам пора.

Глава восемьдесят третья

26 апреля

Сочи, убежище №3

Партия ещё не проиграна...

До нового убежища добрались без приключений. Улицы были пустынными. Вообще никого. Комендантский час в действии. Но дело, скорее всего, не только в нём. Полицейские тоже люди. А зачастую и нелюди. И ничто человеческое им не чуждо. А зачастую и античеловеческое. Они с энтузиазмом восприняли новые законы. И это вполне закономерно. Для большинства полицейских, чем строже законы, тем шире карман. Почему тогда их не видно? Ночь. В четыре часа ночи любую жадность побеждает страх. В современной России только редкого мужества полицейский может безбоязненно выйти на улицу ночью. Поэтому остаток ночи они проводят в опорных пунктах, способных выдержать трёхмесячную осаду неприятеля. Сидя внутри этих неприступных фортов, они никого не боятся.

Так рассуждала Алиса, когда они, наконец добрались до явочной квартиры.

Кацэ выглядел жалко. Он открыл двери тихо, спокойно,

понуравив голову и отведя взгляд в сторону. Его левый глаз украшал монументальный бланш. Я сразу всё поняла. Скотина! Идиот! Моя рука инстинктивно решила восстановить пропорции на его лице. Но Калачов успел перехватить мой кулак. Он затолкал нас на кухню, освещаемую восходящим солнцем, и насильно усадил на табуреты. Сел сам и обратился к этому уроду:

– Рассказывай!

Кацэ всё также боялся смотреть нам в глаза. Опустив голову и уперев руки в колени, он вздохнул и выдавил:

– Прости, командор, я маху дал.

Я снова не выдержала:

– Лучше бы ты сдох! Маху он дал.

Но Калачов вновь остановил меня:

– Остынь, Алиса.

Командор был бледен, как лист ватмана. Вот уж никогда не думала увидеть его таким. И тут до меня дошло – Лиза! Её нет! Калачов ничего не говорил, но было ясно, что он всё понимает. Лиза не смогла! Не смогла добраться до убежища. Иначе бы она встречала нас в дверях. Пытаясь справиться с эмоциями, генерал отвернулся и замер... Ещё этот урод с фингалом под глазом. Я вновь на него наехала:

– Где Шелехов?!

Командор активно потёр лицо и встрепенулся, стараясь отогнать негатив на второй план. Предложил спокойным голосом:

– Давай, Кирилл, рассказывай.

Кацэ мотнул головой:

– Нечего рассказывать. Мы шли. Всё было тихо и спокойно. И вдруг Шелихов встал. Там адрес на доме был указан. Адрес его бабушки. Говорит, мол, забегу на минутку. Волнуется старушка. Я ни в какую. Нельзя. А он, мол, тихо же, никого кругом. Ночь. Только на минутку. Туда и обратно. Так он умолял, что я подумал: все спят, за минуту сюда никто не успеет прискакать. Ещё так внимательно огляделся вокруг. Ни одной подозрительной машины. Ладно, говорю, но только на минутку. Не прошло и минутки, как его из подъезда выводят двое типчиков. И тут же фары загорелись у припаркованной тачки. Я бросился спасать... Всё на этом. Хотя одного я треснул по башке капитально. Вот этим зонтиком треснул, – он указал на зонт Ярослава, висевший на спинке стула.

Ну, что за кретин? Из меня вновь полезло:

– Лучше бы тебя убили! – я скрипнула зубами от злости и передразнила, искривив голос до интонации дауна: – Он увидел адрес... ни одной подозрительной машины... его выводят... я бросился спасать, – мне и на самом деле очень хотелось его убить. – Ты в ФСБ работаешь или вахтёром в женском общежитии? Для кого придуманы все эти нормы конспирации: не звонить, не инетить, не входить в контакт с родственниками?

Он молчал, не смея что-то возразить. Уткнулся взглядом

в пол и молчал. Жалкий, побитый, противный.

Генерал слегка выставил перед собой ладонь:

– Ладно, криком уже ничего не поправишь. Надо думать, что делать дальше.

Делать? Что теперь делать? Нас осталось трое. Вернее двое и этот... б... т... с... – не знаю даже как его теперь называть.

Командор встал, поправил лангетку на раненой руке, затем нервно дёрнул плечами и принялся её снимать.

– Геннадий Васильевич, не рано? – поинтересовалась я.

– Надоела. Только мешает.

Избавившись от бинтов, он размял пальцы и поводил из стороны в сторону рукой:

– Нормально, – опустив руку вниз и слегка ей подрыгав, генерал обратился к нам: – Забудьте всё плохое и идите спать. Это не предложение. Это приказ. Выспавшийся фээс-бэшник приравнивается к пяти цэрэушникам. Мы потеряли ключевую фигуру, но партия ещё не проиграна.

Глава восемьдесят четвёртая

26 апреля

Сочи, кабинет начальника ФСБ

Гена может быть опасен...

Глеб Олегович разговаривал по спецсвязи:

– Достали машину?

– Да... Нет, пока не достали.

– И что? Докладывай нормально! Володя, что ты сопли жуёшь? Послал же бог подчинённого.

– Машину не подняли. Нет крана. Сюда надо притащить какой-нибудь плавучий кран.

– Зачем? Ты хочешь сдать её в металлолом?

– Но вы же сами спросили: достал я машину или нет.

– Это я образно, Володя. Образно. Аквалангисты спускались?

– Да, спускались. Нашли пока только тело Юшкевич.

– Остальные где?

– Не знаю.

– А кто знает? Володя, ты теперь мой зам. И погоны у тебя стали генеральскими. Я на тебя надеялся. Когда обнаружили Юшкевич? Во сколько?

– В четыре ночи.

– Почему меня не разбудил?

– Думал, вы спите.

– Сейчас уже час дня. Где ты был?

– Спал. Умаялся за ночь.

– С такими кадрами я долго здесь не просижу. И что ты намерен делать?

– Выполнять ваше указание.

– Тьфу! Поговорили. Дуй немедленно по старому адресу и проверь каждую квартиру. Знаю я эти штучки. Они где-то там отсиживаются. Если не будут открывать – ломайте дверь. Но чтобы проверили каждую квартиру! Слышишь меня?

– Так точно.

Закончив разговор с Нутрецовым, Гаков проворчал про себя: «Бесполезный, но преданный. Думает, что за преданность его будут всё время наградами и деньгами осыпать. Хрен тебе! Хотя и от его преданности мало толку. Сегодня он предан мне, вчера Проскуруину, а завтра Калачову будет задницу лизать. Преданный подхалим – наиболее опасный из ручных животных. Кусает больно и в самый неподходящий для тебя момент. Ладно, пусть пока работает. Пусть ищет Калачова. Зачем? Не люблю, когда где-то за спиной прячется сильный соперник. А Гена может быть опасен. Может, даже очень может».

Гаков нажал кнопку и скомандовал:

– Заводите.

Дверь открылась, и на пороге в окружении двух агентов появился истинный изобретатель «Прометей».

Глава восемьдесят пятая

26 апреля Сочи. Убежище №3 Мы пойдём на Дно...

Калачов проснулся от яркого и зазывного запаха свежесваренного кофе. На кухне слышался разговор. Вернее, говорил только Целовальников:

– Вся современная американская культура, по моему гениальному определению, вмещается в краткую аннотацию одного голливудского фильма. Ты его, возможно, видела. Кратко изложу сюжет. 1942 год. Янки разрабатывают план революции в Германии. Выделяю слово «революция». Для этого они внедряют в руководство Третьего рейха шпионскую группу: весёлого негра-гомосексуса, одетого в спортивный костюм другой эпохи, грустную китайку-лесбиянку в железно-кожаных доспехах, с неизменным самурайским мечом за спиной и срочно завербованного мудрого ребё в традиционной кипе с кейсами...

Парочка сидела на кухне и пила кофе. «Помирились. Что ж, молодцы, – ухмыльнулся командор, – Не зря я всё же кофе раздобыл – вся команда в тонусе. Уже можно отдавать

приказы». Он поздоровался и сел на свободный стул. Алиса тут же подсуежилась, наполнив чашечку душистым напитком. Калачов сделал глоток и пополнил ряды слушателей. Кацэ продолжал трепаться:

– Ну вот кого они с такой культурной пропагандой воспитают? Только дегенератов.

Алиса возразила:

– Это Голливуд, фабрика грёз. К нам-то они заслали не ряженного в оранжевую юбочку трансвестита, а учёного с мировым именем. Здорово он маскировался. Прямо не человек, а гений, гражданин, мудрый политик. И всё в одном флаконе. Если бы меня месяц назад кто-нибудь спросил: хотела бы я видеть Соболевского на посту президента? Ответ был бы однозначным.

– Да, здорово они нас, – грустно подытожил Кирилл. – И что теперь с нами будет?

– Разделят на пятьдесят частей по национальному признаку и устроят всеобщую Варфоломеевскую ночь. Старый давно проверенный метод: разделяй и властвуй, – высказал своё мнение генерал.

– Вы, Геннадий Васильевич, так легко говорите об этом.

– Да, Алиса, говорю. Говорю, потому что уверен, так и будет.

Кирилл полностью переключил своё внимание с Алисы на генерала:

– Мне одно, командор, непонятно. Чего эти америкосы

постоянно лезут к нам? Чего они цепляются и всё норовят какую-нибудь пакость устроить? А теперь вообще решили закошмарить нас по полной программе. Чего им надо? Никого не трогаем, в их дела нос не суём. Вообще плевать, что там в их логове творится. Даже не поучаем никого, как они всех поучают. А?

Калачов помолчал, насладившись очередным глотком кофе, и стал рассуждать:

– Вот ты, Кирилл, парень опытный. Беспризорником был, по стране попутешествовал, всяких разных людей повидал. Я тебе для полного понимания простую жизненную параллель приведу. К примеру, в одном дворе живёт парень. Он высокий, симпатичный, нравится девочкам, занимается спортом. И в этом же дворе поселился оторви-башка, без всяких тормозов и моральных принципов, но с задатками жоака стаи. Он постепенно всех под себя подмял. Одни стали его прихвостнями и радостно первыми затевали драку, когда сзади стояла целая волчья стая. Другие смирились, отсыпая из кармана мелочь. Третьи из опасения помалкивали и обходили всю эту шантрапу стороной. Только наш парень никого не боялся. Сам на рожон не лез, но всегда был готов дать сдачу. Вот как ты думаешь – успокоится оторви-башка, зная, что в его дворе живёт парень, за спиной которого нет стаи, но который его не боится?

– Мудрый ты, командор. Правильно рассуждаешь. Всё в нашем мире так же, как во дворе любого дома.

– Да, в большом планетарном дворе уже никто не может и носа на улицу показать, пока янки не разрешат, – согласилась Алиса.

– А мы что, так и будем отсиживаться по норам и спокойно взирать на всё это? – возмутился Кацэ.

Калачов кивнул:

– Вот я и думаю, что делать. Пока ничего дельного не придумал. Давайте вместе обмозгуем.

Соратники замолчали. Идеей не было. Ни идей, ни опыта, ни базы с чего начинать. Хотя на счёт базы, Кирилл оказался другого мнения:

– Эх, мне бы сейчас попасть в мою компьютерную студию – я бы устроил революцию.

– Что бы ты сделал? – скептически поинтересовалась Алиса.

– У-у-у... Возможностей до потолка.

– Треплешься, – подковырнула она.

– Ничуть. Не забывай – я гений.

– Я помню, помню. Когда забываю – твой фингал тут же напоминает.

Её язвительность не смутила Кацэ ни на йоту:

– Я, Кирилл Целовальников, гений. Просто гений. Даже сам удивляюсь. Это я чпокнул американскую программу, благодаря которой они отключали нужные им камеры. Я её хакнул и на этой же платформе запустил во все системы свой вирус. Он сидит и ждёт моей команды.

– И что он может? Только камеры отключить? – не унималась подначивать Андреева.

– Нет, Алисонька, не только. Я могу заблокировать работу всех электрических приборов во всём Сочи. Даже в президентской резиденции. Ничего не будет работать. Ни телевизоры, ни голофоны, ни компы, ни инет. Встанет весь электрический транспорт. И главное, я могу запустить в сеть любой материал, обличающий Паганини. У нас же на него полно компромата!

Калачов отставил пустую кружку и обвёл взглядом сидящую перед ним парочку:

– Так – это уже что-то. А американское посольство тоже заблокируется?

– Нет, американское нет. У них своя система, которую я не успел вскрыть.

– Это плохо. Мозг всей этой операции по внедрению к нам Паганини находится там.

Кирилл удрученно помотал головой:

– Эх, жаль, что муха у меня всего лишь одна.

– Если бы у тебя был рой, ты бы, наверное, стал повелителем вселенной, – язвительно подтрунила Андреева.

Но гений не смутился:

– Если бы у меня была вторая муха, я бы заслал её к себе в кабинет. Там у меня хранится чудо-ампула суперсредства.

– И что это за чудо-ампула? – в вопросе Алисы сквозило недоверие.

– Я его называю «вьюжен-пурген». На самом деле у него сложное научное название, но моё классно отражает его мощный игривый характер. Достаточно одной микрочастицы вьюжен-пургена и человек, употребивший её, весь день гарантированно не слезет с толчка. При помощи мухи я надолго бы вывел из строя весь этот дипломатический гадюшник.

Алиса осознала великолепную задумку Кацэ:

– Да, голова у тебя и на самом деле работает. Жалко, что муха всего одна. Мы бы при помощи твоего чудо-средства усадили на горшок всех своих противников. И не только американских.

– Стоп! – вскрикнул уже думавший о своём гений. – Один в поле не воин! Но мушечка моя стоит целого войска. Не зря насекомое ты там так долго сидело! – погрозил он кому-то пальцем. – Ох, не зря! Я с помощью моего насекомого устрою такую «революцию», что они к нам со своим Паганини ещё тысячу лет не сунутся.

Он торжествующе уставился на Алису, словно говоря: «А ты меня называла дебилом».

– Молодец, – на всякий случай оценила его способности девушка. – И как твоя муха «устроит революцию»?

– Во-первых, я зашлю её на сервер и устрою там пожар.

– «Пожар»? А, в переносном смысле. Ты устроишь вредительство?

– Зачем? Муха устроит настоящее короткое замыкание со

всеми вытекающими из этого последствиями. Жуткое замыкание. С огнём и пламенем. Это выведет если не навсегда, то надолго всё их оборудование.

– Но как?

– Это моё дело «как». Короче, я гарантирую, что пиндосы даже ни один сейф не смогут открыть. Все их сейфы связаны с системой шифрования и распознавания. Да что там сейф?! Я их заблокирую в посольстве. У них все двери бронированные и с кодами допусков. Ха! Они ни с Соболевским, ни со своими хозяевами за океаном не смогут связаться.

– Это точно? – осторожно переспросил генерал.

– Верняк!

Калачов кивнул головой, встал, упершись о стену, и сложил руки на груди:

– Вот и план сложился. Итак, что мы имеем? У нас есть куча компромата на Соболевского и его сподвижников. У нас есть подтверждённый факт плагиата. У нас есть заявление истинного изобретателя «Прометея». У нас есть его рассказ о сущности и эффективности этого изобретения. Кирилл, тебе отдельный лайк за иллюстрацию его лекции. Всё, на мой взгляд, ясно и понятно. Компромат и запись с Ярославом – это два блока. Третьим блоком займусь я. Прямо сейчас сяду и изложу в доступном виде всю информацию, изобличающую Соболевского, как американского засланного казачка под кодовым именем «Паганини». Здесь, кстати, пригодится материал, скаченный вами с компьютера атташе. Думаю,

за сегодняшний день управлюсь. Далее мы вырубим во всём городе свет. Во всей стране это делать не обязательно. Все революции всегда вершатся исключительно в столицах. Погоди, свет вырубим, а как мы материал подадим?

– Легко, – самоуверенно махнул рукой Целовальников. – Это я обеспечу.

Сказав это, он тут же дёрнулся, сосредоточился и прижал пальцы ко лбу. Его поведение не осталось без внимания Андреевой:

– Что-то не так?

Кацэ вздохнул и потупился под пристальным взглядом девушки. Сказал уже не так уверенно, как минутой ранее:

– У меня здесь только планшет и голофон. Этого недостаточно для революции, – он яростно вздохнул. – Даже муху я могу запустить только из конторы.

Все замолчали. Тягостную минуту прервала девушка. Она вскочила со своего места:

– Ты же гений! Как ты не можешь найти выход? – её голос был достаточно бодрым и радостным, что никак не соответствовало ситуации.

Кацэ только скривился и отвернул голову. Алиса, улыбаясь, дотронулась до его плеча и вкрадчиво спросила:

– Будешь называть меня своей госпожой, если я подскажу выход?

Кирилл уставился на неё, пытаясь понять, о чём она говорит, и только пожал плечами.

– Так, будешь? – не отставала девушка.

– Буду! Буду! – вспыхнул гений.

– Ну, вот, командор свидетель.

Она вышла на середину кухни и приняла торжествующе-расслабленную позу со склонённой на бок головой и скрученными в калачик руками:

– Сейчас вы узнаете, кто тут самый креативный гений.

– Говори уже! – грозно призвал Кацэ.

– Я видела, как ты облизывался, когда мы с тобой ходили по американской конспиративной...

Она не договорила. Кирилл взвыл волком и яростно потёр свой лоб кулаком:

– У-у-ы-ы... Точно! – он этим же кулаком постучал по этому же лбу: – Как я сразу не дотумкал! Конспиративная квартира пиндосов! Она нетронута и необитаема, а просто опечатана. Там нас никак не ждут. Даже мы сами не сообразили туда поехать, – он машинально помахал пальцем перед своим ухом: – А там есть всё, что нам надо! Молодец! Я не просто буду называть тебя госпожой. Я тебя расцелую.

Он встал и, распластав объятья, двинулся к девушке. Она попятилась назад:

– Вот этого не надо!

Кирилл всё же предпринял попытку поцелуя. Но Алиса ловко накрыла его рот ладошкой:

– Целовать ты меня будешь только после того, как я тебе прикажу.

Кацэ моментально согласился:

– Понял, как скажешь, госпожа.

– Не госпожа, а гениальная госпожа.

– И сейчас согласен.

Их игривое пикирование прервал генерал:

– После того, как все материалы окажутся в свободном доступе, мы пойдём на Дно.

Его не поняли. Кирилл переспросил:

– Ляжем на дно?

– Нет, именно «пойдём». Там находится основная масса самых обездоленных людей. Масса людей, которым нечего терять.

Глава восемьдесят шестая

26 апреля

Сочи. Кабинет начальника ФСБ

Я не стану помогать американцам...

Парень, как парень. Ничего в нём примечательного. В толпе ничем не выделишь. А с другой стороны – чего ты? У него что, мозги из всех щелей должны выпирать?

Они сидели напротив друг друга и молчали.

Надо же, кажется, даже не волнуется. Или так хорошо скрывает? А вдруг на самом деле такой умный, что прекрасно понимает – с ним ничего плохого произойти не может. Его все хотят поймать, но никто не желает ему смерти. Он ключик к дверям, ведущим к спасению. К всеобщему спасению. Да, я и сам сразу дал команду, чтобы с него только пыль сдували. И то с предельной осторожностью. Ладно, хватит глазеть:

– Завтра вылет.

Он медленно поднял голову и без эмоций спросил:

– В Майами?

– В Лос-Анджелес. Есть разница?

Шелихов покачал головой:

– Нет. Только зря всё это. Я не буду там работать.

Хозяин кабинета встал, размял затёкшие мышцы и вышел из-за стола:

– А мне без разницы: будешь или не будешь. Мне за тебя двадцать лямов отвалили. И тебе такой же удачи желаю.

– «Удачи»?

Гаков собрал в ладони целую горсть таблеток, заглотил их и запил водой:

– Конечно, удачи. Неудачники вон, за окном. Ничего не имели, всё потеряли и теперь толкутся как стадо баранов на улицах курортного города, ночуя в драных палатках на дне отошедшего от берега моря.

Он подошёл к окну и, сделав паузу, продолжил:

– Они за кусок хлеба готовы друг другу глотки перегрызть. Дохнут, как мухи. И терпят любую власть, проводящую на них садистские эксперименты. Они достойны такой власти. Безропотное быдло. И поделом.

Шелихов поднял на него глаза и с легким презрением произнёс:

– Мне «нравится» ваша логика. Это логика маньяка, который, угрожая ножом, похитил школьницу, посадил в подвал, истязал её голодом и холодом, а через месяц назвал бессловесным быдлом. Приставил нож к горлу и спрашивает: почему ты такая грустная и неразговорчивая? Почему ты такая худая?

Гаков слушал, присев на подоконник и сложив пальцы в

замок. Не перебивал, не спорил, не доказывал. Просто слушал. Выслушав, сказал:

– Мне наплевать на эту демагогию. И тебе советую. Ты должен думать только о себе. Тебе повезло. Ты можешь стать миллиардером. Первые красавицы будут твоими по одному мановению пальчика. Ты будешь купаться в роскоши. Земля маленькая и круглая. Между людьми разницы нет. Это не бог придумал границы. Они сами их начертили и посеяли ненависть. Но от этого человечество не исчезло. Пока не исчезло. Пользуйся этим. Береги себя. Люби себя. И этим ты спасёшь не только себя, но и многих на этой грешной земле. Ты, Ярослав Шелихов – Прометей. Не забывай об этом. В этом твоё предназначение. Ледниковый период наступил только потому, что людей стало слишком много. Природа запустила процесс саморегуляции. На этой планете может безбедно жить только один миллиард. Золотой миллиард. И ты попал в список этого миллиарда. За одно это, ты должен быть мне благодарен.

Шелихов вздохнул и тихо произнёс:

– Население уже сократилось на два миллиарда. До этого вашего золотого стандарта осталось убить ещё семь. Только интересно, что дало вам основание считать, что вы относитесь к этому вашему миллиарду счастливыхчиков, а не к остальным семи? Кто-то подсказал на ушко? Бог? Дьявол? Или вы сами своим умом до всего дошли?

Гаков демонстративно вздохнул и ухмыльнулся:

– Болтать можно всё, что угодно. Я не рассержусь. Лучше скажи, кого и что ты хочешь взять с собой на новое место.

Ярослав отрицательно покачал головой, не сказав ни слова.

– Хорошо, нет так нет. Я думал, ты захочешь маму и бабушку с собой прихватить. Ты там будешь весь в шоколаде, а они здесь в полном дерьме. И чего стоят все твои предыдущие рассуждения?

– Они и там будут в полном дерьме. Я не стану помогать американцам.

– «Американцам»? Дорогой мой, ты не знаешь последние данные, что нас ждёт и не только нас, а весь земной шар. В ближайшие двадцать лет...

Но Шелихов уже не слушал, плотно закрыв ладонями уши.

Глава восемьдесят седьмая

27 апреля

Сочи, конспиративная квартира ЦРУ Гениальное вредительство

Ночью «заговорщики» перебрались в дом, в подвале которого американцы держали Бузмакова. Кацэ ликовал: «Да, аппаратура здесь первоклассная. О такой можно только мечтать. Так что наши планы по публикации компромата обязательно сбудутся». А вот, что дальше? Всё, что командор запланировал дальше, представлялось Целовальникову очень туманным и потому пугало. Кирилл не представлял, что генерал собирается делать на Дне. Этот «шанхай» из потрёпанных палаток, мусорных шалашей и картонных домов, где проживало порядка полумиллиона человек, не мог не пугать нормальных людей. «Дном» город нищих назвали потому, что он разместился на шельфе отступившего моря. Его территория начиналась сразу за морским вокзалом. То есть дойти до него не составляло труда – центр города рядом. А вот что дальше? Ладно, думай, не думай, а приходится действовать. Будем надеяться на опыт и ум командора.

Спали часа четыре. В девять утра попили кофейку, при-

готовили оружие и договорились о сигналах и действиях в чрезвычайных ситуациях.

После этого, Калачов посмотрел на часы и сказал, что у каждого есть личное время до десяти часов. В десять начало операции.

10:00. Кацэ: «Первым начал действовать я. Если честно, в этой операции от меня зависело практически всё. В назначенное время я нанёс первый удар. В сеть был вброшен мощный спам из нескольких объявлений. В первом сообщалось о раздаче гуманитарными организациями бесплатных продуктовых наборов. Второй фейк был замаскирован под информацию с ленты новостей. В нём рассказывалось о взломе мародёрами складов, забитых колбасными изделиями, шоколадом, алкоголем и другими давно забытыми деликатесами. Третье объявление было размещено на официальном сайте американского посольства. Оно информировало о решении правительства США предоставить статус, выплатить семь тысяч долларов подъёмных и вывезти из страны пять тысяч российских беженцев. Заявления с просьбой о статусе надо подать до 13 часов сегодняшнего дня. Как говорится: кто не успел, тот не успел. Естественно, во всех трёх фейках были указаны адреса посольства США, здания ФСБ, полиции и Росгвардии. Всё было сделано так, чтобы заблокировать работу пункта ручного управления нашим правительством – я имею в виду американское посольство – и, есте-

ственно, всех силовых структур, которые могли помешать исполнению наших замыслов.

Я не боялся, что ФСБ или кто-то другой быстро вычислят источник распространения фейков и нас всех сцапают. Мой любимый планшет, с которого распространялась вся эта деза, находился в убежище №3. Туда они и придут. Я предполагал, что для этого спецслужбам понадобится не менее получаса. Но, видимо, где-то в одном из помещений нашей огромной конторы сидел парень, очень похожий на меня. Нет, не лицом – уровнем гениальности. И я, скорее всего, его не знал. Объектив планшета был направлен на входную дверь. Мне прекрасно было видно, как ровно в 10:22 дверь убежища вылетела от взрыва, и в квартиру ворвался спецназ. Я сразу послал сигнал планшету на самоуничтожение. Картинка в его объективе покрылась дымом и стала плавиться. Последнее, что я видел: человек в шлеме и в бронежилете подбежал к месту установки планшета и тут же отпрыгнул. Красная вспышка и сигнал оборвался. Я тут же внёс поправки. Чтобы уже ни один умник не мешал воплощению наших планов, я вырубил связь и энергоснабжение у всей структуры ФСБ и СКР.

Ну что ж, ладно. Надеюсь, что основная часть населения к этому времени уже ознакомилась с адресами, где можно получить гуманитарку и разжиться водкой с колбасой. Следующим шагом моего вредительства стало повсеместное отключение электричества. Его я вырубил на пару минут. Идея

состояла в том, чтобы обнулить все степени защиты для доступа к средствам массовой информации. Врубив всё обратно, кроме работы всех средств связи и систем видеонаблюдения, я активизировал работу вируса, заранее внедрённого мной во все компьютерные системы. Он блокировал источники выхода привычной для обывателя информации и направил на все экраны Сочи наш компромат и рассказ Шелихова о «Прометее».

Алиса включила головизор и стала переключать каналы. Везде показывали то, что мы приготовили. Ленты новостей в сети тоже заменились нашей информацией. Всем на почту пришли мои письма. Я выборочно активизировал несколько уличных систем видеонаблюдения. Со всех гигантских голографических экранов лился наш компромат вперемежку с призывами Калачова скинуть воровскую антироссийскую власть, незаконно установленную американцами.

Поработал я и с мухой. Хотя несколько изменил запланированный алгоритм её действий. Но об этом потом.

Затем мы взяли всё необходимое и покинули это классное место, оборудованное америкосами по последнему слову техники. Но перед выходом, я, не смотря на предупреждения командора, всё же рубанул президентскую и все другие виды спецсвязей. Да, ерунда – за короткое время со страной ничего плохого не случится».

Глава восемьдесят восьмая

27 апреля

Сочи, лагерь эвакуированных Митинг

11.30. Алиса: «Через полчаса мы добрались до Дна. Здесь было страшно. Страшно от холода, голода и беспросветной нищеты. Страшно не столько за себя, сколько за народ, доведённый до скотского состояния. Море ушло, и освобождённую от воды твердь заполнили палатки и самодельные жилища беженцев. В них они жили морозной зимой и холодным летом. И в снег, и в дождь. Достаточных средств существования ни у кого из них не было. Накопленное сгорело в пламени разогретой до абсурда инфляции ещё по пути сюда. Дно жило попрошайничеством, воровством, грабежом и унижительной тарелкой благотворительного супа. Здесь не ступала нога ни полицейского, ни врача, ни политика. Коренные сочинцы даже близко не подходили к этому месту. Непрерывный поток людей весь день вереницей направлялся из «города нищих» дальше на запад. Туда, где когда-то гудели корабли, сопровождаемые дельфинами и чайками. Они двигались не за лучшей долей. Они несли покойников. Никто никого

не закапывал. Трусами заполняли естественные углубления бывшего моря. Чуть в стороне от тропы «печали» к месту похорон была проложена грунтовая дорога. По ней такой же вереницей двигались грузовики с мусором. Сочи, перегруженный беженцами, тонул в мусоре. Поэтому правительство, исходя «из гуманитарных, санитарных и эпидемиологических соображений», разрешило засыпать горы трупов горами мусора.

Дно жило своей жизнью. Жизнью, которая регламентировалась цепами. Цепы собирали со всех дань за право проживания на Дне. Они вершили скорый суд и издавали свои законы. Например, закон, запрещающий жителям Дна собираться в группы более трёх человек. За нарушение закона могли и убить. Без разрешения цепов нельзя было ни родиться, ни жениться, ни заняться любым промыслом: будь то воровство или ремесло. Основная масса цепов выглядела, как цыгане или кавказцы. Но определить их общий вектор национальной принадлежности было невозможно. Их объединяла не столько кровь, сколько жажда лёгкой наживы и беспредельной власти. Цепами их прозвали из-за того, что все они носили на шее массивные золотые цепи. Простой цеп одну. А у главаря, которого величали королём, их было целых десять. Вот такая упорядоченная «цепная» иерархия.

Слава богу, цепи нам на пути не попались. Возможно, они все были в городе, куда основная часть жителей Дна ринулась после просмотра наших фейков.

Дно начиналось с большой площади, где беженцы торговали своим скарбом и поделками, либо совершали обмены. Продавцов было больше, чем покупателей.

Мы встали возле большого стенда с объявлениями. Над стендом был развёрнут огромный голографический экран, который транслировал наш компромат. Перед ним собралась пара сотен человек. Они внимательно слушали и смотрели на экран. Время от времени из толпы раздавались возгласы: «твари», «суки», «уроды», «гореть вам в аду» и тому подобные «добрые» пожелания.

Мы подошли и стали ждать, когда Кацэ на своём чудо-голофоне закончит приготовления и наладит прямую трансляцию с этого места на все экраны города. Наконец всё было готово. Перед билбордом находилось естественное возвышение. На нём и встал командор. Статный, мужественный, седой. Эх, если бы не его прошлое, я бы его полюбила...

В толпе всё же нашёлся один цеп. На вид он был невзрачным и плюгавеньким. Но толпу напугал. При его появлении все расступились, стараясь не попадаться ему на глаза.

Плюгавый оглядел сборище наглым взглядом, хлопнул резиновой дубинкой по ладони и крикнул гнусавым голосом:

– Что за сборище? Кто разрешил?

Многие, опустив головы, предпочли покинуть площадь. Голос Калачова был более красивым, более грудным и более басовитым:

– Стойте! – он поднял руку. – Не расходитесь! Я вам дело

скажу.

Командор выглядел очень уверенно и внушительно. Его изображение, стараниями Кирилла, дублировалось на гигантском экране билборда. Всё это только увеличивало впечатление от монументальности генерала. Но плюгавенький не испугался. Он нажал кнопку и на поверхности дубинки появились металлические шипы. Этой палицей наглец попытался нанести разящий удар по голове Калачова. Но мой электрошокер, разрядившийся на его хлипкой шее, не позволил это сделать. Жалкий цеп рухнул, как подкошенный. Калачов успел мне шепнуть:

– Не дай ему уйти. Он приведёт остальных.

Пришлось плюгавого разоружить, поставить на него ногу и в такой позе слушать речь командора. Он начал издалека:

– Я генерал ФСБ Калачов Геннадий Васильевич. Вместе со своими соратниками, – командор указал рукой на меня и Кацэ, – я занимался спасением проекта «Прометей». Но новая власть преследует нас. А Ярослава Шелихова схватили и теперь хотят вывезти в США. Вывезти, чтобы этот проект реализовать там. Почему так произошло? Всё очень просто. Именно американцы привели к власти всю эту жалкую кучку марионеток. Но перед тем, как подробно обо всём рассказать, я хочу, чтобы вы поняли какое значение в настоящий момент приобрёл проект «Прометей». Вы видели и слышали всё, что мы опубликовали. Но это только политические проблемы. Кроме них есть ещё и климатические. Ты! – он

указал пальцем на человека в толпе. – Не кривись, коли не знаешь, о чём я. Дослушай до конца.

Мужик успокаивающе развёл руками, мол, слушаю, слушаю. Генерал продолжил:

– Через десять-двенадцать лет, если ничего не делать, Земля превратится в снежок. Другими словами, она полностью замёрзнет. Замёрзнет вместе со всеми своими обитателями. Это не я говорю – это сказал нынешний, никем из нас неизбранный президент. Сказал по секрету руководству страны ещё месяц назад. Тогда он был главным по науке в стране. Но это вывод не только Соболевского, но и всех ведущих климатологов мира. Этот вывод тщательно скрывают от населения. Скрывают под лживым надуманным предложением. Якобы, раскрытие этой информации приведёт к панике и гибели миллионов людей. А утаивание информации разве приведёт к их спасению?

– Брехня.

Глава восемьдесят девятая

27 апреля

Сочи, президентская резиденция «Бочаров ручей» Кто посмел?

Соболевский поднёс к уху аппарат. Точно такой же аппарат, каким пользовался атташе по культуре. Президенту России звонил американский посол Энтони Буш. Сам звонил. Буквально орал:

– Мы в осаде! Сеня, твою мать, подними свою дряхлую задницу и дай приказ, чтобы разогнали толпу...

В этот момент «душевного» разговора связь оборвалась. Арсений Сергеевич с недоумением посмотрел на трубку, словно говоря: «Что происходит?» Он взял в руки другой аппарат, издали напоминающий американский, и попробовал позвонить Гакову. Но система связи для внутреннего пользования тоже не работала. Это ещё больше напрягло президента. Множество степеней защиты, автономное питание и абсолютная локальность сети – и не работает! Что же происходит? Очередной дворцовый переворот? Нет, не может

быть. Меня бы предупредили. Гаков бы предупредил. Да что там Гаков? Буш бы предупредил. Но он мне сам только что звонил взволнованным голосом. Связь оборвалась... Что-то случилось. Неужели? Нет, это маловероятно. Кто? Кто посмеет устроить переворот? Он долго перебирал возможные варианты. Но так и не нашёл подходящего ответа. Единственное, что запало в душу смутным сомнением: «Отрубить президентскую связь способны только специалисты ФСБ. А не сам ли Гаков это устроил?» Но на что и на кого ему опираться? Американцы его не поддержат. Это фактор, который он не может не учитывать. Правда есть ещё китайцы. Нет, это вряд ли... Хотя эти косоглазые лисицы способны на всё. Неужели Глеб с ними скентовался? Нет... Стоп, а ведь он и на самом деле мог сговориться с китайцами. Для этого есть повод. В руках Гакова Шелихов. За его поимку американцы пообещали премию – двадцать миллионов баксов. Но китайцы готовы предложить в десять раз больше. На этом интересе к Шелихову Гаков вполне мог выйти на китайцев. Мог! Мог выйти и устроить торг. А там не далеко и до сговора по смене власти. Зачем Глебу трястись от вечной угрозы быть разоблачённым или смещённым мной? Он и сам может стать главой государства и отчитываться только перед китайцами. Чем больше Соболевский пускался в рассуждения, тем очевидней перед ним вырисовывалась перспектива быть смещённым начальником ФСБ. Он реально представил причину такого предательства – жадность. Жадность. Жад-

ность подвигла Гакова к этому преступлению. Он захотел за-
глотить не крохи со стола, а весь пирог, поэтому обратился к
китайцам. Те пообещали в десять раз больше. Естественно,
Гаков разинул рот и пустил слюни. Но затем испугался. Ис-
пугался, что американцы не простят ему передачу Шелихо-
ва в руки китайцев. Естественно, не простят. Потерю Шели-
хова они в любом случае не простят. Он прекрасно понима-
ет, что даже с идеальным алиби после такого провала я бу-
ду вынужден выгнать его. А пиндосы его просто пристрелят.
Пристрелят для острастки. Чтобы другим неповадно было.
Он всё это просчитал и решил устроить переворот. Гаков...
Скотина, предатель...

Впервые в жизни Арсений Сергеевич заволновался по-на-
стоящему. До мокрой сорочки на спине, до головокружения
и мерцания в глазах.

Надо собрать всех! Всех преданных и надёжных. Собрать,
вооружить и организовать оборону. Альенде не сдался Пи-
ночету, и я не сдамся. Если я попаду в руки Гакова, он ме-
ня порвёт. Порвёт, как Тузик грелку. Я для него слишком
опасен. Поэтому лучше погибнуть героем. Моим именем на-
зовут улицы, площади и национальные библиотеки всех де-
мократических столиц мира. Я погибну, но память обо мне
останется на века. Гордая память. Да, надо составить обра-
щение к народу. Последнее обращение законного президен-
та к своему народу и ко всем народам мира. Посмертное об-
ращение. Составить, записать на плёнку, а плёнку разрезать

на тысячу частей. Что за глупость? Что за дебилизм? Да и о каких плёнках ты ведёшь речь? Что такое плёнка? А! Вспомнил. Когда-то люди пользовались магнитными лентами для записи звука и изображения. Да, странно, из глубины мозга всплывают сведения, запечатлённые детской памятью. Кто-то так делал. Не помню кто. Но именно так. Записал обращение, разрезал на тысячу частей и закопал на пляже в песок. Полный дебилизм. Нет, записать-то я могу. Но разрезать и закопать? Да, к чёрту! Такой ответственный момент, а в голову лезут разные глупости.

Итак, звать всех? Нет, сначала доверенных. Он нажал кнопку, и дверь в кабинет тут же открылась. На пороге появился референт. Но его тут же грубо оттолкнул Марк Филин. Марк занимал пост вице-президента страны. Эта должность была экстренным образом учреждена после того, как Соболевский пришёл к власти. Филин никогда до этого не бывал в России. Он работал в американском Госдепе. Его, и ещё 37 будущих министров, специальным бортом привезли из-за океана и спешно натурализовали. После того, как они получили российские паспорта, Соболевский тут же назначил весь этот десант на ключевые должности в правительстве. Обществу столь неожиданное решение объяснили расплывчато и туманно. Мол, это часть усилий по поиску «инноваций в организации правительства» в связи с «абсолютно чрезвычайными проблемами, стоящими перед Россией». Намекнув при этом, что иностранцы, в отличие от доморо-

ценных деятелей, не подвержены коррупции и даже не знают, что это такое. В народе американских министров прозвали «принесённые ветром». Некоторые добавляли: «Кто сеет ветер, пожнёт бурю». Филин был потным и взволнованным. Едва переступив порог, он тут же с сильным акцентом истошно завопил:

– Сеня! Надо бежать! Надо спасти свои задницы. Прочь из этой дерьмовой страны! Прочь!

Соболевского такое поведение очень обеспокоило. Это была очередная капля в море тревожного предчувствия:

– Что случилось?

Марк беспардонно уселся в президентское кресло и начал в нём нервно раскачиваться:

– Всё! Это конец! – он зажал голову тисками ладоней и зажмурил глаза. Его голос сорвался на фальцет: – Нас разорвут! Нас повесят за ноги, как Муссолини! Нам вытащат кишки, как Каддафи.

– Господи, Марк, возьми себя в руки, – Соболевский подошёл к заместителю и участливо дотронулся до плеча.

Но Филин, не обращая внимания, продолжил истерику:

– Всему эндец! Полный эндец!!! Зачем я только согласился?!

Арсений Сергеевич не выдержал и вlepил невменяемому заму звонкую пощёчину. Помогло. Марк сразу обмяк, перестал раскачиваться и жалобно уставился на Соболевского. Тот достал бутылку коньяку и плеснул в бокал изрядную до-

зу:

– На, выпей. Это поможет.

Филин послушно кивнул головой и опрокинул содержимое бокала в лужёную глотку. Резко выдохнув, промолвил:

– Сеня, у тебя есть самолёт. Нам надо срочно эвакуироваться.

Соболевский недовольно потряс головой и тоже выпил. Затем присел напротив заместителя и спокойным голосом предложил:

– Сначала расскажи, что произошло.

Но Марк продолжал бубнить своё:

– Надо прямо сейчас садиться в твой самолёт и сваливать отсюда...

Соболевский со всей силы шлёпнул ладонью по столу:

– Возьми себя в руки! Что случилось?

Блуждающий взгляд Филина остановился на бутылке, дрожащие руки тут же наполнили бокал. Выпив, он утёрся рукавом и рассказал:

– Я отправился на доклад к Бушу. Сразу обратил внимание, что в городе неспокойно. Слишком много людей. И все какие-то возбуждённые. А главное, несмотря на запреты, они собираются в толпы. Но это ещё цветочки. Я не встретился с шефом. Посольство окружила буйная толпа. Они на моих глазах сломали забор, смели охрану и ворвались в здание посольства. Поняв, что Энтони уже ничем не помочь, я ринулся сюда. Но по дороге, меня остановила другая тол-

па. Они вышвырнули меня из машины. Представляешь, мне пришлось добираться пешком!

– Это три квартала...

– К чёрту твои ремарки! Сейчас ты услышишь о главном. Вокруг нашей резиденции тоже собирается толпа весьма подозрительных людей. Их очень много, и они о чём-то ругаются с охраной. Я с трудом пробился на территорию. Сеня, надо бежать. Они скоро придут за нами. Где твой самолёт?

– В ремонте.

– Как «в ремонте»? – голос вице-президента приобрёл жалобные нотки. – Всё! Они порвут наши задницы на звёздно-полосатый флаг.

– Успокойся. Через два часа в Адлере приземлится «Гольфстрим».

Марк замер:

– Точно. Я и забыл. Он прилетит за этим учёным. А вертолёт?

– Вертолёт наготове. Вот только как бы нам с собой этого парня прихватить?

– Шелихова? Да, если мы его привезём, нам простят провал.

– Простят-то, простят. Но как заполучить Шелихова? Боюсь, это будет сделать трудно. Нас предали.

– Кто?

– Гаков.

Собеседники не знали, что их разговор записывается на

камеру. Кто посмел? Посмела маленькая муха, притаившаяся за вентиляционной решёткой президентского кабинета.

Глава девяностая

27 апреля

Сочи. Дно

Сапёр ошибается только раз

– Брехня-я, – противным голосом пропел мужик из толпы.

Его лицо было сплошь покрыто некрасивыми крупными шрамами от прыщей.

– Нет, не «брехня», – спокойно возразил командор. – Наше правительство тайно строит в Долине гейзеров на Камчатке ковчег, в котором спасутся они сами, их жёны и дети. Для остальных остаётся только терпение. Терпеть, по их мнению, вам осталось недолго.

– Ты-то откуда знаешь? – всё с той же противной интонацией высказал свои сомнения рябой. Он обвёл взглядом присутствующих, словно ожидая от них аплодисментов.

– Я генерал ФСБ. Мне по статусу положено знать.

– Слышали мы и не такое. Ты обещал о деле рассказать. А болтать каждый может, – не унимался критикан.

– О «деле»? Дело простое. Надо осознать, что вы живёте хуже всех на Земле. Дохнете пачками и молитесь, чтобы

вас такая участь миновала. Но ради чего всё это? Ради чего вы живёте? Ради чего терпите? Ради детей? Смешно. Хотите дожждаться, когда наступят лучшие времена? Опять смешно. Я сомневаюсь впрочем, что у кого-нибудь из вас есть мечта.

– Есть! Пожрать вдоволь. У тебя хавчик есть? – крикнул «свежий» голос из толпы.

– У нас есть идея получше, чем просто набить своё брюхо. Мы предлагаем вам возможность вылезти из этой могилы, именуемой Дном.

Народ заволновался. Раздались выкрики:

– Хватит, наслушались!

– Очередные прохвосты. Мало их на нашу голову.

– Расходиться надо, сейчас цепи набегут.

– А чего вы к нам-то припёрлись? – рябой мужик перекричал всех.

Алиса не выдержала и ответила ему вместо командора:

– А вам терять нечего, как и нам. Вот его и его, – она указала на Калачова и Целовальникова, – сейчас упорно разыскивают новые власти. Разыскивают, чтобы убить. Почему? Они знают правду. Они знают, что наш президент врёт, приписывая себе изобретение «Прометей». Они точно знают, что Соболевский предатель. Он не на Россию работает. Он работает на Америку. И всему этому у нас есть неопровержимые доказательства.

Вперёд вышла худая женщина со слипшимися волосами:

– Про нынешнего президента мы и без вас всё сразу поня-

ли. А чем докажете, что ваш генерал лучше Соболевского? Может, он за наш счёт просто хочет сам президентом стать?

Вопрос был сложным. Трудно доказать, что ты не гималайский верблюд, если в документах написано так. Не сказать, что вопрос поставил Калачова в замешательство, но паузу в его уверенной речи сделать заставил. На помощь попытался прийти Кирилл:

– В нашей команде был настоящий изобретатель «Прометея» – Ярослав Шелихов. Он планировал обогреть страну и вернуть беженцев в родные места. Но два дня назад его схватили люди нового президента. Через два часа в аэропорту Адлера приземлится самолёт, посланный специально за Ярославом. Американцы хотят завладеть «Прометеем». Но они этого желают с корыстной целью, чтобы обогревать себя и союзников, а остальных гнобить. Мы пришли к вам с одной целью. Нам нужна ваша помощь, чтобы предотвратить вывоз Шелихова. Наша страна может снова подняться на ноги только в том случае, если «Прометей» и его изобретатель останутся на родине.

«Оратор, однако», – подумала Алиса. Своим горячим выступлением компьютерный гений заложил в душе девушки немалую толику уважения. Но народ его выступление, хотя оно и вызвало волнение и гул, не убедило до конца. Самый сомневающийся обитатель Дна снова выкрикнул:

– Вот если бы вы доказали, что Шелихов с вами – тогда мы пойдём. А так... Лезть в мышеловку, да ещё и без сыра,

очень глупо. Где Шелихов? Что-то сомнительно, что он был с вами. Может, вы врёте?

Генерал улыбнулся и пошутил:

– Ох и дотошный ты мужик! До столба докопаешься. Докопаешься так, что он сам переползёт на новое место подальше от тебя, – народ засмеялся. Генерал, поймав весёлую волну, продолжил поднимать настроение: – Не знаю, как твоя жена доказывает тебе, что не изменяла, пока ты мусор выносил, – все засмеялись ещё громче, но командор вдруг стал серьёзным: – Вот, смотрите, – он развернул зонтик Шелихова: – Это и есть тот самый «Прометей», который может всё изменить к лучшему. Быстро изменить. Ледники растают...

– От зонтика? – завопил мужик, хлопнув себя по коленям. Толпа заржала.

– Да! От зонтика. Это непростой зонт. Он волшебный. Если в космосе разместить тысячи таких зонтов, то они обогреют Землю, – он развернул зонт зеркальной стороной к толпе. – Кто-нибудь в детстве выжигал через линзу?

Один голос ответил:

– Есть такие.

– Вот таким же способом можно растопить весь лёд.

Дотошный мужик не унимался:

– Никаких доказательств нет. Шелихова нет. Показали обычный зонтик, раскрашенный изнутри светоотражающей краской, и думают, что мы с ними пойдём в огонь и в воду.

Генерал не сдавался. Он протянул зонт «неверующему

Фоме» и предложил:

– Этот зонт изготовлен из волшебного материала. В нём секрет. Он не только необычайно лёгок и практически на сто процентов отражает солнечные лучи. Этот материал не горюч и крепче кевлара, из которого делают бронежилеты. Если кто-то хочет, может попытаться порвать его ткань.

Желающих не нашлось, но крикунов не убавилось. Кто-то заорал:

– А я не верю. Вы всё врёте. И про Соболевского, и про этого вашего Шелихова. Соболевский академик – это всем известно. А Шелихов, если он вообще существует – в лучшем случае аспирант. Не мог он изобрести «Прометей». Для этого нужна голова академика.

– Мог! – на этот раз голос донёсся из толпы беженцев.

Все стали крутить головами, а потом расступаться. Вперёд вышла девушка. Она была красивой. Красивой, несмотря на то, что выглядела голодной, измождённой и давно немойтой.

Красавица вышла вперёд и встала рядом с командором. Она уверенно сказала:

– Этот зонт я держала в руках тогда, когда его сделал Ярослав. Сегодня для меня счастливый день. Теперь я точно знаю, что Славка жив. Жив и здоров! – последнюю фразу она произнесла, эмоционально взмахнув сжатым кулаком.

Мужику видимо нравилось быть звездой «балета» – он снова вставил свою ремарку:

– Ещё одна нарисовалась. Ты кто такая?

Девушка повернулась к нему и крикнула, глядя при этом в упор:

– Я «кто такая»? – мужик не смог выдержать её взгляда и потупился. Она продолжила, обращаясь ко всем: – Я Мария Кузнецова. Я супруга Шелихова и его помощница.

Мужик не утихал:

– А почему ты тогда не с ним?

– «Почему»? – она на секунду замолчала и стала говорить чуть тише, словно снова переживая те дни: – Когда все покинули Москву, я и Ярослав остались там. Нам надо было закончить опыты с «Прометеем». Никто не прислал за нами транспорт, поэтому мы были вынуждены добираться до Большой земли на самодельных санях. Мы преодолели ледник. Почти преодолели. Но сани попали в расщелину. Прицеп, в котором находился Шелихов, улетел в пропасть. Я пыталась спуститься и помочь ему. Но у меня для этого ничего с собой не было. Не было даже обычной верёвки.

– Как же он тогда спасся? Святой дух помог?

Сказав последние слова, мужик тут же получил удар тяжёлой сумкой по голове. Его нанесла стоявшая рядом женщина:

– Да помолчи ты! Не видишь разве, что она не врёт?

Маша продолжала свой рассказ. Все эмоции отражались на её лице и в голосе:

– Я там была до самого конца. Со дна не доносилось ни криков, ни стонов. Стоял сильный мороз. Очень сильный. В

какой-то момент я готова была шагнуть за Славкой в пропасть, – голос её сорвался, и она стала говорить ещё тише. Но и народ затих настолько, что было слышно, как тает под ногами снег. Мара продолжала рассказ: – Но в последний момент я вспомнила его слова. Он говорил мне: «Если с кем-то из нас что-нибудь случится, второй должен сделать всё, чтобы наше изобретение не пропало даром».

Она замолчала. Замолчала, но её уже никто не перебивал, никто не задавал никаких вопросов. Рассказ был искренним и явно тронул сердца собравшихся людей. Тётка смахнула пальчиком слезу, мужик тяжело вздохнул. Мара успокоилась, кивнула головой и продолжила:

– Мне было тяжело покидать то место, где упал в пропасть любимый человек. Но я всё же отправилась дальше. Когда бензин кончился, я пошла пешком. Очнулась в ростовской больнице. Генерал Калачов, – она указала рукой на командора, – лично прилетел, чтобы переправить меня в Сочи. Но по дороге на нас напали американцы. Меня поместили в подвал дома, где они держали Вита Бузмакова, третьего учёного, который работал над «Прометеем». Вит уехал раньше нас с последним караваном по настоятельной просьбе Шелихова. Он вёз документы и точно такой же зонтик, – она указала на Кацэ, державшего в руках зонтик. – Он вёз всё это в Академию наук Соболевскому, но попал к американцам. Кругом предательство. Эти гады истязали его хуже фашистов. Теперь я не знаю, где мой товарищ. Мне удалось сбежать, обманув

этих американских уродов. Они нацепили мне на шею вот этот обруч, – Мара указала на замотанную тряпкой шею, – и сказали, что в нём взрывчатка, – девушка сдёрнула тряпку. Народ выдохнул и сделал шаг назад. Мара продолжила, повысив голос: – Они сказали, что, если я уйду, обруч разнесёт мою голову. Но я нашла в том доме гипс и облепила им обруч. После побега я пряталась здесь у одной доброй женщины, которая выслушала меня и поверила.

Мара замолчала, смело прошлась взглядом по толпе и сделала шаг вперёд:

– Женщина поверила мне! – её голос окреп до крика. – Теперь я призываю вас поверить генералу. Я точно знаю, что он честный человек. Ярослав жив! Зонт, который оставался с ним, здесь! Мы сделали всё, чтобы остановить ледник! Мы хотели спасти вас. Мы мечтали спасти мир! Это Ярослав назвал проект «Прометеем». Теперь я, беззащитная женщина, на шее которой закреплена взрывчатка, призываю вас помочь генералу и спасти самих себя! Я ничего не боюсь! – она указала пальцем на шею. – И вы ничего не бойтесь! Страшнее уже не будет!

– Нас всех убьют! – раздался из толпы чей-то истеричный возглас.

На этот раз рябой встал на сторону «заговорщиков»:

– А если не убьют, так всё равно скоро все сдохнем от голода и холода! Ты этого хочешь?

Его поддержала женщина с тяжёлой сумкой. Она развер-

нулась лицом к народу и крикнула:

– Кто-то погибнет. Но остальные будут жить свободными!

Командор, словно заправский оратор, почувствовал перелом в настроении толпы. Он мощно крикнул:

– Поэтому выбор простой – гордо погибнуть за свободу или бесславно сдохнуть в нищете и унижении. Я выбираю первое.

И его поддержали. Народ бурно выразил одобрение призыву генерала. Время выбора настало. Осталось сверить его с временем на часах цепов. Их не надо было звать. Они были уже здесь.

Через лес толпы к центру митинга ручейками пробирались хозяева Дна. Они прокладывали себе путь резиновыми дубинками точно так же, как это делают рубщики сахарного тростника.

Их было двенадцать человек. Двенадцать против трёх. А если реально оценивать бойцовские качества Кацэ – против двух с половиной. Цеп с тремя цепочками встал впереди. Остальные полукругом за ним. Их наряд был явно скопирован из кинематографа. Так в голливудских фильмах одевались байкеры пост-апокалипсиса: много кожи, металла, ремней и шипов. За спиной большинства цепов торчали стволы крупнокалиберных карабинов. Но в руках огнестрельного оружия ни у кого из них не было. Видимо бандиты привыкли, что им никто не смеет перечить. А для поддержания страха достаточно кнута и дубинки.

Трёхцепочечный подошёл вплотную к Калачову и, играя плетью, прошипел:

– Так-с, так-с. Непрошенные гости: старик, дрищ и красотка. Убери ногу с Покемона – ему дышать тяжело.

Покемон заёрзал, пытаясь встать. Но Алиса с силой вдавила в его тело каблук, и он затих, посчитав, что на время лучше прикинуться ветошью.

Главарь нагло ослабил:

– Вы знаете куда пришли?

– Знаем, – ответил командор. – И даже знаем зачем.

– Зачем?

– Мы пришли позаботиться о вас. Чтобы вы не в такой жуткой тюрьме сидели, как эти люди, – он указал рукой на толпу. – А сидели в камере с тёплой парашей, сытной баландой и мягкой шконкой.

Народ громко и дружно засмеялся. Впервые, после прихода этих странных людей, толпа открыто приняла их сторону.

Трёхцепочечный решил, что мирная беседа не добавит ему авторитета и решил сразу перейти к показательной порке. Он без предупреждения резко взмахнул плетью и попытался ударить командора. Результат для цепы оказался обескураживающим. В следующую секунду он, выпучив глаза, корчился, присев на колени и развернувшись лицом к народу. Плеть, оказавшаяся в руках генерала, сдавила горло бандита.

Остальные цепи явно не ожидали такого развития собы-

тий. Они зависли в замешательстве. Этим и воспользовалась Андреева, выхватив сразу два пистолета:

– Стоять! Стреляю сразу и наповал.

Пара цепов всё же решили проверить серьёзность её угрозы. Но тут же поплатились за это. Один затих навсегда. Другой корчился на грязной земле, издавая визги и стоны. Калачов скомандовал, обращаясь к толпе:

– Заберите у них оружие!

Волевой, громкий, уверенный голос генерала даже Целовальникова побудил к исполнению этого приказа. Но его притормозила Алиса, давая толпе самой решить, что делать дальше. Народ на секунду завис, зафиксировав рождение милиционера, и словно морская волна с шумом и явным удовольствием ринулся выполнять распоряжение нового вождя.

Всё-таки командор всегда прав. Прав на все сто. Перед уходом из конспиративной квартиры американцев он сказал: «Компромат – это хорошо. Разоблачение – ещё лучше. Но этого недостаточно. Народ будет бурно обсуждать всё это на кухне, но на улицу не пойдёт. Для того, чтобы всеобщее недовольство вылилось в реальный результат нужен организатор. Неплохо бы иметь какую-нибудь партию, объединение или хотя бы профком. Но в любом случае нужен вождь. Вождь, который своим примером поведёт за собой остальных».

Компьютерный гений подошёл к Калачову:

– Патрон, наша мушечка прислала интересное видео разговора Соболевского с Филиным.

– О чём?

– Они в панике и собираются бежать.

– Запускай.

Народ к тому времени отхлынул от безжизненных тел ненавистных цепов – каждый вволю вывалил на них свою ненависть и своё долгое унижение.

Вскоре поступил новый приказ командора:

– Идём к президентской резиденции.

В призыве он вскинул вверх кулак. Сотни рук ответили ему тем же. Решительный рёв народа был слышен далеко от этого места. Он явно достиг стен Государственной Думы. Возможно, его слышал и сам президент.

Народ с криками и призывами двинулся за своим вождём.

Кирилл, чуть провозившись с запуском видео в сеть, оторвал взгляд от гаджета и увидел только хвост колонны. Чуть в стороне одиноко стояла Мара.

– А ты чего не пошла? – на всякий случай поинтересовался Кацэ.

Девушка показала на горло:

– Боюсь, в толпе кто-нибудь зацепит, и гипс осыплется.

Кирилл подошёл к девушке, разминая и растирая руки, словно доктор перед предстоящей операцией:

– Ну-ка, ну-ка, давай посмотрим, что там у тебя?

Она опасливо переспросила:

– Ты в этом разбираешься?

– Будь спок. Я в этом дока. Сотни раз это проделывал.

Стой прямо и наклони голову вперёд. Ничего не бойся. И волосы убери с шеи – они мне мешают.

Встав за спиной девушки, компьютерный гений осторожно отломил кусочек гипса, пробормотал что-то на подобие «угу» и полез в рюкзак за наборчиком миниатюрных инструментов. Вытащив отвёрточку, он вскрыл полость ошейника и опять пробормотал:

– Ясненько.

Кацэ взялся за кусачки, намереваясь перекусить один из проводков. Кузнецова поинтересовалась:

– Это не опасно? Не взорвётся?

– Стой спокойно. Ты в надёжных руках, – он стал приспосабливать кусачки то к красному, то к полосатому проводу. – Если честно, никто никогда не начиняет подобные ошейники взрывчаткой. Это блеф, кукла. Скорее психологическое оружие, чем реальное.

Кацэ всё же выбрал красный провод и перекусил его. Затем растянул замок обруча. Показал его девушке:

– Я же говорил, что это кукла. Видишь? Больше не увидишь.

И запулил его как можно дальше. Ошейник залетел в кучу больших валунов, и тут же раздался взрыв. С неба посыпался каменный дождь. Мара и её освободитель машинально присели. Но, слава богу, никто не пострадал. Кирилл от неожиданности закашлял. Прокашлявшись, стал как ни в чём не бывало собирать инструмент. Закинув рюкзак за плечи, об-

ратился к девушке:

– Ну чего стоишь? Всё нормально. Всё позади. Идём?

Глава девяносто первая

27 апреля

Сочи, кабинет начальника ФСБ В Америку, Володя, в Америку...

Начальник ФСБ всё видел по головизору: и митинг с участием Калачова, и паникёрство Соболевского с Филиным.

Не-е-ет, с таким трусливым руководством мне в этом кресле не усидеть. Он взял в руку трубку, нажал кнопку и прислушался. И тут же в досаде бросил её на стол – тишина.

Гена, тварь, кто тебе помогает? Не может быть, чтобы никто не помогал. Китайцы? Что-то не похоже. Для этого не было никаких предпосылок. За китайцами мы пристально следим. Как ни за кем другим. Кто? Арабы? Полная ерунда. Кто-то внутри страны? Это совсем смешно. Здесь давно нет никого, кто способен даже фукнуть против ветра. Кто?

Не важно «кто». События развиваются по негативному сценарию. И развиваются стремительно. Даже вокруг здания ФСБ собралась нешуточная толпа. Конечно, ещё ничего не потеряно. Конечно, ещё всё можно сохранить. Всех покарать. Калачова устранить. Лучше даже наказать наглядно. Чтобы другим неповадно было. Но карту путают эти два уро-

да. Паникёры. Они сейчас сбегут. Сбегут, и на этом всё. Ничего уже не изменишь. И тогда Калачов наглядно казнит меня... чтобы другим неповадно было. Зачем я его отозвал из опалы? Дурак. Вообще-то до сего момента я считал этот вызов из «колхоза» умным ходом. Всё-таки именно действия Гены помогли выйти на Шелихова. М-да... Надо бежать. А иначе эти два трусливых шакала сядут в самолёт и смоются в Штаты. А мне улететь будет не на чем. Всё! Решено. Надо собираться. Впрочем, давно всё собрано. И родственники уже ждут не дождутся меня в Калифорнии.

Дверь открылась. Верочка – референт. Что за дурацкое имя «Вера»? Вера во что?

– Чего тебе?

– Глеб Олегович к вам просится Грязнов.

Грязнов, Грязнов... А, Грязнов! Вылетело из головы. Этот мелкий авантюрист, желающий подставить свою жадную глотку под любой подходящий источник наживы. Хе, за двумя зайцами... Так тебе и надо. Пусть проваливает.

Но Гаков не успел ничего сказать, как Алексей, оттеснив секретаршу, сам пролез в кабинет. Начальник ФСБ повторил свою фразу:

– Чего тебе?

Грязнов тут же присел рядом с Гаковым и быстро затараторил:

– Я хотел бы узнать у вас, когда вы платят причитающуюся мне премию.

Хе, а этот всё о том же. Наглец. Нагле-е-ец...

– Какую тебе, на хрен, премию? Сдурел что ли? Ты куда явился?

– Я к вам явился. Больше не к кому. Все остальные куда-то запропастились, либо просто увивают, кормя завтраками.

– С чего ты взял, что тебе кто-то за что-то выплатит хотя бы цент?

– Как? Это же я вам рассказал про «Прометей».

– Мне? – Гаков жестом показал, что его возмущению нет предела.

– Ну не вам, так американцам.

– Мальчик, ты куда пришёл? Ты в своём уме? Ты мне, директору Федеральной службы безопасности России, рассказываешь о продаже зарубежным спецслужбам главных секретов Родины? Ты знаешь, что это за статья?

Но Грязнов не испугался. Он откинулся в кресле и скривил губы:

– Да ладно вам! Вы не на первом канале. И не на трибуне Госдумы. Тем более, что все уже знают кто вы на самом деле. С утра только о вас, да о президенте по всем каналам лепят.

Наглец. Нагле-е-ец...

– Ладно, – голос Гакова стал не столь официальным и грозным. – Давай договоримся так: ты ко мне не приходи, и я ничего не слышал.

– А деньги?

Наглец. Нагле-е-ец...

– Деньги тебе в американском посольстве выдадут.

– Меня туда не пускают. Вы можете при мне позвонить

Бушу и договориться?

– Бушу? Американскому послу?

– Ну, хотя бы этому атташе по культуре.

Гаков уже было собрался послать наглеца куда подальше, но неожиданно придумал другой выход:

– Хорошо, я думаю, когда мы доберёмся до Америки, янки тебе всё выплатят сполна. Они держат слово.

Хозяин кабинета проследовал к шкафчику, в котором прятался сейф и вытащил из него чемоданчик системы «дипломат». Положив кейс перед посетителем, Глеб открыл его. Он был забит баксами.

– Это тебе сверх обещанных за «Прометей». За ними ты не будешь бегать, оббивая пороги. Через два часа мы с тобой летим в Штаты. И ты полетишь уже со стартовым капиталом. Как тебе такая перспективка?

Лёха с трудом оторвал взгляд от дипломата:

– Но это же не за просто так?

– Конечно, «не за просто», – Глеб Олегович ловко захлопнул кейс и бросил его на своё кресло. – Мне звонила сама Леа Джайзани. Знаешь, кто это? – не получив утвердительного ответа, Гаков присел на краешек стола и пояснил, таинственно понизив голос: – Это директор ЦРУ. Самолично. В разговоре речь заходила и о тебе, – Глеб Олегович сделал многозначительную паузу. – Леа сомневается, что ты заслу-

жил столь кругленькую сумму, – опять пауза. – Но я её уверил в обратном, – пауза. – Почти уверил. Для полной уверенности не хватило маленького штришка, – снова пауза. – Так вот! – Гаков с удовольствием хлопнул в ладоши и потёр руки. – Теперь от моего окончательного «штришка» зависит, получишь ты свои баксы или нет. Я готов тебе помочь и обещаю, что по прилёте в Америку смогу убедить Джайзани, что ей стоит раскошелиться. Но сделаю это только в одном случае, – Глеб Олегович буквально сканировал покрывшегося испариной собеседника.

Тот переспросил:

– В каком?

Гаков ничего не ответил. Он дошёл до своего стола и выдвинул ящик. В руках его блеснул пистолет. Он снова вернулся к краю стола:

– Услуга за услугу. Я возьму тебя на борт самолёта и в дальнейшем похлопочу за тебя. А ты пристрелишь Калачова, – начальник ФСБ разжал руку парня и сунул ему пистолет. – Договорились?

Алексей испуганно уставился на оружие, а затем пролепетал:

– Но я же не умею.

– Ничего сложного. Научить?

– Не надо. Я не стрелять – я убивать не умею.

Глеб улыбнулся:

– Никто этому не учится. Надо просто навести мушку, и

нажать курок. И сразу после этого – ты уже умеешь. Ну так что – хочешь в Америку? Решайся: или всё, или ничего.

На Лёху трудно было смотреть без слёз. Он был жалок и напуган. Наконец парень выговорил:

– А вы не обманете?

– Я? – на лице начальника ФСБ отразилась крайняя степень обиды. Он вновь сходил к чемоданчику и вернулся с пачкой долларов. Повертев ею перед носом Грязнова, сунул деньги в Лёхин карман:

– Это тебе задаток. Учти, эти деньги тебе даёт не Леа. Эти деньги тебе плачу я. А Гаков пока ещё никого не обманывал. Ну что: да, нет?

Лёшка натужно вздохнул:

– А как я его пристрелю? Даже не представляю.

Глеб махнул рукой, мол, ничего сложного:

– Ты же видел, какая там вокруг Калачова толпа собралась. Никто и не заметит твоего выстрела.

– Но услышит. И тогда мне несдобровать.

Гакову надоело уламывать парня. Он подхватил его и поволок к дверям:

– Я так понял, что о главном мы с тобой договорились. Пистолет с секретом. Стреляет беззвучно, – соврал начальник ФСБ. – Да, да – без глушителя, но совершенно бесшумный. Шпионские технологии. Иди на митинг и возвращайся через час. Только не опоздай. Я тебя жду ровно час, а затем лечу на вертолёте в аэропорт.

Приобняв Лёху, он «проволок» его мимо Верочки, вызвав у неё явное удивление. Ни с кем до этого начальник не позволял себе такую фамильярность. Подведя Грязнова к дверям в коридор, Гаков снова напутствовал:

– Ну, всё, иди. И возвращайся героем. Это твой главный шаг в жизни к славе и богатству, – Глеб Олегович вытолкнул парня в коридор, крикнув напоследок: – У тебя ровно час. Поторопись!

Захлопнув дверь, резко выдохнул воздух и пожаловался секретарше:

– Ох и работка у меня. Ох и работка. Принеси чашечку кофе. Только по-быстрому, я вскоре уезжаю.

В кабинете он возмущённо помотал головой. Вот ведь народ! Каждый норовит урвать. Гаков выдвинул ящик и достал из него пачку долларов. Затем спокойно возместил недостачу в кейсе. И так, всё готово. Где там Нутрецов запропастился?

Новоиспечённого генерала он час назад отправил в СИЗО за Шелиховым.

Давай, Вован, давай! Времени осталось совсем мало. Уже через полчаса приземлится борт. Заправка, то сё – ещё как минимум минут сорок. Чёрт, всего лишь час с небольшим! Время торопит. Надо не позволить этим уродам смыться из России без меня.

Дверь в приёмной хлопнула и тут же на пороге нарисовался запыхавшийся Нутрецов:

– Всё готово, привёз.

Гаков бодро вскочил и, подойдя к генералу, энергично пожал его руку:

– Молодец! Молодец. Кофе будешь? Хотя не до него. Что там на улице?

Володя потряс головой:

– На улице полный швах. Ни проехать, ни пройти. Нам пришлось окольными путями пробираться. Что-то грядёт. Да? – он подобострастно заглянул в глаза шефа.

Начальник, по-отечески похлопал его по плечу:

– Ничего Володя, мы ещё сюда вернёмся, – уловив недоумённый взгляд, тут же продолжил: – А пока вынужден тебе сообщить, что мы улетаем.

– «Мы»? Куда?

– В Америку, Володя, в Америку. Куда деваться, если в этой стране такой бардак? Короче, я сейчас еду к президенту вместе с Шелиховым. Посади в мою машину изобретателя и пару толковых ребят. А сам пулей лети домой. Собирай вещички, семью, документы и самостоятельно добирайся до аэропорта. Через... – Глеб взглянул на часы. – Через пять с половиной часов вылет. За полтора часа до вылета я тебя буду ждать в VIP-терминале. Смотри не опоздай. Действуй! Время пошло, – при этом он ловко выгреб ногой из-под стола шесть одинаковых кейсов. – Это отнеси в мой джип.

Глава девяносто вторая

27 апреля

Сочи

Здравствуй, Америка!

Толпа беспрепятственно следовала за своим вожаком по центральным улицам города. Она направлялась к резиденции президента. Полицейские куда-то попрятались. Зато люди, перестав шептаться на кухнях, смело вышли на улицу и ручьями вливались в реку беженцев. Вот кто реально правит миром: компьютерные гении!!! Последнее видео с трусливым президентом и его замом воздействовало на всех больше всяких привычных компроматов и разоблачений. «Они боятся и собираются бежать!» – оценивали ситуацию люди, выходя из своих квартир. «Они боятся и собираются бежать!» – размышляли полицейские, снимая мундиры и облачаясь в гражданское.

Лёха догнал колонну около парка Ривьера. Он пристроился в хвост и, выкрикивая на ходу лозунги «долой», «хватит терпеть» и «давай-давай», постепенно перебрался ближе к голове колонны. Дорога шла вверх по Виноградной улице, и Грязнову вскоре стала отчётливо видна фигура Калачова.

«Сейчас, гад, я тебе отомщу за унижения на допросе и за то, что ты меня посадил в СИЗО, где надо мной все издевались. Сейчас, сейчас», – настраивал себя Алексей.

Он весь извёлся и изнервничался. Руки тряслись, тело онемело, липкий пот промочил одежду. В какой-то момент Лёха решил уйти. Но тут же вспомнил о Флориде, обещанных американским послом миллионах и о чемоданчике Гакова.

Самолёт! Я опоздаю! Эта мысль торопила. Надо сделать всё быстро. Сделать и сразу уходить, пока никто ничего не понял. Он приготовил пистолет, но никак не мог решиться. Блин, как трудно оказывается это сделать. И главное, страшно. Сзади натужно сигналили автомобили. Звук становился явственнее. Алексей оглянулся. Ну точно, два здоровых чёрных джипа постепенно приближались к нему. Они словно корабли в море раздвигали толпу на две волны. Ну что за наглецы! Что за уроды! Другой дороги что ли нет? Зараза, сейчас из-за них Калачов обернётся и увидит меня. Автомобили сигналили уже совсем рядом. Зараза, они сорвут мне всё! Надо решаться. Сейчас или никогда. Сейчас или никогда. Ай! Сейчас! И он почти не целясь нажал на курок. Выстрел грохнул, словно гром среди ясного неба. Толпа буквально отпрыгнула во все стороны. Лёшка понял, что промедление смерти подобно и ринулся в самую гущу. Чьи-то руки пытались его схватить. Чьи-то глаза недоверчиво взирали на него. И снова руки, глаза, тела, руки. Он продирался

сквозь толпу, пытаясь попасть на периферию, где никто ничего не видел, а только слышал.

– Ты чего? – ухватил его за куртку крепкий мужик, которого он нечаянно в суматохе боднул.

Лёшка не стал препираться. Он указал рукой вперёд и с криком «вон он!» вырвался из цепких рук мужика, побежав дальше.

Во Флориду! Во Флориду! Эта мысль стучала в висках, придавая силы. Он свернул на улицу Цурюпы и бежал до тех пор, пока в глазах не замаячили тёмные пятна. Лёшка остановился, согнулся пополам, натужно дыша, и оглянулся назад. За ним никто не гнался. Сделано! Здравствуй, Америка!

Глава девяносто третья

27 апреля

Сочи

«Прометей» больше нет...

Автомобиль с трудом продавил коридор в толпе, окружившей территорию ФСБ. На заднем сидении в окружении бойцов сидел Шелихов. Глеб разместился рядом с водителем. Он с раздражением глазел в окно.

Чего сюда-то припёрлись? Здесь, что, мёдом намазано? А, точно! Это же Гена запулил в сеть мультку о дармовых харчах. Кретины. Подумали бы своей тупой башкой, откуда в ФСБ гуманитарная помощь? Ладно, надеюсь, что подобного дурдома я в своей жизни больше не увижу.

Центральные дороги были забиты народом под завязку, и водитель свернул на второстепенную улицу. Большие дома закончились, пошёл частный сектор. До автострады на Адлер оставалось рукой подать. Здесь Глеба и поджидал сюрприз.

Из проулка выскочил огромный джипяра и перегородил дорогу. Сдать назад не получилось, потому что там машину Гакова подпёр собрат первого вездехода. Дальнейшие со-

бытия развивались столь стремительно, что Глеб Олегович запомнил только фрагменты. Из машины, словно горох из опрокинутой банки, высыпали люди в масках. Тут же раздались выстрелы. Двери распахнулись и всё...

Очнулся он уже на холодном асфальте. С его позиции хорошо просматривались колёса и чьи-то ноги, суетившиеся возле его джипа. Все двери, капот и багажник автомобиля были распахнуты настежь. Из салона свисало тело мёртвого спецназовца. Водителя не было. То ли сбежал, то ли пристрелили.

– Твари! – Гаков с трудом поднялся и, качаясь словно пьяный, заковылял к машине.

Он достал пистолет и, не целясь, стал пулять в людей, облепивших автомобиль. Туман, застилающий глаза, не позволил попасть хоть в кого-нибудь. Народ врассыпную рванул в разные стороны. Некоторые размахивали на ходу знакомыми до боли кейсами. На них не было ни масок, ни экипировки. Это были явно не те, кто напал на него.

– Твари! – Глеб Олегович стрелял до тех пор, пока не кончились патроны.

Мародёры мгновенно растворились, и улочка словно вымерла. Что делать? Деньги украли, изобретателя увезли. Кто? Где-то на подсознании всплыли детали: миндалевидные глаза в прорезях балаклавы, жёлтый цвет открытых участков кожи и непонятная речь, явно восточного происхождения. Китайцы! Твари!

Гаков выкинул из машины трупы спезназовцев и захлопнул все двери. Что делать? С Шелиховым или без него – но на самолёт надо успеть. Твари! Ничего, ничего – на счетах зарубежных офшоров достаточно средств. Ничего, ничего – главное успеть до вылета. Я ещё отомщу. Я всем отомщу!

Он собрался захлопнуть капот, но в последний момент понял, что этот автомобиль уже никуда не поедет. Воришки слямзили из двигателя всё, что можно слямзить: провода, фильтры (зачем?), аккумулятор, ремень генератора.

– Твари!

Пешком он ковылял минут пятнадцать. Очень ныла нога. Голова болела ещё больше, но эта боль не мешала идти. Как назло, улица была пуста. Неожиданно из-за поворота вырулил электросамокат, которым управлял подросток. Удар ребра ладони в шею – мальчишка корчится от боли, а его самокатом уже управляет начальник ФСБ. Выжав из двухколёсного транспорта всё, что можно, Глеб вскоре вырулил на скоростную магистраль, соединяющую Сочи и Олимпийскую деревню.

Нет, на этом средстве передвижения я точно не успею.

Решение родилось само собой. Он соскочил на обочину, а самокат направил под колёса ближайшего автомобиля. Тот резко затормозил, тем не менее, переехав малютку. Но в него тут же врезался следующий транспорт. И сразу пошла цепная реакция. Резкое торможение и удар, визг тормозных колодок и удар, пронзительный сигнал клаксона и удар. Вско-

ре у Гакова появился выбор. Он подошёл к почти не пострадавшему красно-чёрному спорткару и направил пистолет на водителя.

Через минуту генерал мчался на всех порах туда, где вскоре должен был состояться взлёт американского авиалайнера.

И всё же он опоздал. Когда, бросив машину на стоянке, Глеб добежал до стойки регистрации VIP-терминала, ему заявили, что самолёт уже совершает рулёжку и посадки больше не будет. Не помогли ни угрозы, ни удостоверение директора ФСБ. Самолёт иностранный и без особой причины его никто остановить не в праве.

Хорошо, будет вам «особая причина» проворчал Гаков и кинулся к брошенной машине. Сначала он хотел взять оставленный в спорткаре пистолет и с ним вернуться к ненавистным работникам терминала. Но подумав, что от этого шансы улететь особо не возрастут, решил действовать по-другому. VIP-парковку автотранспорта от стоянки авиалайнеров отделяли бордюр, газон, металлический забор, газон, бордюр.

Парковка была пуста. Отогнав спорткар в дальний угол, Гаков нажал педаль газа до пола. Шестисотсильный мотор Астон Мартина натужно взревел. Колёса в сумасшедшем дрifte выпустили облако жжёной резины, и из этого облака пулей вылетел столь любимый Джеймсом Бондом автомобиль. Он подлетел на бордюре, напрочь снёс забор из т.н. евросетки, взрыл следующий газон, раскидав по сторонам комья дёрна, и, наконец, выскочил на асфальт лётного поля.

Проскочив под парочкой припаркованных самолётов, спортивный вырвался на простор рулѐжных полос. На предельной скорости он бросился в погоню за американским лайнером. Престижный маломестный «Гольфстрим» в это время только вывернул на ВПП и начал разгон. Мартин его легко догнал. Поравнявшись с кабиной, Гаков высунул в окно руку с пистолетом и стал знаками показывать лётчикам, что он сделает, если самолёт не остановится. Первый знак означал: «Я буду стрелять по колёсам». Второй: «Я буду стрелять по кабине». В иллюминаторах показались испуганные лица Соболевского и Филина. Глеб махнул им рукой, чтобы те бежали к лётчикам и заставили остановить самолёт. Для остротки он всё же пальнул пару раз в сторону шасси, но пока не прицельно. Лица товарищей по несчастью тут же исчезли и буквально через пару секунд лайнер начал торможение. Люк открыли и Гаков смог беспрепятственно подняться на борт. Он прекрасно понимал, что возвращаться в аэропорт, как это положено по регламенту, ни в коем случае нельзя. Их могут задержать. А это всей троице было противопоказано. Поэтому Гаков оттолкнул стюарда и смело шагнул в кабину. Наведя дуло на командира корабля, он приказал:

– Взлетай!

Но пилот развёл руками и пожал плечами, давая понять, что не понимает русского языка. Тогда Глеб крикнул:

– Филин, иди сюда!

Подошедший вице-президент перевёл фразу, а следом и

ответ:

– Взлететь не удастся при всём желании. Не хватит полосы.

– Взлетай, я сказал!

– Мы должны вернуться.

– Если ты сейчас не начнёшь взлёт, я прострелю ему башку, – Гаков схватил в охапку стюарда и приставил к его голове пистолет. – Взлетай, я сказал! Считаю до пяти! Раз, два, три...

– Хорошо, хорошо! Взлетаем!

Полосы хватило, и лайнер взмыл в голубое сочинское небо...

... Алексей в полном унынии наблюдал за улетающей мечтой. На глазах самопроизвольно выступили слёзы. Это конец, меня предали... За что? Меня-то за что? Но неожиданная вспышка в небе моментом заставила позабыть обо всём. Это то, что я думаю? К стеклянной стене терминала, содрогнувшейся от мощного раската грома, бежали все, кто в нём находился. Да, это был взрыв лайнера на взлёте и ничто другое. «Как мне повезло», – без особого энтузиазма тихо проворкотал Лёха...

... На плоской крыше старого заброшенного отеля стоял ничем не приметный мужик. Он мало отличался от бомжей, заселивших помещения отеля – такой же грязный, такой же

бородатый и такой же оборванный. Только в руках его была не сумка для сбора объедков и пустой тары, а металлическая труба с блоком лазерного наведения. Мужик приложил ладонь к глазам и вглядывался в лазурное небо. Наконец он убрал руку, довольно кивнул и пробормотал:

– Фаттах будет доволен. Я усладил его желание. «Прометей» больше нет.

Глава девяносто четвёртая

27 апреля

Сочи

**Там, где вместо
голоса говорит сердце**

Схватив Шелихова, бойцы китайского спецназа двинулись по направлению к конспиративной квартире. По случайному совпадению она находилась в Новом Сочи в каких-то трёх кварталах от американской квартиры. Поэтому добираться туда им пришлось по Виноградной улице. По той самой улице, по которой повёл народ Калачов. На подъёме в гору джипы уткнулись в толпу. Объезд был не близким, поворотов на этом участке вплоть до улицы Цурюпы не наблюдалось. Поэтому командир китайского спецназа приказал пробираться напрямую. Натужно гудя клаксонами и демонстративно взвывая высокими оборотами двигателей, автомобили медленно продирались через людской поток. Когда до головы демонстрации оставалось не более десяти метров им всё же пришлось тормознуть. На асфальте лежал окровавленный человек, вокруг которого суетились женщины-

ны. Толпа, окружившая раненного, стояла плотной стеной и не собиралась уступить дорогу. Китайцы прильнули к стеклам, осматривая территорию и решая, что им делать дальше. Хлопотавшая над телом женщина встала, сняла шаль и накрыла им окровавленное лицо пострадавшего. Командир китайцев прекрасно понял, что это означало. А труп можно и подвинуть. Он дал команду, и водитель надолго надавил клаксон.

Маша стояла как раз напротив второго автомобиля. Она отошла от своих спутников, так как не хотела находиться рядом с убитым человеком. Нетерпеливый сигнал автомобиля возмутил её и привлёк внимание к сидящим в машинах наглецам. Китайцы какие-то... Или не кита... Ярик! На заднем сиденье внедорожника, зажатый с двух сторон азиатами, сидел её Ярослав. Славка! Она тут же прилипла к стеклу вездехода и стала стучать по нему кулачками. Ярик! Славка! Ярик! Возбуждённый мозг ничего не соображал. Была только пьянящая радостная эйфория от увиденного. Он жив! Он жив! Это правда! Ярик!

Китайцы не поняли, что кричала эта русская девушка. Но они осознавали, что им ни в коем случае нельзя привлекать к себе внимание. Спецназовец, сидевший рядом с водителем, что-то приказал тем, кто находился рядом с Шелиховым. Один китаец повернулся спиной к оконному стеклу, в которое стучалась Мара. Другой не нашёл ничего лучшего, как накинуть на голову пленника чёрный мешок.

Крики девушки всё же привлекли внимание людей. Командор, стоявший возле трупа того самого дотошного мужика, сказал Алисе с Кириллом:

– Посмотрите, что там.

Подчинённые тут же быстрым шагом направились к Кузнецовой. Но дальнейшие действия китайского вездехода заставили их бежать со всех ног. Джип внезапно газанул и, распугивая людей, попытался объехать своего авто собрата. Взобравшись одним колесом на газон, ломая ветки деревьев и срубив у первого джипа зеркало заднего вида, он ринулся удирать.

– По колёсам! – крикнула Алиса, выхватывая пистолет.

Машина была совсем рядом, поэтому промазать надо было умудриться. Колёса выпустили воздух. Джип по инерции добрался до поворота на ту самую кривую улочку, по которой убежал Грязнов. Но дальше ехать на спущенных камерах он не смог. Китайцы тут же высыпали из салона и стали палить из всех стволов. Два бойца тащили Шелихова, а водитель и пассажир переднего сидения прикрывали их. Силы были неравными: четыре штурмовых автомата против двух пистолетов. Но Алиса и Кирилл не отставали. Перебежками от каменного забора к мусорным бакам, от баков к дереву и от дерева к оставленному рабочими дорожному катку они сохраняли дистанцию, ведя при этом прицельный огонь. Алисе удалось подстрелить водителя. Пуля раздробила его колено. Он дико заорал и рухнул на асфальт. Но, совладав

с болью, откатился за колесо ближайшего припаркованного автомобиля и оттуда, словно из дзота, стал стрелять очередями, не давая ребятам шанса на продвижение вперёд. Это вынудило Алису на отчаянный шаг.

– Прикрой! – крикнула она Кириллу.

Кацэ высунулся из укрытия и выпустил в сторону китайца три пули, заставив того на время затаиться. Этого Алисе хватило, чтобы совершить задуманный маневр. Она запрыгнула на багажник ближайшего седана. С его крыши на следующий автомобиль и наконец на крышу того самого, за которым прятался раненный водитель. Китаец услышал топот, но из-за раны не смог оперативно среагировать. Когда он приподнялся и вскинул автомат вверх, пуля, выпущенная из пистолета Алисы, уже пробила его лоб со всеми вытекающими из этого последствиями. Китаец рухнул, его оружие загремело по асфальту. Алиса подхватила автомат и продолжила преследование. Противник не успел за это время удалиться на достаточное расстояние. Ярослав не собирался помогать своим похитителям и совсем не перебирал ногами. Поэтому бойцам из восточной страны приходилось его тащить в буквальном смысле этого слова. Увидев трудности своих коллег, третий китаец занял удобную позицию за очередным изгибом улицы и не позволил преследователям продвинуться ни на шаг...

...В это время события на Виноградской развивались сле-

дующим образом. Командир китайского спецназа, увидев маневр заднего джипа, приказал водителю переехать труп и догнать машину с Шелиховым. Для огромных колёс вездехода, лежащий на асфальте человек не препятствие. И внедорожник с китайцами благополучно мог скрыться, если бы не Калачов. Когда джип рванул вперёд, перескакивая через убитого Лёхой мужика, генерал отскочил в сторону, чтобы не попасть под колёса, и тут же ловко выхватив пистолет, всадил пулю точно в висок водителя. Машина на всём ходу врезалась в дерево. Генерал преследовал её, не переставая вести пальбу. Ему удалось завалить ещё двух бойцов, когда они выскакивали из салона. Но двое других всё же успели укрыться за ближайшими деревьями и стали отстреливаться. Начавшаяся бойня навела на толпу панику. Люди с криками ужаса бросились бежать и прятаться. Только три человека, завладевших до этого оружием цепов, не убежали. Они поддерживали генерала огнём своих карабинов. Калачов крикнул:

– Сможете продержаться десять минут и не позволить этим уродам уйти?

Ближайший стрелок ответил за всех:

– Сможем.

– Мне надо спасти Шелихова. Но я вернусь! На счёт три начинайте стрельбу. Раз, два, три!

Помощники открыли ураганный огонь, не давая китайцам высунуться. Калачов вскочил и на всех парах рванул прямо по Виноградной улице. Он хорошо знал географию Сочи.

Пробежав метров сто, командор свернул во дворы. За ними проходила та самая кривая улица Цурюпы, по которой отступали китайцы с захваченным Шелиховым. Командор был в хорошей физической форме. Он ловко перемахнул через забор внутренней территории элитного небоскрёба, пронёсся по его территории и перепрыгнул шлагбаум. Сделав это, он оказался впереди спецназовцев, тащивших Шелихова. Они никак не ожидали увидеть перед собой человека с пистолетом и упустили свой шанс на спасение. Два прицельных выстрела генерала и пленник перестал быть таковым. Третий китаец бросил автомат и поднял руки.

Возвращение команды генерала толпа встретила овацией. Калачов запрыгнул на крышу китайского внедорожника и крикнул:

– Вы спрашивали с нами ли Шелихов? Отвечаю – с нами! Вот он! – генерал указал рукой на Ярослава, стоящего рядом с Алисой и Кириллом. – Вот он наш Прометей. Мы его никому не отдадим! – командор вновь указал на изобретателя, но того и след простыл. Геннадий Васильевич улыбнулся и уже не так громко добавил: – Кроме любимой женщины.

Ярик и Мара бежали навстречу друг к другу... Нет, не бежали – летели... Даже не летели, а... Да, трудно подобрать слова, когда видишь такое. Глядя на их счастье, абсолютно все женщины смахнули участливую, ностальгически завистливую слезу.

Командор спрыгнул с джипа и остановился, продолжая

наблюдать за влюбленными. Алиса сделала шаг к нему и наставительно произнесла, едва разжимая губы:

– Мой генерал, нельзя так смотреть. Это не прилично. Геннадий Васильевич...

Но Калачов продолжал стоять всё в той же позе. К нему тут же подошёл Кацэ, увлечённо уткнувшийся в свой голофон:

– Патрон, ты будешь смеяться, – Калачов не отводил взгляд от влюблённых, а Кацэ продолжал смотреть на экран своего гаджета. – США и Евросоюз уже осудили «кровавый государственный переворот в России» и объявили о непризнании нового «неконституционного» правительства. Видимо, сейчас санкции начнут вводить.

Патрон молчал. Кирилл недоумённо взглянул на него:

– Патрон, ты не слышал, что я тебе говорю?

– Слышал, – Калачов сгрёб парня в охапку. – Хрен с ними, пусть вводят. Это их дело – нам-то что? И брось отвлекаться на всякую ерунду. Ты лучше посмотри на Машу с Ярославом. Вот это событие. Вот это красота! Как они любят друг друга! Нет, дорогой мой, – Калачов с силой вжал парня в своё плечо, – этот мир не погибнет. Не погибнет, раз в нём живёт любовь. Она непобедима. Её не одолеть, – он мечтательно вздохнул. – Всё вновь расцветёт, заблагоухает, заколышется на тёплом ветру. Полетят бабочки, – генерал интерпретировал свою аллегорию движением пальцев раненой руки, – запоют птахи, полетят гуси. Всё наладится. И мы с тобой ска-

жем вслед за классиком: «Любовь спасла мир».

– Классик сказал: «Красота спасёт мир».

Калачов пристально взглянул на парня:

– Да, он так сказал? Да какая разница? В данном случае, красота и любовь – это синонимы.

А Мара и Ярослав продолжали стоять, обнявшись и уткнувшись друг в друга лбами. Они ничего не видели и не слышали. Они были далеко. Они были там, где человеческая речь не слышна. Там, где вместо голоса поёт сердце.

Глава девяносто пятая

29 апреля

Сочи, резиденция

президента Бочаров ручей

Всё перевернулось с ног на голову

Алиса вышла из президентской сауны и плюхнулась в прохладный бассейн:

– Ай, как хорошо! Ой, как здорово!

Сделав пару кругов, девушка грациозно поднялась по лесенке и остановилась, явно ожидая реакции на своё появление. Ничего. Странно. Она выразила гримасой недовольство и удивление. После чего крикнула:

– Э-ей! Я вышла!

– Хорошо, – Кацэ был поглощён сервировкой стола.

– У меня нет полотенца.

– Возьми банный халат.

Рядом с бассейном на шезлонге лежала стопка махровых халатов.

– «Халат»?

– Конечно. То же самое полотенце, только с рукавами.

Девушка цыкнула, вытерлась халатом, повесила его на шезлонг и подошла к столу, над которым хлопотал Целовальников. Он наконец отреагировал на её явление:

– Ох, какая соблазнительная! А почему в купальнике?

Взгляд девушки был прикован к столу, заставленному деликатесами:

– А ты бы хотел, чтобы офицер ФСБ при тебе голым ходил?

– Почему «ходил»? Ходила. Было бы не плохо. Но я боюсь, что ты в мокром купальнике простудишься. Принести сухой халат?

– Нет, мне и так жарко.

– Тогда сейчас!

Кирилл убежал и, вернувшись, услужливо развернул новую белую рубашку:

– Для парада приготовил. Но сейчас повод не хуже.

– Ой, ты какой заботливый, оказывается, – Алиса с показным удовольствием сунула руки в рукава и застегнула сорочку на три нижних пуговицы.

В глазах парня отразилось восхищение:

– Есть ли в этом подлунном мире что-либо более соблазнительное, чем девушка, на которой одета только мужская сорочка?

– Есть. Если эта сорочка на три размера ей велика. А твоя мне едва в пору. Ох и дрищ ты, Киря!

– Зато шустрый! Чпок! – Кирилл ловко открыл банку с

пивом, наполнил бокал и с довольной гримасой на лице подал девушке:

– Извольте, госпожа, восстановить водно-соляной баланс в вашем чертовски хорошеньком организме.

Девушка улыбнулась и, сделав с явным удовольствием несколько глотков, присела на вовремя подставленный стул.

Она вновь с интересом стала разглядывать сервировку:

– Ого-го! Раки, пиво, рыбка, ветчина, икра! Ты где-то раздобыл скатерть-самобранку?

Кирилл поднёс к губам палец и шёпотом произнёс:

– Да тише ты!

– Чего ты боишься?

– Ни «чего», а кого. Калачова, естественно. Ты знаешь, что он вчера сделал?

– Нет, я целые сутки безвылазно занималась новыми проектами. А что он сделал?

Кацэ скривил рожицу и повертел пальцем в районе виска:

– Совсем старик сбрендил. Он опечатал президентские склады и приказал рассортировать все имеющиеся там продукты по продуктовым пайкам. А затем раздать всё по приютам, больницам и детским домам.

– И правильно сделал, – с нажимом на «правильно» заметила девушка.

– О! И эта туда же. А нам что делать? На голодный желудок мы этот «Прометей» ещё сто лет запускать будем.

– Ничего, выкрутимся как-нибудь, – девушка устала

взгляд на изобилие яств, активно потёрла ладошки и ухватила с тарелки бутерброд с белорыбицей. Но донеся до рта, замерла: – Постой, если он всё опечатал – то это богатство откуда?

– Я и говорю: тс-с. Он здесь ещё не был. А здесь свой бар имеется. И холодильные камеры при баре. Я туда сунулся и чуть не замёрз. Уходить не хотелось при виде всего этого великолепия.

Алиса вернула бутерброд на тарелку и отодвинула её от себя как можно дальше:

– Ну и жук ты оказывается.

– Чего ты? Я для тебя старался.

– Перестарался. Для всего, что ты сделал, есть только одно определение. Это, дорогой мой, крысятничество.

После её слов наступила тягостная тишина. Девушка молчала – поведение Целовальникова её сильно разочаровало. А парень молчал, потому что обиделся.

Крысятничество?! Это всё для тебя! Я и хлеба с морковным чаем пожую. Выходит, я крыса? И это после того, что я для всех сделал? Неужели я не заслужил одного тёплого, сытого вечера с любимой девушкой? Вот взяла и просто так походя опустила меня ниже городской канализации. За что?

Не захотев оправдываться перед Алисой, Кирилл включил головизор. На экране с трибуны большого зала Госдумы выступал Калачов:

– Цивилизация существует с тех самых эпических времён,

когда Прометей подарил человечеству огонь. Но никогда до сих пор в нашей цивилизации не было полной справедливости. Меньшинство всегда жировало за счёт обездоленного большинства. Мы, надо быть реалистами, тоже не сможем выправить этот перекося. По крайней мере, сразу. Для этого должны произойти коренные изменения в обществе и в экономике. До полной справедливости человечество ещё не созрело. Но это не означает, что бороться за справедливость никто не должен. Наоборот, мы обязаны это делать! Надо бороться всегда и повсеместно. Эта задача должна стать главной и для силовых структур, и для юриспруденции, и для руководства страны. Надо постараться в наших условиях сделать государство таким, чтобы оно было справедливым для всех, без ссылки на табель о рангах...

Сразу после бегства Соболевского Калачов развёл бурную деятельность. Он организовал Временный совет, которому принадлежала вся полнота власти до выборов президента и депутатов Государственной Думы. Прежний состав парламента был распущен, как не справившийся с возложенными на него задачами. Новые выборы назначили на 23 сентября. Была объявлена свободная регистрация новых партий, объединений и беспартийных выдвиженцев. Во Временный совет, кроме самого Калачова вошли Шелихов, Кузнецова, Целовальников, Андреева и ещё с десятка людей, привлечённых командором. Совет отменил все законы, принятые Соболевским и его гоп-компанией и объявил о принятии но-

вого пакета законов, которые будут действовать до выборов. Разработкой одного из таких законов занялась по поручению командора Алиса. Об этой круглосуточной работе она и говорила Кириллу. Девушка разрабатывала закон о коррупции. По нему любого государственного служащего можно было проверить, спровоцировав на взятку. Во всех государственных учреждениях устанавливались скрытые камеры, в том числе в кабинетах руководителей высшего эшелона власти. Контролирующим органам вменялась тщательная проверка всех средств, поступающих на счета служащих и их родственников. Любые переводы в зарубежные банки могли быть осуществлены только после одобрения ФСБ и Центробанка. На вопрос Алисы: «Не слишком ли мы круто?» Командор ответил: «Не воруйте и не берите взяток. Если выполняешь эти два условия к чему беспокоиться?»

Сам Калачов занялся чисткой рядов силовых структур. Их зарплата значительно выросла, но штат сократился вдвое. Дальше он запланировал упразднение многих должностей во всех государственных органах, ссылаясь на то, что «за последние десять лет население страны сократилось в десять раз, а количество управленцев при этом возросло».

Пока девушка отвлеклась на экран, Кирилл украдкой сунул в рот бутерброд с икрой. Прожевав и сглотнув, решил прервать напряжённое молчание:

– Красиво излагает. Никогда не думал, что наш командор ещё и пламенный трибун.

Алиса никак не отреагировала, продолжая следить за выступлением генерала. Кирилл помялся и спросил:

– А как ты относишься к Калачову?

На этот раз девушка перевела взгляд на него:

– К чему ты это?

Кирилл и сам уже понял, что выбрал не ту тему для примирения, но всё же продолжил её развивать:

– Да... не раз ловил твои взгляды в его сторону.

– «Взгляды»? У меня были «взгляды»? – она не думала, что в её «взглядах» сторонний наблюдатель мог заметить хоть что-то.

«Даже интересно, – подумала Алиса, – неужели я не умею скрывать свои мысли и чувства?»

– Да, были. Я почему и спросил. Ты часто как-то странно на него смотрела. И главное, по-разному. То с восхищением. А иногда мне казалось, что ты его презираешь, – он цыкнул и повёл головой. – Я бы даже сказал – ненавидишь.

Девушка не дала развёрнутый ответ. Она мрачно отрезала:

– Он убил моего отца.

Но Кацэ тут же отреагировал:

– Отравил? С чего ты взяла?

– Это ты с чего взял? Я не говорила про отравление, – увидев, что парень напрягся, Алиса пояснила: – Он избил его до полусмерти. И папка скончался в больнице.

Кацэ внимательно посмотрел на девушку, смело взял в ру-

ки очередной бутерброд и веско заявил:

– Вот тут ты как раз ошибаешься.

– Я?

– Ты, ты! Ты, Алиса Константиновна, майор ФСБ ошибаешься насчёт генерала ФСБ Калачова. Он не убивал твоего отца. Мы же говорим про те самые события, связанные со смертью Костина?

Девушка насупилась и чётко выговаривая, спросила:

– Ты-то откуда знаешь?

Целовальников засунул бутерброд в рот и совместил серьёзный разговор с употреблением вкусной пищи. Он стал говорить быстро и миролюбиво, прерываясь на пережёвывание:

– Извини, не удержался. Руки машинально сунули эту вкуснотень в рот. А знаю я об этом, так как у меня есть документы. Мне их передала Лиза. Да ты же помнишь про компромат Джужомы! Где он сам, интересно?

– Не отвлекайся. И дожди, в конце концов, свой бутерброд, а то подавишься.

Справившись с бутербродом, парень продолжил:

– Среди компромата на всех этих, – он неопределённо помахал руками, – я нашёл файл, обозначенный именем «Калачов». Естественно, я его открыл. Можешь сама посмотреть.

– Не сейчас. Рассказывай!

– Рассказывать? Ладно. Да, они подрались. Но свидетели

говорят, что твой отец не очень пострадал. Он наотрез отказывался ехать в больницу. Гаков чуть ли не насильно его туда увёз, сославшись на фиксацию побоев. Врачи определили лёгкое сотрясение мозга и оставили Костина до утра. Но до утра он уже не дожил.

– Вот!

– Что «вот»? Что вот? – с нажимом наехал на неё Кацэ. – Я же говорю: его отравили. В крови нашли сильнодействующий яд, которым пользуются некоторые зарубежные спецслужбы. Но в анализе крови при поступлении в госпиталь ничего не было. Поэтому командор здесь ни при чём. Он в это время сидел в кутузке. Твоего папку убили уже в больнице. Но того, кто это сделал, так и не нашли. Или не захотели искать.

Алиса откинулась на спинку диванчика и закрыла глаза. Пальцы, сложенные в замок, побелели от напряжения. Кирилл не мешал её абстрагированию и быстро слопал ещё один бутерброд. Наконец девушка ожила, приняла прежнюю позу и спросила:

– Из-за чего они подрались?

– Понятия не имею.

Тогда она задала ещё один вопрос:

– Это не связано со смертью жены Калачова?

Кацэ легкомысленно пожал плечами. Но тут же сосредоточился:

– Вполне возможно. Да, точно! Как я сразу не догадал-

ся? Она в своей предсмертной записке обвиняет человека по имени «Трика». Это же: К.К.К. – инициалы твоего отца. Ой, прости.

– Говори, говори. Я хочу знать всё.

– Может, не надо? – он тут же решил переменить тему: – Там ничего интересного. Лучше расскажи, чем ты занималась без меня?

– Говори, – девушка была предельно серьёзной. – Говори! Кирилл, я хочу знать всё. Расскажешь, и тогда мы больше не будем никогда в жизни возвращаться к этой теме. Говори!

– Хорошо, хорошо... О, господи! Язык мой – враг мой. Ладно, ладно. Короче, она просила прощение у нашего... э-э-э, патрона. Сейчас воспроизведу по памяти содержание предсмертной записки. Опущу предисловие – начну с главного: «Я запуталась. Думала, что полюбила. Но страшно ошиблась в нём. Трика интересовался мной только по одной причине. Он хотел, чтобы я скопировала файлы с твоего компьютера. Когда я отказалась, Трика стал шантажировать. Он подсыпал мне снотворное и сделал страшные по своей гнусности видеозаписи. Я ничего не помню. Но это меня не извиняет. Прости если сможешь. Если не сможешь, я тебя пойму». Всё.

С минуту Алиса сидела, словно статуя. Затем резко ожила, хаотично замахав вокруг своей головы руками. А затем рубанула:

– Наливай!

Выпив залпом бокал, она уставилась в одну точку и тихо произнесла.

– Да, всё перевернулось с ног на голову. Всю жизнь я считала Калачова негодяем, убийцей. А Гаков был олицетворением честности и мужественности. Он помогал нам, такие слова говорил... – её грустный взгляд искрился влагой слезинок. – Как я ошибалась... – она тяжело вздохнула и улыбнулась какой-то загадочной улыбкой – то ли извиняющейся, то ли ободряющей: —Всё не так, как кажется.

Целовальников втихаря вновь потянулся за очередным бутербродом. Девушка медленно перевела на него взгляд. Парень замер с зависшей над блюдом рукой. Алиса широко раскрыла глаза и медленно поднялась с места:

– А ты тот, за кого себя выдаёшь?

– Я? – переспросил Кирилл и, не найдя что сказать, ответил эмоциями на лице, прижиманием руки к груди и верчением головы по всем направлениям.

– Молчишь, негодяй! – деланно-грозным голосом воскликнула девушка.

Она вскочила и стала тискать парня, душить, щипать и щекотать. Кирилл быстро включился в игру и погнался за обидчицей вокруг стола. А затем прыгнул следом за ней в воду. В бассейне он её догнал и попытался обнять. Но Алиса вдруг переменялась в настроении. Она упёрлась в него руками, не подпуская к себе, и, наморщив лоб, произнесла:

– Нет, не могу. Проводи меня домой.

Глава девяносто шестая

5 мая

Сочи

Всё, что происходит с нами – это сказка

Стоял весенний, необычайно тёплый день. Тёплый по меркам Ярослава и Мары, всю жизнь проживших там, на далёком севере, в Москве. Плюс одиннадцать для них жарко. Тринадцать – очень жарко. Пятнадцать – пекло. Сегодня было очень тепло – плюс десять. Вовсю светило Солнце. Люди из прошлого сказали бы: светит, но не греет. Ничего, скоро на небосводе зажгутся тысячи новых «солнц». Обязательно зажгутся. Этому нет преград. И не может быть. Разве Мара и Яр могут позволить, чтобы эта большая мечта не сбылась? Не могут...

А пока влюблённые воплощали свои маленькие мечты. У Маши сегодня день рождения. Ей исполнилось ... лет. Чтобы этот праздник лучше запомнился, они решили уединиться в каком-нибудь красивом месте. В Сочи много чудесных мест. Очень много. Но ни Ярослав, ни Мара не знали, что

здесь есть памятник Прометею. «Подаривший людям огонь» с конца прошлого века стоит в одиночестве на краю обрыва Орлиных скал. По одной из легенд именно здесь он был прикован по приказу Зевса. Здесь его печень клевал орёл. Ребята попали сюда случайно. Изначально они хотели взобраться на вершину горы Ахун, чтобы осмотреть окрестности с орлиной высоты. А заодно посетить Агурские водопады. Здесь, по дороге, они и увидели знаменитые Орлиные скалы, притянувшие их к себе, словно магнит, и поменявшие их планы.

Настроение было великолепным. Ярослав шутил, как никогда. Мара заливалась ручейками смеха. Возможно, не из-за его шуток, а просто потому, что ей давно не было так хорошо и свободно. Вообще никогда не было. Немного кружило голову – сердце вырывалось наружу. Как здорово, что всё плохое закончилось. Теперь всегда будет так хорошо, как сегодня. Тёплый день, лазурное небо, земные красоты и он – любимый, родной, самый лучший на Земле. Другого нет. Нет и не надо. Девушка машинально прижалась к плечу возлюбленного и в этот момент они увидели памятник.

– О, господи, – Мара позабыла обо всём на свете и ринулась к исполину, на руках которого болтались обрывки цепей. – Он вырвался! Он свободен! Кто его здесь поставил? Это знак.

Ярослав подошёл сзади и сжал её тёплые плечи в своих руках:

– Интересное совпадение. Отправились восхититься

окрестностями, а «Прометей» уже здесь. Это напоминание о том, что нам ещё многое предстоит сделать.

Она резко развернулась:

– Не говори сегодня о работе, – нежный поцелуй заклеил ему уста. – Только не сегодня. Когда мы ещё сможем побыть наедине, наслаждаясь красотами?

Он улыбнулся и ответил более долгим поцелуем: нежным и многоговорящим, прошептав:

– У нас ещё вся жизнь впереди: долгая и счастливая.

Она в ответ также тихо:

– Я очень на это надеюсь...

И они снова слились в поцелуе...

Неожиданно парень припал на одно колено и взял её руку в ладонь:

– Мария Кузнецова, – сказано было предельно серьёзно, – я хочу, чтобы вы стали моей женой. Отныне и навсегда. Ты согласна?

Она засветилась глазами и уголками губ. Глядя сверху вниз, деланно капризно повела головой:

– Я бы согласилась, но где весь антураж романтических условностей?

– Что? – не понял он.

– Какой ты глупый, Славка! – она взъерошила его волосы и, продолжив игру, легонько шлёпнула жениха по носу: – Делаешь предложение девушке, а где кольцо?

Кольцо... Хорошо читаемые эмоции проявились на его

лице. Да, тут я оплошал. Машинально он сунул руку в карман. Там лежало колечко из материала, который он самостоятельно разработал ещё в студенческие годы. Это было его первое изобретение и поэтому очень дорогое. Вчера это колечко для обычного уплотнения в деталях механизмов, случайно попало на глаза, когда он разбирал свой нехитрый скарб. И он зачем-то сунул его в карман. А может, за этим? Он поднёс её руку к губам, поцеловал и аккуратно надел кольцо на безымянный палец. Мара, поднеся ладонь к лицу, счастливо улыбнулась:

– Это то самое колечко, которое ты мне показывал лет пять назад?

– Да.

– Хм, – она продолжала рассматривать кольцо из чёрного синтетического материала с таким же интересом, словно оно представляло собой шедевр ювелирного искусства. – Другая бросила бы его тебе в лицо и навсегда исчезла с линии твоего горизонта, – девушка опустила окольцованную руку и нежным касанием призвала его подняться. Когда их лица уткнулись друг в друга кончиками носа, она обвила его шею и, прижавшись, прошептала: – Я согласна! Спасибо. Это самое романтическое предложение...

Они стояли и целовались на глазах у сияющего в лучах солнца Прометея. Сколько это продолжалось? Может, мгновение. А может, целую вечность. Но внезапно чей-то голос прервал совместный полёт их сердец:

– Вот вы где. Угу, судьба, наконец, улыбнулась мне. Попались, голубчики.

Влюблённые на всякий случай подняли взгляд на Прометея. Но изваяние продолжало стоять, широко расставив ноги, подняв вверх мускулистые руки. Голова была чуть грустно склонена набок, словно извиняясь: это не я.

– Эй! Я здесь, придурки, – промолвил тот же голос.

Он доносился с противоположной от статуи стороны. Это был Грязнов.

– Не ожидали? А я припёрся, – осклабился он. – Попались, голубки... Дорогие мои, как я вас ненавижу! Если бы вы только знали, как я вас ненавижу!

Вид его был изрядно потрёпанным: грязная куртка, затасканная обувь, порванные брюки. На лице виднелись многочисленные ссадины и кровоподтёки. Видно, он все эти дни скитался по горным окрестностям Сочи. И ему пришлось нелегко.

Шелихов сжал губы и хотел сблизиться с бывшим приятелем. Ему было, что сказать Грязнову. Но в руках Лёхи неожиданно появился пистолет:

– Стоять! – радостно произнёс он, будучи явно довольным создавшейся диспозицией. – Куда это ты ломанулся?

– Хотел врезать тебе по довольной физиономии, чтобы узнать цвет твоей крови. Правду говорят, что у подонков кровь зелёного цвета?

– Ну-ну, давай, изгаляйся! Только теперь моя взяла. И

скоро не моя кровь окрасит подножие этого памятника, – он перевёл взгляд на четырёхметрового исполина. – Это, что, Прометей?

Мара прижалась к спине своего жениха, крепко обхватив его, словно боялась выпустить из своих рук мечту о счастье. Не дождавшись ответа, предатель сделал несколько шагов вперёд. Но потом одумался, опасаясь, что при плотном сближении не успеет выстрелить и остановился в 2-3 метрах от влюблённых. Внезапно он замер, сглотнул слюну и спросил:

– Хавчик есть? Конечно, есть. Ну-ка, девочка, что у тебя за плечами? Кидай сюда свой рюкзачок.

Завладев рюкзаком девушки, Лёха сделал три шага назад и, присев на корточки, предупредил:

– Шелохнётесь – пожалеете. Стреляю без предупреждения.

Распотрошив ношу, он обнаружил бутерброды с маслом, галеты и воду. Жадно засунув первый бутерброд в рот, проглотил его бессловесно, но во время поедания второго стал укорять, давясь и роняя крошки:

– Могли бы и что-нибудь повкуснее прихватить. Или вы уже сожрали? Нет? Это всё, что вы с собой взяли? Выходит, вы бессеребренники? Врёте! Не бывает такого, – он засунул новый кусок и, жуя, продолжил: – Ни за что не поверю, что вы не пользуетесь своим положением. Наверное, побоялись, что кто-нибудь увидит, как вы хамоном с икрой давитесь. А в президентском дворце, поди, на двадцати блюдах вам лёг-

кий завтрак подают. Нет? Ну, тогда вы полные идиоты. И нам с вами не по пути. А я бы пользовался своим положением. Только дурак может поступать иначе. Блин, простые бутерброды, а кажутся такими вкусными, – он отхлебнул из бутылки и принялся за следующий кусок. – Всё из-за вас. Три дня ничего не жрал. Вообще ничего. Представляете? А чего я вас спрашиваю? Это же по вашей милости мой портретик на каждом столбе красуется. Вор, предатель, что там ещё мне инкриминируется? А, конечно же – убийца. Вот здесь вы откровенно врёте. Калачов жив и даже лоснится от президентской кормёжки.

– Ты другого человека убил.

– Другого? Это кого? Впрочем, до лампочки! – Грязнов, поднялся с колена, облизнул пальцы, ловко перекинул рюкзак себе за плечи и запел старую песенку: – Как я вас не-на-ви-жу!

На этот раз Шелихов не промолчал:

– Чем же мы тебя настолько прогневали?

– Чем? А ты не знаешь? Несчастный чмошник, затюканный ботаник, ничего не понимающий в прелестях удовольствий. Ты не способен ценить жизнь. Тебе не дано получать кайфа от модной красивой одежды – у тебя нет вкуса и стиля. Ты не разбираешься в тачках, не получаешь наслаждения от дорогих вин. Ты не увлекаешься женщинами. Главная твоя женщина – работа. Ты весь в ней – маразматик. Жизнь коротка, чтобы всю её без остатка провести в вонючей лабора-

тории, ради изобретения каких-то дурацких прокладок. Кому они нужны, скажи мне? Кому? Баранам, которые населяют эту страну? Да этому быдлу ничего не надо, кроме хлеба и пойла. Зачем им Солнце? Это бессловесное стадо может прожить и без него. Они привыкли к плетям и грубым окрикам. Поэтому и правят здесь людишки, которых эта шалупонь поносит последними словами по вечерам на кухне. А утром вновь беспрекословно идёт в своё стойло.

Ярослав не ввязался в перепалку. Зачем? Только сам замараешься. Молчание Шелихова ещё больше разозлило бывшего дружка:

– Молчишь? Хочешь выглядеть таким красавцем – правильным и благородным. Хоть тебе и везёт невероятным образом, всё равно ты кончишь плохо. Нет, ты попраощаешься со своей вонючей жизнью уже через мгновение.

Он вскинул пистолет и навёл прицел на голову Ярослава. Мара тут же проскользнула вперёд, пытаясь защитить возлюбленного. Грязнов ухмыльнулся и фыркнул:

– Господи! Ну почему ты помогаешь всякому сброду? Почему у этого чмошника теперь есть всё: деньги, слава, любимая женщина. Невероятно: нашего ботана полюбила красавица Мара. Просто невероятно! Почему?! – он нервно затряс головой. – Ненавижу! Я – должен был всё иметь! Я! Удача была на моей стороне. Я держал её за хвост! Я чувствовал её трепет. Но этот чмошник каким-то невероятным образом переманил её. Это несправедливо! Почему ты не замёрз в

Москве? Почему не сдох, провалившись в пропасть? – его распирала ненависть, поэтому он орал во всё горло. – Если бы ты сдох вовремя, я давно купался бы в деньгах, окружённый челядью, бабами и роскошью. Но ты невероятным образом выжил! Сдохни сейчас! Ты умрёшь и не узнаешь, что я сделаю с Марой! Я с ней позабавлюсь вволю, – сквозь личину человека проявился волчий оскал.

Не желая ранить девушку, Лёха приподнял ствол повыше, пытаясь попасть в голову ненавистного соперника. Но промахнулся. Стрелком он был никудышным. Да и руки у подонка дрожали. Вдобавок он совершенно не вовремя споткнулся о камень. Пуля ушла вверх, попав точно в горло статуи. Мощная фигура древнегреческого титана была изготовлена из морского бетона. Прочный, но хрупкий материал брызгами разлетелся во все стороны. Голова чуть качнулась, словно решая, оставаться на старом месте или повторить подвиг Колобка. Но всё же не выдержала и свалилась вниз. Ударившись о каменный пьедестал, голова покатилась, подпрыгнула на бугорке, чуть коснулась лодыжки Шелихова, подпрыгнула ещё раз и замерла у ног предателя. Взгляд Грязнова вновь приобрёл торжествующий вид. Он поставил ногу на каменную голову и изрёк:

– Это символично! Голова Прометея у моих ног. Это знак! Судьба смилостивилась надо мной. Теперь всё пойдёт так, как мне надо! И каждому воздастся по заслугам.

И он вновь поднял пистолет для выстрела и начал прибли-

жаться к цели, чтобы точно не промазать.

Славка, осознавший, что его бывший друган не шутит, задвинул Мару за свою спину. Он, не находя средств для спасения, стал под дулом пистолета машинально отступать назад. Площадь перед памятником не превышала размера стандартной городской детской площадки. Всего в паре шагов за спиной влюблённых она заканчивалась. От пропасти её отделял низкий бордюр, сложенный из обычных плоских камней. В метре от бордюра Шелихов остановился, прекрасно понимая, что отступать некуда. Это видел и Алексей. Торжествующая ухмылка на его лице стала ещё злорадней.

– Прощай, Шелих! – крикнул он и нажал курок.

Но, неожиданно-негаданно для подлеца, на пути пули возникло препятствие. Это Мара выбросила вперёд руку с зонтом и нажала кнопку. Пуля срикошетила о купол зонтика и ушла в молоко. Разъярённый Грязнов стал хаотично нажимать на курок. Вторая пуля попала в центр купола. При прямом попадании кинетическая энергия пули невероятно высока. Мару отбросило. Она выпустила, рванувшийся из рук зонт, споткнулась о бордюр и полетела в пропасть.

Ярослав ничего этого не видел. Он мчался на противника предельно собранный для победы. Грязнов продолжал жать на курок, но выстрелов не следовало. Патроны закончились. Лёха попытался ударить Шелихова рукояткой пистолета, но не успел. Ярослав врезал ему кулаком в челюсть и выбил из рук ствол, запнув его подальше. Грязнов в это время успел

сгруппироваться и нанести ответный удар. Лёшка был крепче и физически развитей, чем его визави. Выпад получился серьёзным. Изобретатель «Прометей» не удержался на ногах. Торжествующий предатель готов был кинуться на поверженного «ботаника». Но тот быстро вскочил и яростно протаранил Грязнова. Эмоции и масса, помноженные на ускорение, свершили невероятное. Отступающий под напором Шелихова Лёха оступись и рухнул навзничь, увлекая за собой Ярика. Они шлёпнулись мощно – с размаху. Грохнулись сложной в одно целое массой тел. Славка сразу почувствовал, что его соперник обмяк. Встав на ноги, он увидел причину. Голова Грязнова неестественно вывернулась в районе шеи. Кровь предателя окрасила каменную голову статуи в зелёный цвет. Или это Шелихову показалось, что цвет был именно таким?

Финал был символичен. Все потуги подлеца разбились о голову Прометей.

Но Ярославу было не до осмысления символов. Он огляделся и, к своему ужасу, нигде не обнаружил силуэт любимой. Славка замер – ему послышалось, как кто-то то ли зовёт его, то ли стонет.

Мара висела, чудом ухватившись за прутья куста. Как он здесь вырос, цепляясь за голые камни? Неважно. Он вырос на счастье, а не на беду. Корни, не выдержав неожиданной нагрузки, потихоньку выворачивались из трещин скальной кладки. Камешки пролетали мимо девушки, беззвучно

ища дно пропасти. Жуткая картина. Обрыв, жалкий кустик и Мара, смотрящая на Ярослава широко открытыми глазами. Смотрящая откуда-то снизу. Шелихов осторожно лёг, стараясь не шевелить слабый грунт, и протянул девушке руку. Бесплезно, слишком далеко. Он подполз ближе. Ещё ближе – всё напрасно. Ещё чуть-чуть. Ещё... Мара уже практически сдалась:

– Славка, не надо. Сорвёшься. Тебе нельзя.

– Молчи. Не трать силы.

Её руки постепенно скользили по прутьям вниз. Каждый перехват выше вызывал опасный треск и осыпание камешков. Вечно это продолжаться не могло. Либо руки не выдержат, либо куст. Всё это невероятно нервировало. Мысли путались. Тело суетилось. Поняв, что попытки дотянуться до руки девушки тщетны, Ярослав вскочил и стал искать помощь: верёвку, палку – хоть что-то. Ничего подходящего не было. Но тут он вспомнил о ремне. Нет, не о своём. Он никогда их не носил. Но у поверженного соперника при падении задралась куртка и обозначила широкий ремень с металлической пряжкой.

– Мара, терпи, я сейчас.

Он вернулся через мгновение, сделав на одном конце ремня петлю, а второй намотал на кулак.

Петля болталась возле ладони, мёртвой хваткой сжимающей прут. Совсем рядом болталась. Но надо решиться, чтобы перехватиться. Руки уже не слушались девушку. Они не

желали разжиматься.

Распластавшийся на земле Ярик прорычал, едва разжимая вжавшуюся в камни челюсть:

– Мара, хватайся!

– Я не могу!

– Можешь!

– Нет!

– Да! Сунь руку в петлю. Сунь и я тебя вытащу.

– Я попытаюсь... Нет, не могу.

– Давай на счёт три.

– Я не могу.

– Сейчас или никогда. Раз!

– Ничего не выйдет!

– Два!

– Нет!!!

– Да! Три!!!

Она всё же успела сунуть руку в петлю ремня. Петля затянулась, и Ярослав вытянул девушку из бездны...

...Они сидели на краю пропасти, прижавшись друг к другу спинами, и глубоко дышали. Потные, разгорячённые, но счастливые. Наконец Славка попытался пошутить:

– Что-то слишком часто мы падаем в ущелья. То я, то ты. Прямо привычка какая-то.

Мара засмеялась и шутливо заметила:

– Ты мне зубы не заговаривай. Спас принцессу, теперь

обязан на ней жениться.

– Принцесс из башен спасают, а я тебя из пропасти вытащил.

– Всё в этом мире двояковыпуклое. С одной стороны выпуклое, а с другой – впуклое. Просто возьми и представь, что ущелье – это перевернутая башня.

– Даже в сказках такого не бывает.

– Бывает, милый, бывает. Всё, что происходит с нами – это сказка. И ты это знаешь лучше других... Прометей.

Глава последняя

22 сентября 2063 года

Сочи

Это был прекрасный субботний день. День равноденствия, древний праздник славян, поклонявшихся Солнцу. Всё возвращается на круги своя.

Накануне выпал первый снег. Всю ночь за окнами бушевала метель. Но утром небо полностью очистилось от туч. Ближе к полудню все, кто мог ходить, высыпали на улицу и устались вверх.

В толпе стояли и Кирилл с Алисой. Девушка прошептала:

– А если не получится?

– Что не «получится»? – также шёпотом переспросил Кацэ.

– Ну, купола не откроются. Или не сумеют нагреть.

– Командор сказал: «Если Прометей не заработает, нас самих развешают на фонарных столбах в качестве светильников».

Девушка улыбнулась: «Умеет Кирилл успокоить...»

В двенадцать часов, как и было обещано, на светлом небе стали появляться звёзды. Сначала они были маленькими. Но

постепенно их свет становился ярче и ярче. Буквально через пять минут всем стало ясно: Солнце перестало быть единственным светилом на земном небосводе. Теперь на нём зажглись тысячи, десятки тысяч маленьких источников солнечного света. Среди них выделялись несколько очень ярких. Это светила «прометеи», установленные на поверхности Луны. В реальности они были просто гигантских размеров.

Вскоре все почувствовали, что становится теплее. Постепенно температура перевалила нулевую отметку и медленно поползла вверх. Ликованию толпы не было предела. Все визжали, целовались, обнимались, и что-то кричали яркому от светил небу. Оттуда летели лепестки. Но это был не снег, а блестящая фольга, которую разбрасывали дроны. Особо рьяные снимали с себя одежду, размахивая ею над головой.

Далеко от шумной толпы на скамейке у подъезда старого дома одиноко сидели две старушки. Одна из них с довольной гримасой на лице подняла вверх указательный палец и промолвила:

– Это мой внук изобрёл.

– Чего-о-о? – недоверчиво протянула её соседка. – Что ты врешь! Я же знаю, что твой внук занимался какими-то прокладками.

– А вот и нет. Никто не имел права говорить правду. Он был серьёзно засекречен. Даже я не знала.

– Валентиновна, ты ходить стала после стольких лет паралича. Но болезнь не покинула твоё старое тело. Она в голову

перебралась.

– Думай, что хочешь, но я тебе правду сказала. Теперь это можно говорить. Он это изобрёл. Он и есть Прометей.

– «Прометей»? Ты в своём уме? Прометея я видела по телевизору. Он умный, высокий, красивый. И фамилия его Шелихов. А твоя какая?

– Дура ты. Дочка моя вышла за Сашку Шелихова. Какая у внука должна быть фамилия?

– Всё равно врёшь...

Собеседница Таисии Валентиновны не успела предъявить новые аргументы, так как во двор въехал огромный белый кабриолет. Из него вышли Ярослав и Мара и направились к скамейке старушек.

– Ах, – вторая старушка прикрыла рот ладошкой, – сам Прометей к нам пожаловал!

– Таисия Валентиновна, – обратилась к бабушке Ярослава Маша, – мы за вами заехали. Хотите с нами по солнечному городу прокатиться?

Бабушка встала, поцеловала по очереди молодых и, повернувшись к своей подружке, с улыбкой похвасталась:

– Это мой внук Ярослав Шелихов. А это его красавица-невеста Маша. Прошу любить и жаловать.

Вторая бабулька растерянно кивнула головой и натужно натянула на лицо улыбку:

– Здравсте.

Таисия Валентиновна снова расцеловала молодую пару:

– Вы езжайте без меня. Мы с Алексеевной тут на солнышке погреемся.

Кабриолет перед проездом по главной улице южной столицы России заехал за Бузмаковым. Вит за эти месяцы немного пришёл в себя. Слава богу, голова у него стала работать, как прежде. Он всё понимал, но молчал. Вообще не разговаривал. Врачи не могли дать очевидного прогноза, будет он говорить или нет. Он сидел абсолютно седой с обычно мрачным настроением и молчал. Сидел в инвалидной коляске. После пережитого у него отнялись ноги.

Вита пересадили на переднее сидение, а коляску закрепили над задним бампером автомобиля.

Яр и Мара звали с собой Калачова, Кирилла и Алису. Но они наотрез отказались. Как сказал генерал: «Вы изобретатели – вам и лавры».

Солнце светило как никогда ярко. Ещё бы, ведь ему помогали десятки тысяч маленьких светил! Им в свою очередь всю помогали лучезарные улыбки и счастливые глаза людей. Стало совсем тепло. Приборы показывали двадцать один градус, и температура продолжала повышаться. Народ демонстративно скидывал шапки, шарфы и тёплую одежду.

Кабриолет изобретателей выехал на Курортный проспект возле парка «Дендрарий» и направился к центру города. Электромобиль двигался медленнее пешехода – толпа не желала расступаться. Каждый хотел дотронуться до ладоней своих героев. Герои были счастливы. Вит был счастлив. Ма-

ра с Ярославом были счастливы. Счастливы, как никогда...

Неожиданно Славка замахал рукой и крикнул в толпу:

– Иди сюда! Иди!

– Кого ты зовёшь? – Маша смотрела по направлению его руки, но не могла понять, кому адресован призыв.

– Это мой дружок.

Пашка попытался пробраться к кабриолету, но не смог. Но крупный мужчина, стоявший рядом с ним, понял всё, приподнял парнишку и передал по эстафете впередистоящему.

Оказавшись в «кабриолете героев», Пашка засиял от восторга и стал махать над головой обеими руками. Затем повернулся к Ярославу:

– Спасибо за Солнце. Я в тебя верил.

– Тебе, Пашка, спасибо.

– Мне то, за что?

– За то, что ты верил в меня. Не просто верил, но и помогал изо всех сил. Поэтому всё и получилось.

– Мама говорит, что ты настоящий герой.

– Мы настоящие герои. Мы, Пашка, мы. Мы смогли выдержать все испытания: не расплакались, не ударились в панику, не опустили руки. Мы не волшебники и не сказочные герои. И не супермены из комиксов. Мы люди, и этим всё сказано.

Ярослав легонько щёлкнул пацана по носу, улыбнулся и посмотрел на Мару. Та тоже улыбнулась в ответ и в знак со-

гласия прикрыла на мгновение веки.

Прижав парня к себе, Шелихов крикнул:

– Это Павел Анатольевич Милащенко! Он маленький человек, но большой герой! Когда на его хуторе нас обложили американцы, он не испугался. Пашка взял ружьё и заставил капитулировать целый отряд суперменов. Благодаря его героизму этот день настал!

Толпа ответила гулом ликования.

Два часа у героев ушло на то, чтобы добраться до площади перед Государственной Думой. Здесь была выстроена огромная сцена, на которой выступали популярные артисты. Все ждали, что на неё поднимутся изобретатели «Прометей». Но Яр наотрез отказался, объяснив Маше:

– Завтра голосование. Сегодня день тишины. Я стану выступать на публике, если только снимусь с выборов.

– Я тебе снимусь! – погрозила ему кулачком девушка. – Я просто мечтаю, чтобы ты называл меня «Первая леди».

– Нет, никогда я тебя так звать не буду. Я буду тебя называть «моя единственная леди». Или просто, «моя леди».

Кабриолет так и остался стоять посередине толпы. Гул восторга прокатился по всей площади, достиг морского вокзала и вернулся обратно. Поводом стали не герои «Прометей», а популярнейший исполнитель в новомодном стиле «крэк» Балалай.

Под вступительные аккорды бас-гитары певец выкатился на авансцену на коленях. В руках у него был зонт. Певец

ловко вскочил, ловко сделал сальто и столь же ловко раскрыл зонт над головой. Хулиганской походкой под какофонию всех музыкальных инструментов Балалай прошёлся из стороны в сторону. После этого встал на самом краю сцены, широко расставив ноги, и хриплым голосом запел один из своих шлягеров. Разобрать текст и смысл слов могли только самые продвинутые. Но молодёжь его активно поддерживала и подпевала. Когда песня закончилась, но исполнитель ещё не попрощался, на сцену пружинистым шагом вышел командор. Он что-то шепнул на ухо Балалаю. Тот кивнул. После чего командор объявил:

– Эту песню мы посвящаем нашим погибшим товарищам: Артёму Шустецкому, Владу Ахтарову и Лизе Юшкевич.

Исполнители обнялись и, раскачиваясь из стороны в сторону, запели:

– Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда будем мы.

Народ поддержал «дуэт» с большим энтузиазмом. Многотысячный хор слышен был издалека. Все, кто находился в кабриолете, тоже стали подпевать. Яр внезапно замолчал, а затем засмеялся:

– Смотри, целуются!

– Кто, где?

– Да вон, вон, сюда смотри! – Шелихов взял голову Мары

в свои руки и насильно повернул в нужную сторону. – Теперь видишь?

– Точно? – расплылась в улыбке Маша. – Целуются.

Вся толпа дружно смотрела на певцов, и только двум влюблённым не было никакого дела до всех остальных. Алиса и Кирилл целовались. И этот процесс в настоящий момент им нравился больше всего. Прав всё же командор. Как никогда прав, сказав накануне: «Впереди дел по горло. Надо восстанавливать страну и рожать детей. Очень много рожать. Без этого никак».

– Вы не туда смотрите! – похлопал Шелихова по руке Пашка. – Вы сюда смотрите!

И он указал на Бузмакова.

Вит стоял. Стоял на ногах. Стоял и плакал. Плакал и пел. Пел тихо, но вполне внятно:

– Пусть всегда будет солнце...

Это был самый счастливый день...

... Никто не расходился, настроившись гулять до утра. Откуда-то появилось шампанское. Гулять, так гулять! Никто ни на чём не экономил. На улицу несли всё: припрятанные вкусняшки, алкоголь, еду. Многие кафе и рестораны обслуживали бесплатно, выставив столы на улицу. В магазинах раздавали одноразовые стаканы, вилки, тарелки, питьевую воду. Солнце зашло в половине седьмого, но искусственные прометеи ещё долго не гасли. На улице было светло,

как днём. Ровно в одиннадцать по сигналу с центра управления они свернули свои купола. Салюты и световые композиции не отпускали народ всю ночь. Новый день начался в шесть утра. Зажглись прометеи. Солнце выплыло из-за горизонта чуть позже. Жизнь на Земле продолжалась. Счастливая жизнь... Уверенная жизнь... Жизнь полная добра и надежд...

Это только начало... Мы обогреем всю Землю... А затем обогреем Марс...

Конец.

P.S. Дочитали? Если понравилось – смело ставьте «пять». Не понравилось? Тогда «четыре».